ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Дмитриева Валентина Андреевна

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ДЕРЖАВ СРЕДНЕГО УРОВНЯ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель:

кандидат политических наук, доцент

Кузнецов Денис Андреевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ КАТЕГОРИИ ДЕРЖАВЫ СРЕДНЕГО УРОВНЯ И ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ 43

§ 1.1. Концептуальные подходы к иерархии государств и державам среднего уровня в мировой политике 45
§ 1.2. Гуманитарная дипломатия: содержание понятия 84
§ 1.3. Державы среднего уровня: выбор кейсов 96

ГЛАВА 2. ПРАКТИКА ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДЕРЖАВ СРЕДНЕГО УРОВНЯ 106

§ 2.1. Мексика: борьба с социально-экономической неустойчивостью в Латинской Америке 108
§ 2.2. Индонезия: независимый миротворец в Юго-Восточной Азии 117
§ 2.3. Южная Корея: признанный донор с уникальным опытом 124
§ 2.4. Турция: исламский актор в поисках мирового влияния 134
§ 2.5. Австралия: тихоокеанский актор 146
§ 2.6. Индия: региональный партнер-кредитор, стимулирующий развитие человеческого потенциала партнеров 154
§ 2.7. Бразилия: адаптивный актор с исторически обусловленными связями 163
§ 2.8. ЮАР: африканский миротворец и инноватор 172

ГЛАВА 3. ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДЕРЖАВ СРЕДНЕГО УРОВНЯ: ОБОБЩЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 182

§ 3.1. Особенности гуманитарной дипломатии держав среднего уровня 182
§ 3.2. Цели использования державами среднего уровня гуманитарной дипломатии 207

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 217

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ... 224

ПРИЛОЖЕНИЕ А 271

ПРИЛОЖЕНИЕ Б 276

ПРИЛОЖЕНИЕ В 280

ВВЕДЕНИЕ

Современная мировая политическая система находится в процессе трансформации: под воздействием мегатрендов и противоположных им трендов — глобализации и деглобализации, интеграции и дезинтеграции, демократизации и дедемократизации [1] — происходит изменение характера влияния акторов, их взаимоотношений, вызовов, возникающих перед ними и обретающих транснациональный характер.

Изменение акторов и вызовов в свою очередь приводит к дальнейшей трансформации современной мировой политической системы, что выражается в нескольких трендах.

Во-первых, так как в связи с глобализацией транснационализируются проблемы и вызовы, выходя за привычные границы национальных государств, это приводит к появлению иных проблем гуманитарного характера (вынужденная миграция, голод, терроризм и др.) и резкому ухудшению обстановки[2]. Для решения возникающих вызовов и проблем самостоятельная деятельность государства по урегулированию и снижению воздействия оказывается недостаточной. В связи с необходимостью смягчить последствия существующих кризисов и координировать действия в проблемных зонах возрастает потребность в международном сотрудничестве, в том числе и гуманитарном. Ярким примером транснационального гуманитарного кризиса является пандемия коронавируса, во время которой глобализация и взаимозависимость привели к возникновению дополнительных вызовов в экономике, политике и социальной сфере. Изначально государства в большей степени полагались на собственные силы, что значительно усложнило борьбу

[1] Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – №9. – С. 29–37.

[2] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга: тенденции и дискурсы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2024. – №2. – С. 89–124.

с кризисом[3], но в сложившейся ситуации от государств потребовалось многостороннее сотрудничество в нескольких сферах одновременно — поддержание мировой экономики, охрана здравоохранения, помощь развивающимся странам и установление обмена научным опытом. При этом привычные форматы международного сотрудничества, такие как ООН, теряют свою эффективность ввиду внешнего давления, и государства ищут для себя новые форматы международного взаимодействия[4].

Во-вторых, отмечается усиление гуманитарной сферы в связи с повышением значимости человеческого фактора[5] — возникает все больше «чрезвычайных пространств», где наблюдается хронический гуманитарный кризис, жизни подвергаются дегуманизации и лишаются ценности, достоинства и защиты. Происходит регионализация гуманитарных кризисов, гуманитарные проблемы становятся наследуемыми[6]. При этом наиболее влиятельные страны становятся неспособны обеспечить безопасность в ответ на такие угрозы[7]. Это вызывает ответную реакцию со стороны мирового сообщества, в защиту жизней оказываются вовлечены не только государства, но и негосударственные акторы (международные неправительственные организации, транснациональные корпорации) и международные правительственные организации, что приводит к усилению дискурса о гуманитарном положении человека. В действительности, этот феномен получил название гуманитаризации мировой политики: любая проблема рассматривается с точки зрения обеспечения безопасности человека[8].

---

[3] Харкевич М.В., Зиновьева Е.С. «Вакцинный национализм» в контексте конкуренции великих держав : анализ с позиций теории секьюритизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27. – №2. – С. 137–150.

[4] Саямов Ю.Н. Новые форматы и горизонты международных отношений // Международная жизнь. – 2024. – №8. – С. 44–55.

[5] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга: тенденции и дискурсы. – С. 92.

[6] Там же.

[7] Саямов Ю.Н. Безопасность человека как глобальная проблема // Международная жизнь. – 2021.– №1. – С. 44–55.

[8] Лебедева М.М. Гуманитаризация мировой политики // Полис. Политические исследования. – 2021. – №4. – С. 76–87.

В-третьих, в связи с высокой стоимостью применения военных и экономических инструментов воздействия и неготовностью бороться с коренными причинами возникающих проблем, государства чаще начинают обращаться к гуманитарным инструментам для борьбы с транснациональными вызовами[9].

В-четвертых, государства испытывают кризис с точки зрения укрепления своих позиций на международной арене. Если в XX в. основным фактором влияния была жесткая сила — военная и экономическая мощь, то после окончания холодной войны к факторам влияния начали относить достижения государств в области культуры, искусства, науки, технологий и образования[10]. В связи с этим становится все менее очевидным, какая держава или группа держав может претендовать на глобальное лидерство и как определить критерии для осуществления глобального лидерства[11]. На фоне популяризации гуманитарной деятельности отмечается устойчивый рост объема помощи и количества доноров: так, по официальной статистике ОЭСР, в 1997 г. объем помощи составлял 67,38 млрд долларов США, а в 2022 г. — 214,4 млрд долларов США[12]. При этом гуманитарный инструмент может применяться для усиления двусторонних отношений или контроля деятельности негосударственных акторов (путем контроля финансовых потоков)[13].

Таким образом, отмечается активизация гуманитарного измерения внешней политики в качестве ответа на указанные тренды.

В последние несколько лет усилилось внимание мировой общественности к гуманитарному измерению деятельности государств ввиду

---

[9] Barnett M., Weiss T.G. Humanitarianism Contested : Where Angels Fear to Tread. – Abingdon, Oxon : Routledge, 2011. – 182 p.
[10] Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №4 (25). – С. 85-93.
[11] Касаткин П.И., Ивкина Н.В. «Мягкая сила» во внешнеполитической стратегии России: от теории к практике // Право и управление. XXI в. – 2015. – №4 (37). – С. 311–322.
[12] ODA trends and statistics // Organization for Economic Cooperation and Development. 2023. URL: https://www.oecd.org/en/topics/oda-trends-and-statistics.html (Last accessed: 12.04.2023).
[13] Barnett M., Weiss T.G. Humanitarianism Contested: Where Angels Fear to Tread. – P. 21.

получивших освещение в прессе событий. Репутация агентств и организаций, занимающихся вопросами развития, значительно ухудшилась: так, в январе 2025 г. президентом США Д. Трампом было принято решение о приостановке на 90 дней предоставления помощи другим странам через Агентство США по международному развитию (USAID) для оценки соответствия программ агентства внешней политике США [14] . В результате проверки высокопоставленные лица США заявили о факте финансирования агентством исследований в области биологического оружия [15] и о несоответствии деятельности интересам внешней политики [16] . Реакция мировой общественности на деятельность агентства оказалась негативной: в Молдавии признали деятельность организации нежелательной[17], ряд стран задумался о принятии законов для ограничения деятельности иностранных организаций[18], а также был выявлен факт финансирования политических кампаний в нескольких государствах[19]. В результате в США свернули деятельность USAID, передав программы помощи в ведение Государственного департамента США[20]. Ранее деятельность USAID была запрещена в России в 2012 г. [21] В действительности не только USAID, но и другие институты гуманитарной дипломатии были признаны нежелательными или ограничены в своей

---

[14] В Раде оценили решение Трампа о приостановке помощи другим странам // РИА Новости. 21.01.2025. URL: https://ria.ru/20250121/pomosch-1994783711.html (дата обращения: 01.07.2025).

[15] Маск раскрыл шокирующие подробности о деятельности USAID // РИА Новости. 02.02.2025. URL: https://ria.ru/20250202/usaid-1996930948.html (дата обращения: 01.07.2025).

[16] USAID перестало учитывать интересы США, заявил Рубио // РИА Новости. 04.02.2025. URL: https://ria.ru/20250204/usaid-1997213144.html (дата обращения: 01.07.2025).

[17] В Молдавии назвали USAID агентом иностранного влияния // РИА Новости. 03.02.2025. URL: https://ria.ru/20250203/moldavija-1997138091.html (дата обращения: 01.07.2025).

[18] В Казахстане призвали принять закон об иноагентах // РИА Новости. 12.02.2025. URL: https://ria.ru/20250212/kazahstan-1998810715.html (дата обращения: 01.07.2025).

[19] В Грузии обвинили USAID во вмешательстве // РИА Новости. 12.02.2025. URL: https://ria.ru/20250212/gruzija-1998901186.html (дата обращения: 01.07.2025). ; Венесуэльская оппозиция получила от USAID боле пяти миллиардов долларов // РИА Новости. 13.02.2025. URL: https://ria.ru/20250213/usaid-1998997540.html (дата обращения: 01.07.2025).

[20] Агентство США USAID сворачивает программу иностранной помощи // РИА Новости. 01.07.2025. URL: https://ria.ru/20250701/ssha-2026558905.html (дата обращения: 08.07.2025).

[21] Захарова: USAID было закрыто в РФ из-за продвижения ЛГБТ-повестки // Вести.ru. 04.02.2025. URL: https://www.vesti.ru/article/4342777 (дата обращения: 01.07.2025).

деятельности: в России под ограничение попали институты Великобритании[22] и Германии, в т.ч. реализующие проекты гуманитарной дипломатии, а за рубежом началось ограничение деятельности Россотрудничества — был закрыт Русский дом в Азербайджане[23], ранее произошла блокировка счетов Россотрудничества в Европейском Союзе [24] . Таким образом, возникла дискуссия о допустимости деятельности подобных институтов на территории других стран, что потенциально может усилить или, наоборот, ослабить интерес разных государств к этому инструменту.

Параллельно с этим происходит повышение активности различных акторов на международной арене, в том числе, государств, не обладающих возможностью влияния на мировую повестку через участие в высших органах международных организаций и обладание правом вето (как постоянные члены Совета Безопасности ООН) и из-за этого ранее имевших ограниченные возможности в публичном выражении своей позиции[25]. Этот тренд отчасти проявляется в стремлении государств к объединению в группы для усиления влияния — например, в трансрегиональные[26] объединения, такие как БРИКС[27]

---

[22] О признании НПО «Британский совет» нежелательной на территории Российской Федерации // ФСБ. 05.06.2025. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440294%40fsbMessage.html (дата обращения: 01.07.2025).

[23] Примаков раскритиковал закрытие Русского дома в Азербайджане // РИА Новости. 16.07.2025. URL: https://ria.ru/20250716/primakov-2029461882.html (дата обращения: 25.07.2025).

[24] Примаков сообщил, что ЕС начал блокировку счетов Россотрудничества и культурных центров РФ // Россия – Исламский мир : группа стратегического видения. 22.05.2024. URL: https://russia-islworld.ru/temy/primakov-soobsil-cto-es-nacal-blokirovku-scetov-rossotrudnicestva-i-kulturnyh-centrov-rf-2024-05-22-41564/?ysclid=mdssmvmk7c15175198 (дата обращения: 25.07.2025).

[25] Flemes D. India, Brazil and South Africa (IBSA) in the new global order : interests, strategies and values of the emerging coalition // International Studies. – 2011. – Vol. 46. – No. 4. – P. 401–421.

[26] Кузнецов Д.А. Международный трансрегионализм и его влияние на современные мирополитические процессы : дисс. … канд. полит. наук. – М., 2020. – 214 с.

[27] Членами БРИКС на 07.01.2025 г. являются 10 стран: Бразилия, Индия, Россия, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия, Индонезия. При этом в объединении БРИКС есть государства с правом вето (Россия и Китай), что способствует усилению влияния государств-членов объединения без права вето.

и МИКТА [28] . Феномен активизации подобных государств требует от исследователей выбора подходящего термина: в академической литературе встречаются «восходящие державы» («rising powers», «emerging powers»)[29], «державы среднего уровня» («middle powers»)[30], «региональные державы» («regional powers») [31] , «сетевые державы» («network powers») [32] , «предприимчивые державы» («entrepreneurial powers»)[33] в качестве названия подобных государств.

Актуальность данного исследования вытекает из усиления гуманитарного измерения внешней политики (гуманитарной дипломатии) и активизации государств, не обладающих возможностью влияния на мировую политику в одиночку. Для таких государств, именуемых державами среднего уровня, гуманитарная дипломатия может становиться инструментом не только решения гуманитарных вызовов, но и укрепления собственных позиций на международной арене, в том числе укрепления престижа и статуса. При этом гуманитарная активность государства воспринимается мировым сообществом как этически правильная составляющая поведения любого государства, и, как следствие, возникают институты поддержки гуманитарной деятельности государства на международном уровне в разных сферах: например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), занимающаяся в том числе вопросами регулирования и стимулирования

---

[28] Членами МИКТА являются 5 стран: Мексика, Индонезия, Республика Корея, Турция и Австралия. Среди этих стран нет государств с правом вето в Совете Безопасности ООН.

[29] Hurrell A. Narratives of emergence : Rising powers and the end of the Third World? // Brazilian Journal of Political Economy. – 2013. – Vol. 33. – No. 2 (131). – P. 203–221. ; Larson D.W., Shevchenko A. Managing Rising Powers : The Role of Status Concerns // Status in World Politics / Ed-s. T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 35–57.

[30] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – L. : Palgrave Macmillan London, 1984. – 234 p.

[31] Flemes D. Regional Leadership in the Global System : Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers. – L. : Routledge, 2010. – 406 p.

[32] Flemes D. Network Powers : strategies of change in the multipolar system // Third World Quarterly. – 2013. – Vol 34. – No. 6. – P. 1016–1036.

[33] De Sá Guimarães F., Almeida M.H. Brazil’s entrepreneurial power in world politics : The role of great powers and regional politics for successful entrepreneurship // International Journal. – 2018. – Vol. 73. – No. 4. – P. 518–534.

оказания помощи в целях содействия международному развитию[34], Программа развития ООН (ПРООН), занимающаяся борьбой с бедностью, снижением неравенства и укреплением устойчивости[35], Всемирная продовольственная программа (ВПП ООН), занимающаяся борьбой с голодом. В такого вида организациях активно реализуются и поддерживаются программы в сфере гуманитарной деятельности. Также регулярно проводятся международные мероприятия (например, Всемирный гуманитарный саммит), которые помогают в обмене опытом и определении лучших практик гуманитарной деятельности, публикуются брошюры, содержащие истории успеха. На подобных международных площадках наблюдается усиление активности держав среднего уровня, принимающих участие в формировании стандартов гуманитарных практик. Важность использования инструмента гуманитарной дипломатии признается также на уровне национальных государств, поэтому отдельные государства внедряют ее в свою деятельность, об этом свидетельствует существование концептуальных документов, в которых разрабатываются методы ее реализации. Одним из таких документов является Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом 2022 г. [36] , в рамках которой реализуются в том числе содействие международному развитию, регулируемое Концепцией государственной

[34] Вопросы развития в ОЭСР включают в себя в том числе разработку и утверждение стандартов, продвижение и отслеживание финансирования устойчивого развития, укрепления механизмов управления стран с низким и средним доходом, продвижение инклюзивности, борьбу с неравенством и бедностью для улучшения благополучия людей, укрепления свободы и достоинства. Источник: Development // Organization for Economic Cooperation and Development. URL: https://www.oecd.org/en/topics/development.html (Last accessed: 10.11.2024).

[35] Деятельность ПРООН связана с предоставлением доступа к накопленным знаниям, практическому опыту и ресурсам в целях содействия улучшению жизни населения. Сеть нацелена на координацию усилий на глобальном и национальном уровне для достижения целей устойчивого развития. Источник: Программа развития Организации Объединенных Наций // ООН. 2010. URL: https://www.un.org/ru/ga/undp/ (дата обращения: 10.11.2024).

[36] Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом : утв. Указом Президента Российской Федерации от 05 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом»: в ред. Указа Президента Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 747 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 37, ст. 6315. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=603229493&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1.

политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, принятой в 2014 г. и измененной в 2023 г.[37]

Степень разработанности проблемы. Политическая наука обладает наработанным опытом исследований по проблематике держав среднего уровня с точки зрения их определения. Несмотря на отсутствие единого подхода к определению, существует несколько параллельно разрабатываемых школ подходов, выявленных еще К. Холбрадом[38]. В рамках этих школ, находящихся в разных течениях теории международных отношений, держава среднего уровня осмысляется с разных сторон: рассматриваются как материальные способности отдельных государств в сравнении с другими мировыми государствами, так и внешнеполитическая деятельность («поведение»), выполняемые государством задачи на международной арене («ниши деятельности»), риторика правительства и некоторые физические характеристики в виде географического положения. Таким образом, авторы школ по-разному отвечают на вопрос, что является сущностью выделения держав среднего уровня в отдельный кластер. При этом в попытке объяснить место изучаемого государства в системе международных отношений к школам примыкали не только представители преимущественно теоретических исследований, но и исследователи отдельных государств (например, Дж. Гранатштейн[39]). Тем не менее, большая часть подходов не отвечает на вопрос, какие характеристики присущи иным участникам международных отношений, например, с точки зрения поведения или выполняемых функций. Это существенно ограничивает использование большинства из подходов для проведения системных исследований.

---

[37] Указ Президента Российской Федерации от 13.03.2023 г. № 161 «О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259» – Номер опубликования: 0001202303130003 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 13.03.2023. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303130003.

[38] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 10–66.

[39] Granatstein J.L. Canadian Foreign Policy Since 1945 : Middle Power or Satellite? / Ed. J.L. Granatstein. – Toronto : Copp Clark Publishing Company, 1969. – 201 p.

Наибольшую распространенность получил поведенческий подход, активно разрабатываемый Э.Ф. Купером, Р.А. Хигготом, К.Р. Носсалом [40], также основанный на исследовании положения конкретных стран — Австралии и Канады. Для данного исследования этот подход представляет интерес тем, что отчасти привлек внимание к гуманитарной дипломатии государств благодаря тому, что отметил в качестве характерных для держав среднего уровня такие выполняемые роли как поддержка многосторонних организаций, приверженность общепринятым правилам и ценностям и посредничество в разрешении споров и конфликтов, а также продвижение сотрудничества, основанных на национальных интересах. Позднее подобные виды деятельности получили общую характеристику «среднедержавности» [41].

Совместно с этим подходом для исследования представляет интерес конструктивистский подход к определению державы среднего уровня, разработанный, в частности, Э. Карром[42] и А. Чепником[43] и основанный на идентичности каждого отдельного государства и позиционировании его на международной арене. Конструирование позиции средней державы имеет значение для определения ожиданий всех участников мирового сообщества.

Классические подходы, подвергнувшиеся критике академического сообщества, стали перерабатываться в новые, представляющие собой комбинацию подходов. Так в статье К.Г. Тиса и А. Сари «Подход ролевой теории к державам среднего уровня» был разработан комбинированный подход, согласно которому держава среднего уровня рассматривается в качестве статуса, который характеризуется дополнительными ролями

---

[40] Cooper A.F., Higgot R.A., Nossal K.R. Relocating Middle Powers : Australia and Canada in a Changing World Order. – Vancouver : UBC Press, 1993. – 240 p.

[41] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. – No. 2. – P. 291–310.

[42] Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol. 68. – No. 1. – P. 70–84.

[43] Chapnick A. Middle Power No More? Canada in World Affairs Since 2006 // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. – 2013. – Vol. 14, No. 2. – P. 101–110. Cit. in: Thies C.G., Sari A.C. A Role Theory Approach to Middle Powers : Making Sense of Indonesia’s Place in the International System // Contemporary Southeast Asia. – 2018. – Vol. 40. – No. 3. – P. 397–421.

(взятыми из поведенческого подхода), причем этот статус может быть приписан государству другими участниками[44]. Именно этот теоретический подход с доработками лег в основу настоящего диссертационного исследования.

Исследования гуманитарной дипломатии также достаточно обширны, хотя и как отдельное явление в академической литературе появились только в XXI в. На данный момент существует достаточно много определений: Ф. Ренье[45], Л. Минеара[46] и Х. Смит[47], Д. Урджан[48], Е.С. Громогласовой[49], С.С. Ипполитова[50], О.Н. Богатыревой[51] и др. Наибольший вклад в отечественную литературу внесла монография Е.С. Громогласовой, в которой изучается феномен гуманитарной дипломатии, в т.ч. двусторонней и многосторонней[52]. При этом в академической литературе не сложилось единого понимания, кто является субъектом, объектом и актором гуманитарной дипломатии, а также какие действия являются характерными для явления, что приводит к различным характеристикам этого понятия. Большое число исследователей, в т.ч. представители уральской школы международных отношений, например, О.Н. Богатырева, пишет о

---

[44] Thies C.G., Sari A.C. A Role Theory Approach to Middle Powers : Making Sense of Indonesia's Place in the International System. – P. 397–421.

[45] Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy : identification of a community practice and prospects for international recognition // International Review of the Red Cross. – 2011. – Vol. 93. – No. 884. – P. 1211–1237.

[46] Minear L. The craft of humanitarian diplomacy // Humanitarian Diplomacy : Practitioners and Their Craft / Eds. L. Minear, H. Smith. – Tokyo : UNU Press, 2006. – P. 7–35.

[47] Smith H. Humanitarian diplomacy : Theory and practice // Humanitarian Diplomacy : Practitioners and Their Craft / Eds. L. Minear, H. Smith. – Tokyo : UNU Press, 2006. – P. 36–62.

[48] Urcan C. The Changing Nature of Diplomacy : Rising Powers' Humanitarian Diplomacy Practices // The 13th Edition of the International Conference. European Integration — Realities and Perspectives. Proceedings. – 2018. – Vol. 13. – No. 1. – P. 244–250.

[49] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования. – М : ИМЭМО РАН, 2018. – 124 с.

[50] Ипполитов С.С. Гуманитарная деятельность как объект культурологии : определение, изучение, тенденции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2018. – №2 (29). – С. 36–45.

[51] Богатырева О.Н. Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, №1. – С. 166–191.

[52] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования.

деятельности специализированных и международных организаций [53] . С. Турунен в своих исследованиях приводит тезис об интерсубъективной реальности гуманитарной дипломатии, где субъектами становятся как правительства и доноры, так и население с персоналом [54] . Расширение субъектного поля гуманитарной дипломатии в рамках исследований уральской школы представляется связанным с глобализацией, признанием необходимости вовлечения неофициальных акторов, изменением типа конфликтов и демократизацией дипломатии[55].

Большое значение для данного исследования имеет блок работ, продолжающий идею об интерсубъективной реальности понятия гуманитарной дипломатии, существующей на разных уровнях, и представляющий теоретические изыскания по определению этих уровней. Так, Ф. Ренье определяет три уровня реализации гуманитарной дипломатии: международный, национальный и локальный[56]. В разработке Д.М. Ковба три уровня реализации гуманитарной дипломатии представляются другими: глобальный, региональный и национальный (государство)[57]. В коллективной монографии О.Н. Богатыревой, Д.М. Ковба и К.М. Табаринцевой-Романовой уровни гуманитарной дипломатии представляют собой официальный государственный, субнациональный и негосударственный[58]. Таким образом, на каждом уровне действуют разные субъекты. Этот вывод позволяет не

---

[53] Богатырева О.Н. Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы ; Зонова Т.В. Дипломатия принуждения. Казус Ливии // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – №1. – С. 135–154.

[54] Turunen S. Humanitarian Diplomatic Practices // The Hague Journal of Diplomacy. – 2020. – Vol. 15. – No. 4. – P. 459–487.

[55] Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт / О.Н. Богатырева, Д.М. Ковба, К.М. Табаринцева-Романова ; под ред. О.Н. Богатыревой. – М. : Наука, 2021. – 282 с.

[56] Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community practice and prospects for international recognition. – P. 1219–1221.

[57] Ковба Д.М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : История и политические науки. – 2023. – №1. – С. 135–147.

[58] Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт. – С. 6.

выделять гуманитарную дипломатию государств как существующую в политическом вакууме деятельность.

Гуманитарная дипломатия государств не отличается единым подходом: об этом писала в том числе Дж. Урджан, занимавшаяся обобщением существующих среди государств подходов[59]. Отсутствие единого подхода приводит к попыткам исследователей выявить цивилизационные модели гуманитарной дипломатии, которые бы применялись к нескольким странам выделенного региона: так, в коллективной монографии О.Н. Богатыревой, К.М. Табаринцевой-Романовой, Д.М. Ковба и Ю.С. Филаретовой представлено три цивилизационных модели — средиземноморская, латиноамериканская, китайская[60]. Тем не менее, Е.Г. Грибовод выражает сомнения относительно обоснованности критериев выделения цивилизационной модели, так как разнородность региона по ряду критериев мешает существованию единой модели[61].

В рамках изучения гуманитарной дипломатии целый ряд академических работ посвящен вопросам восприятия соотношения гуманитарной и государственной дипломатии (или внешней политики). Наиболее важной для настоящего исследования является статья Х. О'Хаган, в которой гуманитарная дипломатия государства рассматривается в качестве инструмента внешней политики[62]. Неотрывность гуманитарной дипломатии и внешней политики друг от друга отмечает К.М. Константину, согласно исследованиям которого гуманитарные вопросы не решаются без вопросов внешней политики и безопасности[63]. В качестве целей реализации гуманитарной дипломатии

---

[59] Urcan C. The Changing Nature of Diplomacy: Rising Powers' Humanitarian Diplomacy Practices. – P. 245.

[60] Богатырева О.Н., Табаринцева-Романова К.М., Ковба Д.М., Филаретова Ю.С. Гуманитарная дипломатия. Цивилизационные и национальные модели. – М. : Аспект Пресс, 2023. – 192 с.

[61] Грибовод Е.Г. Многообразие форм современной гуманитарной дипломатии : опыт интерпретации // Дискурс-Пи. – 2023. – №4. – С. 177–191.

[62] O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy // Australian Journal of International Affairs. – 2016. – Vol. 70. – No. 6. – P. 657–669.

[63] Constantinou C.M. In Pursuit of Crisis Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. – 2015. – Vol. 10. – No. 1. – P. 29–34.

К.М. Табаринцева-Романова отмечает три модуса: перцептивный (положительное восприятие на международном уровне страны), эмоциональный (помощь слоям населения), логико-семантический (реализация и защита прав человека) [64]. Факт влияния гуманитарного сотрудничества на престиж государства на международной арене подтверждает в своих исследованиях А.А. Великая[65]. О позитивном влиянии гуманитарной дипломатии на имидж страны пишет и Н.В. Шевченко [66]. Множество авторов рассматривает место составных частей гуманитарной дипломатии (например, помощь развитию или иностранная помощь) во внешней политике. Так, Ю.Н. Саямов подчеркивает расширяющуюся роль иностранной помощи во внешней политике, отмечая избирательность практики ее оказания и ее высокую роль в реализации национальных интересов государства в ущерб интересов реципиентов помощи[67].

Большое значение для исследования представляет сопоставление гуманитарной дипломатии и мягкой силы во внешней политике. Так, в работе О.Н. Богатыревой, Д.М. Ковба и К.М. Табаринцевой-Романовой гуманитарная дипломатия представляется синтетическим видом мягкой силы[68]. В работах О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова гуманитарное сотрудничество является проявлением мягкой силы [69]. В исследовании О.Н. Богатыревой,

---

[64] Табаринцева-Романова К.М. Итоги — рекомендации круглого стола «Гуманитарная дипломатия и права человека : теория и практика» // Блог Ксении Табаринцевой-Романовой. – 15.12.2021. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/ksenia-tabarintseva-romanova/itogi-rekomendatsii-kruglogo-stola-gumanitarnaya-diplomatiya-i-prava-ch/ (дата обращения: 10.05.2025).

[65] Великая А.А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3. – №3. – С. 235–241.

[66] Шевченко Н.В. Гуманитарная дипломатия России в отношении стран Восточной Азии // День науки : Материалы XXX научной конференции Амурского государственного университета, Благовещенск, 15 апреля 2021 г. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2021. – С. 236–237.

[67] Саямов Ю.Н. Иностранная помощь как инструмент внешней политики // Международная жизнь. – 2023. – №12. – С. 72–85.

[68] Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт. – С. 19.

[69] Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарная дипломатия // Дискурс-Пи. – 2017. – №1 (26). – С. 61–72.

С.И. Глушковой и К.М. Табаринцевой-Романовой гуманитарная дипломатия является дипломатией мягкой силы[70]. Е.С. Громогласова также поддерживает идею о гуманитарной дипломатии как инструменте «мягкосилового арсенала»[71]. Другим важным вопросом является место официальной помощи в целях развития и содействия международному развитию: согласно полимодальному толкованию, предложенному О.Н. Богатыревой, Д.М. Ковба и К.М. Табаринцевой-Романовой, они являются элементом гуманитарной дипломатии[72]. Аналогичное определение дает и Е.С. Громогласова[73].

Достаточно большой пласт академической литературы посвящен исследованию кейс-стадис, преимущественно статьи рассматривают одно или два государства. Наиболее системными являются коллективная монография под ред. Д.А. Кузнецова[74], исследование Е.С. Громогласовой[75], материалы международной конференции под ред. Е.Б. Завьяловой и Т.П. Интигриновой[76].

---

[70] Богатырева О.Н., Глушкова С.И., Табаринцева-Романова К.М. Гуманитарная дипломатия и права человека : теория и практика // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – №1 (36). – С. 50–54.

[71] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования. – С. 42.

[72] Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт.

[73] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования. – С. 40.

[74] Практика современной гуманитарной дипломатии / Д.А. Кузнецов, Н.В. Гавриленко, С.М. Оболенцева и др.; под редакцией Д.А. Кузнецова. – М. : «Эдитус», 2022. – 206 с.

[75] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования.

[76] Современная система международной гуманитарной помощи : лучшие практики и вызовы : материалы международной конференции, Москва, 26 октября 2016 г. / МГИМО МИД России, кафедра экономической политики и государственно-частного партнерства : [отв. ред. Е.Б. Завьялова, Т.П. Интигринова]. – М. : МГИМО-Университет, 2017. – 197 с.

Также значительный пласт работ посвящен изучению гуманитарной дипломатии великих держав: например, США[77], Китая[78].

В последние годы было защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций, в том числе по смежным дисциплинам и сопряженной проблематике.

Большим теоретическим вкладом в изучение проблемного поля, связанного с применением ролевого подхода для определения места государства в иерархии государств, является диссертация «Трансформация роли малых государств в мировой политике в начале XXI века» Б.А. Барабаша [79], защитившегося в МГИМО МИД России. Диссертация представляет собой системное исследование, в котором автором предлагается подход к определению малых государств и характеристики их ролей в современной системе. Теоретические изыскания Б.А. Барабаша пересекаются с содержанием этой работы и являются хорошим теоретическим дополнением для изучения международной иерархии, однако не содержат в себе критерии для выделения державы среднего уровня. С точки зрения проработки системного подхода к определению места государств интересной представляется диссертаций В.В. Вершининой «Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня

---

[77] Великая А.А., Невмержицкий А.Л., Слоквенко Т.А. Роль ближневосточной гуманитарной политики США в продвижении американской концепции мирового порядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2023. – Т. 16. – №2. – С. 117–130. ; Макарова Д.В. Западный и незападный подходы в современной гуманитарной дипломатии в многополюсном мире : Великобритания, ЕС, США, Российская Федерация и страны Латинской Америки и Ближнего Востока // Россия и мир : развитие цивилизаций, мир, страна, университет – 25 лет развития. – 2024. – С. 122–129.

[78] Илюшина А.А., Кузнецов Д.А. Направления гуманитарной дипломатии во внешней политике Китая // Россия и Китай : проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. – 2024. – №27. – С. 22–25. ; Ковба Д.М. Анализ китайской гуманитарной дипломатии в англоязычной научной литературе // Трансформации реальности : стратегии и практики. – 2021 – С. 235–255. ; Ковба Д.М. Особенности китайской системы гуманитарной помощи // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2021. – №4 (80). – С. 88–103. ; Ван Л.Л. Гуманитарная дипломатия КНР в XXI веке // Вестник Таджикского национального университета. – 2023. – №5. – С. 18–24.

[79] Барабаш Б.А. Трансформация роли малых государств в мировой политике в начале XXI века : дис. … канд. полит. наук. – М., 2025. – 359 с. URL: https://mgimo.ru/science/diss/barabash-b-a.php

(на примере Вьетнама)»[80], в которой предложен подход, основанный на комбинации качественных и количественных методов, позволяющий определить государства в средние и новые средние державы.

Для концепции гуманитарной дипломатии большое значение имеет диссертация Е.С. Громогласовой[81], где изучены основные гуманитарные направления внешней политики разных государств. Также важным вкладом является диссертация Н.О. Юдина[82], в которой рассматривается деятельность ТНК в гуманитарной сфере. Гуманитарной помощи системы ООН посвящена диссертация А.С. Шаталова, где продемонстрирована роль Секретариата ООН в оказании международной гуманитарной помощи, а также подробно проанализирована проблема политизации гуманитарного содействия со стороны ключевых западных доноров[83].

Диссертация А.К. Морозкиной «Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 годов»[84] демонстрирует несоответствие официальных целей официальной помощи в целях развития и фактических интересов государств, в соответствии с которыми политические, экономические и стратегические интересы доноров выходят на передний план. Также предпринята попытка кластеризации доноров в соответствии с мотивами, оказывающими влияние на распределение помощи в целях развития: альтруистические мотивы, индивидуальные

---

[80] Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама) : дис. … канд. полит. наук. – М., 2021. – 247 с. URL: https://mgimo.ru/science/diss/vershinina-vv.php.

[81] Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая во внешней политике государства : дис. … докт. полит. наук. – М., 2018. – 485 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/dis/2018-004-Gromoglasova-DIS.pdf

[82] Юдин Н.О. Гуманитарное влияние транснациональных компаний в мировой политике в XXI веке : дис. … канд. полит. наук. – М., 2021. – 236 с. URL: https://mgimo.ru/upload/2020/11/yudin-diss.pdf.

[83] Шаталов А.С. Деятельность организаций системы ООН по оказанию гуманитарной помощи : механизмы и практики : дис. … канд. полит. наук. – М., 2025. – 327 с. URL: https://mgimo.ru/science/diss/shatalov-a-s.php

[84] Морозкина А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию : влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 годов : дис. … канд. эконом. наук. – М., 2018. – 185 с. URL: https://www.hse.ru/sci/diss/226772930.

экономические цели и политические цели (помощь колониям, соседям или военным союзникам).

Достаточно большой пласт диссертаций посвящен исследованиям отдельных кейсов внешней политики государств, изученных в данной работе, в т.ч. их гуманитарных аспектов. Кейсу Мексики посвящены диссертационные исследования О.В. Катышевой[85], Е.Ю. Косевич[86]. Исследование Индонезии реализовано Н.С. Куклиным[87], Н.И. Хохловой[88], А.Н. Цецериным[89]. Южная Корея исследовалась В.Р. Бритовой[90], Д.М. Ковба[91]. Турцию активно изучали

[85] Катышева О.В. Эволюция внешней политики Мексики в период 2000–2018 гг. : дис. … канд. ист. наук. – СПб, 2019. – 228 с. URL: https://disser.spbu.ru/files/2019/disser_katysheva.pdf?ysclid=me1czbrkci415906211.

[86] Косевич Е.Ю. Соотношение глобального и регионального во внешней политике Мексики в начале XXI века : дис. … канд. полит. наук. – М., 2018. – 268 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/aspir/autoreferat/kosevich/avtoreferat_kosevich.pdf?ysclid=me1d1fnqgf469014655.

[87] Куклин Н.С. Развитие концептуальных основ внешней политики Индонезии : 1945–2021 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2022. – 209 с. URL: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=54&mod=dis&dis_id=3324&ysclid=me1dhux2g4336952996.

[88] Хохлова Н.И. Внешняя политика Индонезии в период "реформации" после 1998 г. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2013. – 193 с. URL: https://mgimo.ru/files2/y11_2013/243279/autoref_khokhlova.pdf.

[89] Цецерин А.Н. Место и роль Республики Индонезия в АСЕАН : 1967–2011 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2012. – 152 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01008774030.

[90] Бритова В.Р. Концепция «средней державы» во внешней политике Республики Корея : 1993–2017 гг. : дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2022. – 173 с. URL: https://imbt.ru/upload/dissovet/%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%92%D0%A0/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%20%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%92%D0%A0.pdf

[91] Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств восточноазиатского региона : дис. … канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2017. – 173 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/50372/1/urgu1702_d.pdf?ysclid=me1ebrpxxy619988091.

В.А. Аватков [92], О.В. Барнашов [93], Ф.Х. Гумаров [94], М.А. Колесникова [95], Ю.В. Маврина[96], Р. Мрасси[97], С.А.о. Сейидли[98], Д.Р. Урманов[99]. Австралия рассматривалась в работах А.А. Гарина[100], Э.В. Фирсова[101], Е.Ю. Катковой[102]. Индии посвящены диссертации Н.В. Галищевой [103], А.П. Дхар [104],

---

[92] Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений : дис. … докт. полит. наук. – М., 2020. – 387 с. URL: https://www.dipacademy.ru/research/all_dissertation/vneshnepoliticheskij-kurs-turetskoj-respubliki-v-ramkah-sovremennoj-sistemy-mezhdunarodnyh-otnoshenij/

[93] Барнашов О.В. Фактор США во внешней политике Турции на Ближнем Востоке : 2002–2019 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2021. – 207 с. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/dd3edb43-4d15-ec11-a9e5-00155ddceb3d/.

[94] Гумаров Ф.Л. Внешнеполитические связи Турецкой Республики с тюркоязычными государствами Центральной Азии – членами ЕАЭС : 1991–2015 гг. : дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2017. – 249 с. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/116519/2017-059.pdf?sequence=-1.

[95] Колесникова М.А. Внешняя политика Турецкой Республики в Африке : дис. … канд. полит. наук. – М., 2020. – 171 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01010255564.

[96] Маврина Ю.В. Концепция Давутоглу и ее влияние на внешнюю политику Турции : 2001–2011 гг. : дис. … канд. ист. наук. – Саратов, 2014. – 213 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007855421.pdf

[97] Мрасси Р. Эволюция концептуальных основ внешней политики Турецкой республики : дис. … канд. ист. наук. – М., 2010. – 224 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004709255.pdf

[98] Сейидли С.А.о. Роль и место туркоманских меньшинств в политике Турции на сирийском и иракском направлениях : дис. … канд. полит. наук. – М., 2025. – 223 с. URL: https://mgimo.ru/science/diss/sejidli-s-a.php.

[99] Урманов Д.Р. Динамика развития политики «мягкой силы» в Турецкой Республике в XXI веке : дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2017. – 190 с. URL: https://kpfu.ru/dis_card?p_id=2460.

[100] Гарин А.А. Фактор Китайской Народной Республики во внешней политике Австралийского Союза : 1972–2929 : дис. … канд. ист. наук. – М., 2021. – 236 с. URL: https://www.ivran.ru/sites/28/files/Avtoreferat_dissertatsii_Garina_A_A_.pdf?ysclid=me1efy79k8660408026

[101] Фирсов Э.В. Особенности эволюции политики Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе : 1945–2011 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2012. – 282 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005551269.pdf.

[102] Каткова Е.Ю. Китайский вектор внешней политики Австралийского Союза в 1996–2016 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2019. – 197 с. URL: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/dis/download.php?file=f04366743def5705eae92ddf9ef72d3731020&ysclid=me1ekdzogm333922388

[103] Галищева Н.В. Внешнеэкономичекая политика Индии в условиях либеральных реформ : дис. … докт. экон. наук. – М., 2013. – 589 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006736943.pdf

[104] Дхар А.П. Внешняя политика Республики Индия в Бенгальском заливе : основные направления, этапы, особенности : 1997–2021 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2022. – 211 с. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/ec771a3f-80d3-4e5e-a5b3-0661471b4c15/dhar-avtoreferat.pdf.

Ю.А. Ильичевой[105], Т.Н. Паршиной[106], А.А. Тонян[107], Э.П. Шавлай[108]. Бразилия изучалась Ю.Н. Тимофеевой[109], Д. да Коста Сантосом[110]. ЮАР посвящены работы Б.В.Ф. Агоннуде[111], В.А. Сидорова[112].

Таким образом, тренд на использование гуманитарного измерения внешней политики в современной мировой политике отмечается академическим исследователями, возникает и совершенствуется терминология — в употребление входит понятие «гуманитарная дипломатия», разрабатываемое мировыми учеными. Заметен тренд на изучение гуманитарной деятельности отдельных государств, таким образом, литература носит преимущественно характер «кейс-стадис». Встречаются отдельные работы с попытками обобщения существующих подходов всех государств. Тем не менее, гуманитарная дипломатия государств во многом зависит от поставленных целей и объема доступных средств, которые могут найти отражение в статусе государства. Достаточно большой пласт академической литературы посвящен исследованию гуманитарной дипломатии великих

---

[105] Ильичева Ю.А. Особенности экономического сотрудничества Индии со странами АСЕАН : дис. … канд. экон. наук. – М., 2019. – 185 с. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/ilicheva-diss.pdf.

[106] Паршина Т.Н. Становление Индии как региональной державы в Южной Азии : политологический аспект : дис. … канд. полит. наук. – М., 2019. – 243 с. URL: https://istina.msu.ru/download/201207911/1heHK5:sa89atYDw5hlgUhMb_cKd9IhW6s/?ysclid=me1f3ovttj16313127

[107] Тонян А.А. Мягкая сила во внешней политике Индии на рубеже XX–XXI вв. : дис. … канд. ист. наук. – Ставрополь, 2021. – 305 с. URL: https://dspace.ncfu.ru/handle/20.500.12258/18197?ysclid=me1j770zfq793472748.

[108] Шавлай Э.П. Китайское направление внешней политики Индии в 1991–2021 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2021. – 203 с. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2021/shavlay-diss.pdf.

[109] Тимофеева Ю.А. Бразилия : наработка опыта внешней политики и политики безопасности восходящей державы (2003–2022) : дис. … канд. ист. наук. – М., 2023. – 170 с. URL: https://mgimo.ru/science/diss/timofeeva-y-a.php.

[110] Да Коста Сантос Д. Основные направления деятельности Федеративной Республики Бразилии в ООН : 1945–2019 гг. : дис. … канд. ист. наук. – М., 2021. – 209 с. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/ffa6a5a9-7049-ec11-a9e5-00155ddceb3d.

[111] Агоннуде Б.В.Ф. Внешняя политика ЮАР в XXI веке : членство в БРИКС и стратегия многосторонности : дис. … канд. полит. наук. – М., 2021. – 230 с. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/d299e8e3-c514-ec11-a9e5-00155ddceb3d/

[112] Сидоров В.А. Роль и место ЮАР в мировой экономике в начале XXI века : дис. … канд. экон. наук. – М., 2013. – 210 с.

держав. Также достаточно много работ посвящено экономическому аспекту (роли донора) держав среднего уровня. На данный момент существует пробел в работах, изучающих политические аспекты гуманитарной дипломатии держав среднего уровня и объясняющих использование гуманитарной дипломатии во внешней политике держав среднего уровня и наличие у данного кластера общего подхода к применению инструмента. Исходя из сформулированной научной проблемы возникает **исследовательский вопрос**: какие причины обуславливают участие держав среднего уровня в гуманитарной дипломатии?

В качестве **объекта** исследования выступает гуманитарная дипломатия государств в современной мировой политике. **Предметом** исследования является гуманитарная дипломатия во внешней политике держав среднего уровня.

Цель исследования — выявить причины, по которым державы среднего уровня прибегают к инструментам гуманитарной дипломатии в реализации внешней политики.

Для достижения цели исследования поставлены и решены следующие **задачи**:

- обобщить существующие концептуальные подходы к выделению держав среднего уровня и гуманитарной дипломатии;
- выявить современные державы среднего уровня и обосновать критерии сравнительного анализа гуманитарной дипломатии;
- определить специфику подхода к гуманитарной дипломатии каждой из выбранных держав среднего уровня;
- оценить роль гуманитарной дипломатии во внешней политике держав среднего уровня;
- выявить причины применения инструментов гуманитарной дипломатии и выделить группы подходов держав среднего уровня к реализации гуманитарной дипломатии.

Хронологические рамки диссертационного исследования ограничиваются современными международными отношениями (с 1990 г. по н.в.). Это объясняется необходимостью оценить роль гуманитарной дипломатии во внешней политике государства, так как такой период дает возможность изучения не только действий, но и относительных результатов гуманитарной деятельности в международных отношениях с другими странами. Для решения отдельных задач, в частности, по анализу эволюции гуманитарной дипломатии держав среднего уровня в контексте внешней политики будет использоваться период второй половины XX века.

Источниковая база диссертационного исследования относится к следующим категориям:

1) национальное законодательство, в т.ч. нормативно-правовые документы концептуального характера держав среднего уровня, позволяющие сделать выводы о принципах, определении, институционально-правовом оформлении, тематических и географических приоритетах гуманитарной дипломатии, а также странах-конкурентах: конституция и другие нормативно-правовые акты Бразилии[113], нормативно-правовые документы Мексики[114],

[113] Constitution of the Federative Republic of Brazil. URL: https://legis.senado.leg.br/norma/579494/publicacao/33296461 ; Programa 2316 – Relações Internacionais e Assistência a Brasileiras e Brasileiros no Exterior // Ministério do Planejamento e Orçamento. Secretaria Nacional de Planejamento. 2024. URL: https://www.gov.br/mre/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas (Last accessed: 25.05.2025).

[114] DECRETO por el que se expide la Ley de Cooperación Internacional para el Desarrollo // Diario Oficial de la Federación. – 06.04.2011. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5184958&fecha=06/04/2011 ; Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024 // Secretaría de Relaciones Exteriores. 2021. URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5639308&fecha=24/12/2021 (Last accessed: 13.03.2025) ; Memoria Documental “Estrategia Integral de Movilidad Humana” // Secretaría de Relaciones Exteriores. 11.09.2024. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/943341/240822_Memoria_Documental.pdf (Last accessed: 18.05.2025).

Республики Корея[115], концептуальные документы Австралии[116], Индонезии[117] и ЮАР[118];

2) статистические отчеты и публикации курирующих ведомств (ежегодный отчет о деятельности правительства ЮАР[119], ежегодный отчет Министерства иностранных дел Мексики [120], статистика Министерств иностранных дел Австралии [121] и Индии [122], данные о кредитных линиях Экспортно-импортного банка Индии [123]) и институтов, реализующих

---

[115] Framework on International Development Cooperation : Wholly Amended by Act No. 17302, May 26, 2020 // Korea Law Translation Center. – 2020. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=54777&type=part&key=44 ; Country Partnership Strategy // ODA Korea. 05.06.2024. URL: https://www.odakorea.go.kr/eng/cont/ContShow?cont_seq=29 (Last accessed: 19.05.2025).

[116] Australia's International Development Policy : For a peaceful, stable and prosperous Indo-Pacific. – Barton : Department of Foreign Affairs, 2023. – 52 p. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/international-development-policy.pdf ; Australia's Humanitarian Policy : making a difference for people in crisis. – Barton : Department of Foreign Affairs, 2024. – 32 p. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/australian-humanitarian-policy.pdf (Last accessed: 23.05.2025).

[117] Rancangan Teknokratik Rencana Pembangunan Jangka Menengah Nasional 2020-2024 // Kementarian PPN/Bappenas. 2019. URL: https://perpustakaan.bappenas.go.id/e-library/file_upload/koleksi/migrasi-data-publikasi/file/RP_RKP/Narasi%20RPJMN%20IV%202020-2024_Revisi%2014%20Agustus%202019.pdf ; Ringkasan Rencana Pembangunan Jangka Menengah Nasional Tahun 2025–2029 // Kementarian PPN/Bappenas. 2024. URL: https://perpustakaan.bappenas.go.id/e-library/file_upload/koleksi/dokumenbappenas/konten/Dokumen%202025/Konten/%7BDigital%7D%20Ringkasan%20RPJMN%20Tahun%202025-2029.pdf (Last accessed: 20.05.2025).

[118] White Paper on South African Foreign Policy - Building a Better World : The Diplomacy of Ubuntu // South African Government. 15.04.2011. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/foreignpolicy0.pdf (Last accessed: 28.05.2025).

[119] South Africa Yearbook 2023/24 // Government Communication and Information System. 2025. URL: https://www.gcis.gov.za/resources/south-africa-yearbook-202324 (Last accessed: 28.05.2025).

[120] Secretaria de Relaciones Exteriores. Sexto Informe de Labores 2023-2024 de la SRE // Secretaria de Relaciones Exteriores. 01.09.2024. 260 p. URL: https://www.gob.mx/sre/documentos/sexto-informe-de-labores-2023-2024-de-la-sre (Last accessed: 13.03.2025).

[121] Statistical Summaries — Australia's International Development Cooperation 1999–2000 to 2023–2024 // Department of Foreign Affairs and Trade. 2025. URL: https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/statistical-summaries-australias-international-development-cooperation (Last accessed: 21.05.2025).

[122] Grants & Loans // Ministry of External Affairs. Government of India. 2024. URL: https://meadashboard.gov.in/indicators/92 (Last accessed: 23.05.2025).

[123] Lines of Credit // India Exim Bank. URL: https://www.eximbankindia.in/lines-of-credit (Last accessed: 23.05.2025).

гуманитарную дипломатию: отчеты института Сотрудничество Бразилии в целях международного развития (Cooperação Brasileira para o Desenvolvimento Internacional, COBRADI)[124], Фонда возрождения Африки и международного сотрудничества (African Renaissance and International Cooperation Fund, ARF)[125], отчеты Мексиканского агентства международного сотрудничества в целях развития (Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo, AMEXCID)[126], Агентства Индонезии по международному сотрудничеству (Indonesian AID)[127], Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA)[128]. Эти материалы содержат в себе тематику проектов и их географические направления;

---

[124] Dimensionamento de Gastos das Instituições da Administração Pública Federal na Cooperação Brasileira para o Desenvolvimento Internacional. COBRADI 2017–2018. – Brasilia : IPEA, 2020. – 184 p. URL: https://repositorio.ipea.gov.br/bitstream/11058/10377/1/DimensdegastosdasinstitdaAdmPublicaFederalnaCOBRADI.pdf (Last accessed: 23.05.2025).

[125] 2023–2024 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. 2025. URL: https://dirco.gov.za/2023-2024-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/ ; 2022–2023 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. 2024. URL: https://dirco.gov.za/2022-2023-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/; 2021–2022 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. 2023. URL: https://dirco.gov.za/2021-2022-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund-the-annual-report/; 2020–2021 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. 2022. URL: https://dirco.gov.za/2020-2021-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/; 2019–2020 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. 2021. URL: https://dirco.gov.za/2019-2020-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/; 2018–2019 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. 2020. URL: https://dirco.gov.za/2018-2019-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/ (Last accessed: 28.05.2025)

[126] Cooperación Internacional para el Desarrollo otorgada por México en 2019 // Gobierno de México. 2019. URL: https://infoamexcid.sre.gob.mx/amexcid/ccid2019/index.html (Last accessed: 22.01.2022); Cuantificación de la Cooperación Internacional para el Desarrollo de México // Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo (AMEXCID). 2017. URL: https://infoamexcid.sre.gob.mx/amexcid/ccid2013/home.html (Last accessed: 13.03.2025).

[127] Grant Recipient Country/Agency // Indonesian Agency for International Development (Indonesian AID). 2025. URL: https://ldkpi.kemenkeu.go.id/hibah/penerimaHibah (Last accessed: 19.05.2025).

[128] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları // TİKA. 2024. URL: https://tika.gov.tr/basin-odasi/yayinlar/turkiye-kalkinma-yardimlari-raporlari/ (Last accessed: 20.05.2025).

3) официальные пресс-релизы и справки Министерства иностранных дел Австралии[129], Индонезии[130], Мексики[131], Турции[132], а также Турецкого Агентства по сотрудничеству и координации[133];

4) отчет аналитического центра в Индии Научно-информационной системы для развивающихся стран (Research and Information System for Developing Countries, RIS)[134];

5) официальные сайты институтов, связанных с гуманитарной дипломатией разных стран: Австралии[135], Бразилии[136], Индии[137], Индонезии[138],

---

[129] 30th anniversary of the FRANZ trilateral cooperation arrangement // Department of Foreign Affairs. 10.07.2023. URL: https://www.dfat.gov.au/news/media-release/30th-anniversary-franz-trilateral-cooperation-arrangement (Last accessed: 28.05.2025) ; Who we work with // Department of Foreign Affairs and Trade. 2025. URL: https://www.dfat.gov.au/aid/who-we-work-with/Pages/who-we-work-with (Last accessed: 01.05.2025).

[130] Transkrip Pernyataan Pers Tahunan Menteri Luar Negeri RI Tahun 2025 // Kementarian Luar Negeri Republik Indonesia. 2025. URL: https://kemlu.go.id/publikasi/pidato/pidato-menteri/transkrip-pernyataan-pers-tahunan-menteri-luar-negeri-ri-tahun-2025?type=publication (Last accessed: 18.05.2025) ; Indonesia Seeks to Become OECD Member State by 2027 // Cabinet Secretariat of the Republic of Indonesia. 16.05.2024. URL: https://setkab.go.id/en/indonesia-seeks-to-become-oecd-member-state-by-2027/ (Last accessed: 19.05.2025).

[131] Mexico's feminist foreign policy, one of three best in the world // Secretaría de Relaciones Exteriores . 09.03.2023. URL: https://www.gob.mx/sre/prensa/mexico-s-feminist-foreign-policy-one-of-three-best-in-the-world (Last accessed: 18.05.2025).

[132] Relations between Türkiye and South Korea // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. 2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-the-republic-of-korea.en.mfa ; Turkish Emergency Humanitarian Assistance / Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. 2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkiye.en.mfa (Last accessed: 20.05.2025).

[133] TİKA 1992'den Bu Yana 5 kıtada Yaklaşık 30 bin Proje Gerçekleştirdi // TİKA. 30.01.2020. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_1992_den_bu_yana_5_kitada_yaklasik_30_bin_proje_gerceklestirdi-55491 (Last accessed: 20.05.2025).

[134] 75 Years of Development Partnership : Saga of Commitment to Plurality, Diversity and Collective Progress // Research and Information System for Developing Countries. 2022. URL: https://www.ris.org.in/en/node/3445 (Last accessed: 23.05.2025).

[135] Australia Assists // Department of Foreign Affairs and Trade. 2024. URL: https://www.dfat.gov.au/development/topics/development-issues/building-resilience/australia-assists (Last accessed: 21.05.2025).

[136] Brazilian Cooperation Agency // Governo Federal. 18.05.2021. URL: https://www.gov.br/mre/en/subjects/cooperation/brazilian-cooperation-agency (Last accessed: 25.05.2025).

[137] Overview of India’s Development Partnership // Ministry of External Affairs Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/Overview-of-India-Development-Partnership.htm (Last accessed: 23.05.2025).

[138] Indonesia Emas 2045 : Rencana Pembangunan Jangka Panjang Nasional 2025-2045 // Indonesia Emas 2045. 2025. URL: https://indonesia2045.go.id/ (Last accessed: 20.05.2025) ;

Мексики [139], Республики Корея [140], Турции [141], на которых представлены структура гуманитарной системы и задачи институтов;

6) протокол заседания Национального собрания ЮАР[142];

7) отчеты и материалы ОЭСР о деятельности Австралии [143], Мексики[144], Республики Корея[145], Турции[146];

8) публикации средств массовой информации Турции[147];

9) выступления министра иностранных дел Мексики[148].

Научная новизна исследования заключается в системном изучении гуманитарной дипломатии государств в непосредственной связке с их

Strurktur Manajemen // Indonesian Agency for International Development (Indonesian AID). 2025. URL: https://ldkpi.kemenkeu.go.id/profil/strukturManajemen ; The Business Process of Grant Provision // Indonesian Agency for International Development (Indonesian AID). 2025. URL: https://ldkpi.kemenkeu.go.id/hibah/prosesBisnis ; Tentang Biro KTLN // Kerja Sama Teknik Luar Negeri Sekretariat Negara. 2025. URL: https://ktln.setneg.go.id/id/tentang-kami?q=%2Fid%2Ftentang-kami (Last accessed: 19.05.2025)

[139] AMEXCID – Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo // Gobierno de México. 2022. URL: https://www.gob.mx/amexcid (Last accessed: 02.04.2023).

[140] Organization // ODA Korea. 25.10.2023. URL: https://www.odakorea.go.kr/eng/cont/ContShow?cont_seq=33 (Last accessed: 19.05.2025).

[141] About the project // Türkiye Diyanet Foundation. 2025. URL: https://tdv.org/en-EN/zakat/ ; Zakat // Türk Kızılay. 2025. URL: https://bagis.kizilay.org.tr/en/bagis/bagisyap/46/zakat ; Organization Chart // TIKA. 2024. URL: https://tika.gov.tr/en/institutional/organization-chart/ (Last accessed: 20.05.2025).

[142] Minutes of meeting of National Assembly 12 November 2024 // Parliamentary Monitoring Group. 12.11.2024. URL: https://pmg.org.za/hansard/39860/ (Last accessed: 28.05.2025).

[143] Development Co-operation Profiles : Australia // OECD. 11.06.2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/australia_b4d74d53-en.html (Last accessed: 21.06.2025).

[144] Development Co-operation Profiles : Mexico // OECD. 11.06.2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/mexico_d55d3494-en.html (Last accessed: 21.06.2025).

[145] OECD Development Co-operation Peer Reviews : Korea 2024. – Paris : OECD Publishing, 2024. – 71 p. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/05/oecd-development-co-operation-peer-reviews-korea-2024_8adb0d3d/889c6564-en.pdf (Last accessed: 22.05.2025).

[146] Development Co-operation Profiles : Türkiye // OECD. 11.06.2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/turkiye_09a14591-en.html (Last accessed: 21.06.2025).

[147] AFAD — 10 лет // Anadolu Agency: новостное агентство. 16.12.2019. URL: https://www.aa.com.tr/ru/info/infografik/16548 (дата обращения: 20.05.2025).

[148] Message from Secretary of Foreign Affairs Alicia Bárcena at the 79th UN general Debate // Gobierno de Mexico. 29.09.2024. URL: https://www.gob.mx/sre/documentos/message-from-secretary-of-foreign-affairs-alicia-barcena-ibarra-at-the-general-debate-of-the-79th-regular-session-of-the-united-nations (Last accessed: 18.05.2025).

статусом. Как показало исследование существующей академической литературы, данные феномены изучались по отдельности, но ранее не изучались совместно. Также уточнено определение державы среднего уровня для проведения системного исследования. Был разработан подход использования рейтингов и бенчмаркингов для определения статуса государства. Раскрыты и сопоставлены подходы держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии, а также осуществлена кластеризация подходов держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии.

Теоретическая значимость работы определяется теоретическим осмыслением места гуманитарной дипломатии во внешней политике держав среднего уровня. Автором исследования представлено использование теории социальной идентичности для определения роли гуманитарной дипломатии как инструмента подтверждения или приобретения статуса державами среднего уровня. Также разработан общий подход к изучению гуманитарной дипломатии, который может быть использован для дальнейшего исследования как держав среднего уровня, так и для других типов государств.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанных подходов бенчмаркинга для определения образа государств на международной арене. Информация, выявленная в рамках изучения кейсов держав среднего уровня, может быть использована для представления аналитических записок в профильные органы исполнительной власти для разработки внешнеполитического курса Российской Федерации в отношении предложенных стран и регионов их гуманитарной деятельности, для изменения собственного подхода России к гуманитарной дипломатии с учетом выявленных особенностей. Она также может быть использована в образовательном процессе по направлению «международные отношения».

Теоретическая и методологическая основа исследования. В настоящем исследовании для определения места гуманитарной дипломатии во внешней политике государства и места державы среднего уровня в мирополитической системе используется системный подход в реляционном

(т.е. относительном) преломлении, предложенный Д. Доннелли[149]. Основные постулаты системного подхода предложил Т. Парсонс, рассматривавший социальные системы, тогда как в теории международных отношений системный подход набрал популярность в 1950–1970-х гг.: среди первопроходцев можно отметить М.А. Каплана[150], который предложил разные типы систем международных отношений в зависимости от их типа интеграции, в том числе дал определение иерархической системе, в которой действуют государства (национальные акторы), и указал этот тип системы в качестве одного из самых стабильных. О системах также писали Р.Н. Роузкранс[151], К.В. Дойч[152], Р.Д. Мастерс[153]. Большой пласт системной теории разработан К. Уолтцем[154]: согласно его подходу государства являются первичным феноменом, тогда как система формируется благодаря акторам, при этом сформировавшаяся организация элементов влияет на их поведение и отношения между ними. Внимание к системному подходу возродилось в 2000-х гг. и сохраняется до сих пор: авторы рассматривают системы с точки зрения реляционизма (например, П.Т. Джексон и Д.Х. Нексон[155], М. Курки[156],

[149] Donnelly J. Systems, Relations, and the Structures of International Societies. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – 456 p.
[150] Kaplan M.A. System and Process in International Politics. – N.Y. : John Wiley & Sons, 1957. – 283 p.
[151] Rosecrance R.N. Action and Reaction in World Politics : International Systems in Perspective. – Boston : Little, Brown and Company, 1963. – 330 p.
[152] Deutsch K.W. The Analysis of International Relations. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1968. – 214 p.
[153] Masters R.D. World Politics as a Primitive Political System // World Politics. – 1964. – Vol. 16. – No. 4. – P. 595–619.
[154] Waltz K. Theory of International Politics. – Reading : Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
[155] Jackson P.T., Nexon D.H. Relations before States : Substance, Process and the Study of World Politics // European Journal of International Relations. – 1999. – Vol. 5. – No. 3. – P. 291–332. ; Iidem. Reclaiming the Social : Relationalism in Anglophone International Studies // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. – Vol. 32. – No. 5. – P. 582–600.
[156] Kurki M. International Relations in a Relational Universe. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 228 p. ; Eadem. Relational Revolution and Relationality in IR : New Conversations // Review of International Studies. – 2022. – Vol. 48. – No. 5. – P. 821–836.

Р. Адлер-Ниссен[157]). В МГИМО системный подход активно разрабатывали М.А. Хрусталёв и А.Д. Богатуров[158].

Д. Доннелли дает системам следующее определение: связанный набор компонентов определенного типа, собранный в определенном порядке, работающий в определенной манере для создания характерных результатов, некоторые из которых являются свойством самого набора компонентов и не могут быть подвергнуты декомпозиции (разделению на элементы)[159]. Такой набор компонентов получил название системных эффектов и является важным для изучения системы как таковой, так как выступает продуктом деятельности самой системы. При этом именно учет этих эффектов позволяет изучить систему в ее развитии. Реляционное преломление системного подхода в трактовке Д. Доннелли отрицает первичность системы над акторами или акторов над системой, отмечая, что это взаимосвязанные элементы, которые формируются под влиянием друг друга (самоорганизация и самовоспроизводимость системы). При этом близкие взаимосвязи между элементами делают аналитически сложным наблюдение прямого влияния определенного элемента на другой элемент, так как в существующей системе возникают дополнительные эффекты от взаимодействия с другими ее элементами. В соответствии с этим применяемый подход имеет свои ограничения в части объяснения прямой взаимосвязи между элементами.

Различия между элементами системы представлены как процесс дифференциации (или стратификации). Так, социальная дифференциация предполагает, что среди акторов системы действуют не только государства, по своим ролям акторы также подвержены функциональной дифференциации. Дифференциация определяет место актора в системе, согласно которому формируются его интересы, идентичность и действия, а следование

---

[157] Adler-Nissen R. Conclusion : Relationalism or Why Diplomats Find International Relations Theory Strange // Diplomacy and the Making of World Politics / Ed-s. O.J. Sending, V. Pouliot, I.B. Neumann. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – P. 284–308.

[158] Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: научное издание. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 480 с.

[159] Donnelly J. Systems, Relations, and the Structures of International Societies. – P. 4.

предписанной роли позволяет ему находиться в системе. При этом социальная структура не является фиксированной, а продолжает постоянно изменяться в ответ на изменения среды. Формирующиеся групповые практики становятся механизмом сохранения и наследования системы, а также элементами социализации в этой системе. Входящие в них принципы и практики по определению статуса зависят от определенных прав и обязательств элементов системы[160].

Именно системный подход в реляционном преломлении позволяет оценить гуманитарную дипломатию как инструмент и концептуально объяснить место державы среднего уровня в системе международных отношений. В рамках подхода существующая мировая политика рассматривается в качестве самоорганизующейся и адаптирующейся системы, состоящей из ряда акторов, являющихся ее элементами, — государств, международных институтов, негосударственных акторов. Так как текущее исследование посвящено державам среднего уровня, системные эффекты на уровне типов элементов мировой политики не рассматриваются. Таким образом, в центре исследования оказываются державы среднего уровня как группа государств с определенной ролью, статусом и, следовательно, действиями. В соответствии с определенной державам среднего уровня ролью им свойственна схожая по некоторым характеристикам внешняя политика, являющаяся элементом, до которого можно частично декомпозировать державу среднего уровня. Важно отметить, что гуманитарная дипломатия, также подвергнутая декомпозиции, выступает одним из ключевых элементов внешней политики как элемента державы среднего уровня. В отношении гуманитарной дипломатии как понятия используется узкий подход: гуманитарная дипломатия рассматривается отдельно от социально-гуманитарного сотрудничества и включает в себя гуманитарную помощь при чрезвычайных происшествиях и содействие международному развитию. В

[160] Donnelly J. Systems, Relations, and the Structures of International Societies. – P. 20–150.

отдельных случаях понятие может быть расширено при формировании иного подхода государства к этому инструменту.

Системный подход предопределяет выбор подхода к международной иерархии: в итоге, автором исследования принимается за факт существование единой системной изменяющейся иерархии мировой политики, внутри которой каждый актор занимает определенное место. Автор исследования, исходя из системного подхода, отказывается от идеи рассмотрения множественных иерархий.

Также в соответствии с подходом Д. Доннелли используются понятия функциональной и социальной дифференциации, поэтому в качестве действующей системы определения места внутри иерархии используется доработанная теория социальной идентичности: каждый актор, находящийся внутри системы, является объектом и одновременно субъектом социализации, в рамках которой каждому присваивается определенный статус, соответствующий представлению о них[161].

Теория социальной идентичности и участия всех государств в определении статуса и места государства в иерархии приводит к тому, что в качестве основного метода выбора кейсов держав среднего уровня используется метод бенчмаркинга. Здесь в качестве бенчмаркинга используются существующие в международной практике рейтинги, оценивающие влиятельность государств. Ввиду своей субъективности и отражения неистинных материальных возможностей государства бенчмаркинг репродуцирует существующую международную иерархию в соответствии с социальным признанием материальных возможностей и западной картиной мира. Именно эта его особенность представляет ценность для данного исследования: таким образом, удается увидеть, как элементами системы воспринимаются отдельные ее элементы и какие им предписываются статус и роль.

---

[161] Schulz C.-A. Hierarchy salience and social action : disentangling class, status, and authority in world politics // International Relations. – 2018. – Vol. 33. – No. 1. – P. 88–108.

В каждом кейсе изучается подход страны к гуманитарной дипломатии, в рамках которого она декомпозируется на ее отдельные элементы (основные институты, документы, определяющие наполнение деятельности, направления и конкуренты), а также рассматривается в контексте взаимодействия с другими элементами внешней политики. В связи с тем, что анализ влияния отдельно гуманитарной дипломатии на достижение национальных интересов державы среднего уровня не представляется возможным ввиду высокой взаимосвязи с другими элементами внешней политики государства, представлен вклад гуманитарной дипломатии в реализацию роли державы среднего уровня и сопоставлены цели реализации гуманитарной дипломатии с внешней политикой держав. Для рассмотрения кейсов и последующей кластеризации подходов применяются сравнительный метод, метод case study, институциональный, историко-генетический методы, метод типологизации, логико-интуитивный анализ, критический анализ научной литературы и официальных источников.

Область исследования в соответствии с паспортом специальности ВАК 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

- №2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин;
- №3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики;
- №12. Внешняя политика и дипломатия.

Область исследования также соответствует перечню перспективных тематик кандидатских диссертаций факультета управления и политики МГИМО МИД России: 32. Гуманитарный ресурс оказания влияния в мировой

политике. А также соответствует приоритетному направлению научных исследований МГИМО МИД России: 1. Международные отношения, безопасность, политика / International Relations, Security, Politics.

Положения, выносимые на защиту:

1) В мировой политике в соответствии с системным подходом действует в качестве внешней системы единая мировая иерархия, элементами которой выступают государства, международные организации и негосударственные акторы. Государства в этой иерархии, будучи ее участниками, получают свое место через статус, который определяется через процесс социализации государства и через ответное действие элементов системы — признание или стигматизацию государства другими участниками. В рамках системы существуют три типа государств: великие державы, средние державы и малые государства. Держава среднего уровня — это статус, присвоенный государству им самим и международным сообществом в связи с достаточными материальными возможностями для реализации дополнительный ролей в мировой политике, конструируемых в текущей системе международных отношений как присущей такого типа государствам (державам среднего уровня) роли. К таким ролям относят поддержку многосторонних действий ввиду неспособности действовать в одиночку, стремление влиять на глобальную повестку, применение материальных возможностей для позиционирования себя в качестве «добропорядочного члена международного сообщества» и стимулирования социального признания значимости государства на международной арене;
2) Гуманитарная дипломатия — это инструмент внешней политики государства, позволяющий выразить международное сочувствие и солидарность, способствующий укреплению международного статуса государства и построению доверительных союзнических отношений для продвижения национальных интересов и укрепления

международного признания, а также содействующий в обеспечении национальной, региональной и международной безопасности. В общем смысле под гуманитарной дипломатией подразумевается гуманитарная помощь государства в чрезвычайных ситуациях и помощь в содействии развитию. В отдельных случаях гуманитарная дипломатия рассматривается как более широкий инструмент в зависимости от подхода каждого конкретного государства. Модель изучения гуманитарной дипломатии включает в себя принципы осуществления гуманитарной дипломатии, подход к определению гуманитарной дипломатии, институционально-правовое оформление, тематические направления, географическую ориентацию, готовность к многостороннему сотрудничеству, участие в миротворческих операциях и членство в международных организациях, основных конкурентов в сфере влияния;

3) Глобальную гуманитарную дипломатию Мексики с региональным уклоном, реализуемую для установления безопасности государства и укрепления имиджа государства, нормализации и укрепления отношений с партнерами, дестабилизирует напряженная обстановка в регионе, снижение координации между учреждениями, большое количество институтов и высокие взносы в международные организации. Глобальную гуманитарную дипломатию Индонезии, реализуемую для укрепления имиджа государства, достижения признания легитимности внешней политики, установления безопасности, повышения экономической безопасности и нормализации и укрепления отношений с партнерами, дестабилизирует большое количество институтов и характеризует достаточно ограниченный бюджет. Гуманитарную дипломатию Южной Кореи, реализуемую для укрепления имиджа государства, установления безопасности, повышения авторитета власти внутри страны, нормализации и укрепления отношений с партнерами и

получения признания лидеров иерархии, в прошлом достижения альтернативного признания, дестабилизирует дуальность институтов и необходимость вложений в КНДР. Глобальную гуманитарную дипломатию Турции с региональным уклоном, реализуемую для укрепления влияния и имиджа, установления безопасности и периодического достижения признания, определяет партийная риторика и ограничивает тяжелая гуманитарная обстановка и большое количество институтов. Гуманитарную дипломатию Австралии, реализуемую для укрепления влияния, противостояния конкурентам, нормализации и укрепления отношений с партнерами, достижения признания и укрепления имиджа, ограничивает сильная зависимость от общественного мнения и внешнеполитической линии президента. Глобальная гуманитарная дипломатия Индии с региональным уклоном, реализуемая для укрепления влияния и имиджа, продвижения экономики и противостояния конкурентам, осуществляется преимущественно в кредитных линиях. Глобальная гуманитарная дипломатия Бразилии с региональным уклоном, реализуемая для укрепления влияния и имиджа, продвижения экономики, противостояния конкурентам, достижения признания, зависит от внешнеполитической линии президента. Региональная гуманитарная дипломатия ЮАР, реализуемая для укрепления влияния и имиджа, продвижения экономики, противостояния конкурентам, нормализации и укрепления отношений с партнерами и достижения альтернативного признания, ограничена бюрократизацией процессов и зависимостью от внешнеполитической линии президента.

4) Державы среднего уровня имеют общие черты в подходе к реализации гуманитарной дипломатии, используемой в качестве инструмента внешней политики: многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии (при сохранении двусторонних связей в качестве основного способа осуществления

гуманитарной дипломатии), отсутствие стремления к установлению зависимости других государств от помощи и оказание помощи для поддержки усилий государства по улучшению условий, уважение прав человека, равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга, стремление к обмену информацией с другими донорами и партнерами, вовлеченность большого количества разных институтов в реализацию гуманитарной дипломатии и проведение большего объема средств вне главных институтов гуманитарной дипломатии. Именно эти черты помогают державам среднего уровня в выполнении своих ролей на международной арене. Так, поддержка многосторонних действий находит отражение в многостороннем сотрудничестве и стремлению к обмену информацией с другими донорами и партнерами, а стремление влиять на глобальную повестку в глобальном ее характере с региональным уклоном. Таким образом, гуманитарная дипломатия оказывается неотъемлемой частью для сохранения статуса державы среднего уровня. При этом свои институциональные практики они основывают на практиках великих держав Севера (в частности, США), создавая или предпринимая попытки к созданию похожих институтов. Эти институты не всегда эффективно выполняют свою координирующую роль, курирующие их ведомства различаются в каждом случае, а единая линия гуманитарной дипломатии достигается за счет высокого влияния на процесс реализации президента или партии, в зависимости от системы правления.

5) Державы среднего уровня обращаются к гуманитарной дипломатии для реализации экономических и политических целей, связанных между собой, включая достижение признания (в том числе альтернативного), увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне), достижение национальной и региональной безопасности, повышение узнаваемости продуктов за рубежом,

преодоление барьеров к развитию, расширение зоны влияния и борьба с распространением влияния конкурентов, нормализация и укрепление отношений с партнерами. При этом достижение признания как цель отличается для каждого государства по субъекту признания и цели признания: так, признание в качестве весомого члена иерархии и включение в текущую иерархию ожидаются от великих держав, способ выхода из изоляции осуществляется всеми игроками иерархии, в том числе стигматизированными, а признание легитимности внешней политики и отдельных ее аспектов может ожидаться как только от великих держав, так и от всех игроков иерархии.

Кластеризация по виду деятельности связана с принадлежностью к странам Юга и Севера. Средние державы Севера (Южная Корея и Австралия) отличаются глобальной объектной гуманитарной дипломатией с региональным уклоном и ограниченным набором инструментов. Средние державы Юга (Мексика, Индонезия, Турция, Индия, Бразилия, ЮАР) имеют свой специфичный подход: они отличаются субъектной гуманитарной дипломатией с широким набором инструментов дуального характера, а также учитывают нужды партнеров и реализуют свои проекты в соответствии с желаемым результатом, демонстрируют ответственность обоих партнеров за результаты и вовлеченность в проблемы других и ценят эффективность внедряемых программ и их актуальность.

Апробация. Отдельные результаты диссертационного исследования были апробированы:

а) в ходе выступлений и дискуссий в рамках научных конференций:

1) X Всероссийский конгресс политологов «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития», 5–7 декабря 2024 г., Москва, Россия. Круглый стол «БРИКС в контексте мировой

трансформации», доклад «Гуманитарное измерение сотрудничества БРИКС в качестве решения основных проблем объединения»;

2) The 3rd BRICS RI Research Conference, 25–27 сентября 2024 г., Пекин, Китай. Секция «Law and Governance in BRICS+», доклад «New opportunities and challenges for intra South-South development cooperation between BRICS countries after the 2024 enlargement»;
3) XV Конвент РАМИ, 12–14 октября 2023 г., Москва, Россия. Панельная дискуссия «Социально-гуманитарное измерение международных отношений», доклад «Политизация гуманитарной помощи в XXI веке»;
4) Конференция «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст, приуроченная к 55-летию Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)», 12–14 октября 2023 г., Москва, Россия. Сессия «Современные региональные тенденции в военно-политической сфере», доклад «Современные тенденции гуманитарной дипломатии Индонезии»;
5) VI International Forum «Russia and Ibero-America in a Turbulent World: History and Perspectives», 4–6 октября 2023 г., Санкт-Петербург, Россия. Секция «Культурно-гуманитарное сотрудничество России и стран Иберoамерики в эпоху формирования нового мирового порядка: возможности и вызовы», доклад «Iberoamerican humanitarian diplomacy of BRICS states: perspectives after enlargement»;
6) The 2nd Post Graduate Forum BRICS, 16–18 августа 2023 г., Кейптаун, ЮАР. Секция «Political and Economic Governance», доклад «IBSA Fund As Humanitarian Diplomacy Tool In Foreign Policies Of IBSA Member States»;
7) Конференция «Ломоносов», 10–21 апреля 2023 г., Москва, Россия. Секция «Глобальная безопасность», доклад «Новые тенденции в оказании гуманитарной помощи после землетрясений в 20-х гг. XXI века»;

8) XIV конвент РАМИ, 13–15 октября 2022 г., Москва, Россия. Секция «Мировая политика в эпоху перемен и неопределенности: взгляд молодого исследователя», доклад «Гуманитарная дипломатия Турции как инструмент продвижения внешнеполитических интересов»;

б) в публикациях автора в научных рецензируемых журналах, индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus, а также журналах из перечня ВАК, общим объемом 3,8 п.л.:

1) Дмитриева В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе // Латинская Америка. 2022. №9. С.19-35. **(Перечень ВАК)**;
2) Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны Глобального Юга: тенденции и дискурсы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. №3. С. 89-124. **(Перечень ВАК)**;
3) Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. The role of the IBSA Fund in Foreign Aid policies of IBSA and BRICS member states // MGIMO Review of International Relations. 2024. №1. С. 113-134. **(Перечень ВАК)**;

в) в имеющихся у автора публикациях в коллективных монографиях по рассматриваемой проблематике общим объемом 0,7 п.л.:

Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция // Практика современной гуманитарной дипломатии / Д.А. Кузнецов, Н.В. Гавриленко, С.М. Оболенцева и др.; под редакцией Д.А. Кузнецова. – М.: «Эдитус», 2022. – С. 182-193;

г) в прочих изданиях объемом 1,2 п.л.:

1) Дмитриева В.А. Перспективы гуманитарной дипломатии стран БРИКС в Латинской Америке после расширения группы // Управление и политика. 2023. №4. С. 24-36;
2) Dmitrieva V.A. Middle Powers as an Element of International Hierarchy: Status Gains // SSRN. 2025.

Отдельные результаты исследования были получены в рамках научного гранта Российского научного фонда № 25-28-00822 «БРИКС в трансформирующемся мире: проблемы акторности и перспективы развития в новом составе», научного гранта №КМУ-15/04 «Проблемы и перспективы культурного и образовательного сотрудничества стран БРИКС».

Структура работы определена поставленными целью и задачами и состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемых источников и литературы. Во введении диссертации обосновывается актуальность представленного исследования, освещается степень разработанности проблемы, выделяется теоретическая и методологическая основа работы, сформулированы цели и задачи исследования, а также содержатся положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Концептуальное осмысление понятий категории державы среднего уровня и гуманитарной дипломатии» подвергнуты анализу теоретические аспекты и концептуальные основы иерархии государств. В центре анализа находится понятие державы среднего уровня и стремление определить ее место в иерархии. Также выделяется отдельно понятие гуманитарной дипломатии. Благодаря выбранному подходу определяются державы среднего уровня для анализа и составляется модель изучения гуманитарной дипломатии, по которой анализ будет проводиться.

Во главе 2 «Практика гуманитарной дипломатии держав среднего уровня» анализируются выбранные в главе 1 страны. Государства рассматриваются с точки зрения предложенной модели изучения гуманитарной дипломатии, в рамках которой исследуются принципы осуществления гуманитарной дипломатии, подход к определению гуманитарной дипломатии, институционально-правовое оформление, тематические направления, географическую ориентацию, готовность к многостороннему сотрудничеству, участие в миротворческих операциях и членство в международных организациях, основных конкурентов в сфере влияния

В главе 3 «Гуманитарная дипломатия в контексте внешней политики держав среднего уровня: обобщение эмпирического анализа» предложено обобщение подходов держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии. Предлагаются универсальные черты, в том числе для предложенных кластеров государств. Также анализируются причины использования гуманитарной дипломатии для каждой из стран. Особое внимание уделяется получению признания с точки зрения субъекта, осуществляющего признание, и причин стремления к получению признания.

В заключении диссертации обобщены результаты проведенного исследования, сформулированы основные выводы и контуры будущих исследований.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ КАТЕГОРИИ ДЕРЖАВЫ СРЕДНЕГО УРОВНЯ И ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В теории международных отношений и академической литературе в целом не сложилось единого подхода к понятию иерархии государств. Разногласия исследователей встречаются в отношении природы иерархии, числа одновременно существующих иерархий, уровня иерархии (системного, международного, государственного), количества групп акторов внутри иерархии, характеристики каждой группы, которая бы позволила классифицировать актор в одну из них. Это приводит к сложности определения места и роли государства на мировой арене внутри иерархии. Так, одно государство может получать разную характеристику в зависимости от концептуального подхода ученого — например, сверхдержава, великая держава, региональная держава, держава среднего уровня, маленькое государство.

Более того, в академической литературе сформирован фрагментированный подход к определению места государства — так, исследователями разрабатывается рабочее определение определенной группы государств (например, великих держав или держав среднего уровня) без разработки подхода к классификации государств, не попадающих в изучаемую группу. Это связано с тем, что группа держав, в частности держав среднего уровня, не воспринимается частью академического общества как составляющая общего целого — а именно сложившейся иерархии на мировой арене. Наоборот, в исследованиях феномен держав среднего уровня изучается в отрыве от других государств, не попадающих в категорию держав среднего уровня по мнению исследователей. Таким образом, возникают пробелы в отношении места или группы этих государств. Также возникает проблема попадания в изучаемую группу: как государства становятся частью изучаемой

группы и какие внутренние характеристики должны поменяться, чтобы государства могли бы быть охарактеризованы как, например, державы среднего уровня.

Эти пробелы в академической литературе создают дополнительные трудности при исследовании отдельных групп: так, поведенческий подход к выделению держав среднего уровня формирует ожидаемое поведение государств, что делает нецелесообразным дальнейшее изучение их особенностей позиционирования на международной арене — они классифицируются исследователями в группу держав среднего уровня благодаря устоявшимся и заранее сформированным характеристикам их поведения, и дальнейшие исследования могут быть субъективными, так как любое несоответствие принятому поведению приводит к исключению их из группы, но не объясняет феномен изменения подхода к внешней политике. Так, не изучаются отдельные инструменты и их роль во внешней политике держав среднего уровня. В числе недостаточно изученных инструментов внешней политики гуманитарная дипломатия, которая не рассматривалась в контексте групп государств.

В настоящей главе обеспечивается синхронизация главных теоретических понятий исследования — (международная) иерархия государств, держава среднего уровня и гуманитарная дипломатия. Определяются подходы к пониманию иерархии государств и месту державы среднего уровня в ней. Выявляется подход к определению государства как державы среднего уровня. Определяется подход к определению гуманитарной дипломатии государств и выбираются кейсы держав среднего уровня для изучения их гуманитарной дипломатии.

§ 1.1. Концептуальные подходы к иерархии государств и державам среднего уровня в мировой политике

Концептуальные подходы к осмыслению иерархии государств

После разрушения биполярного мира началось постепенное размывание существующей системы международных отношений: стабильное мироустройство перестало быть таковым ввиду возникновения новых акторов, не вписывающихся в существовавший миропорядок (негосударственные акторы)[162], а сама структура перестала быть жесткой[163]. Параллельно с новыми акторами начали возникать новые вызовы глобального масштаба (изменение климата, пандемия), которые требуют от мирового сообщества совместной реакции.

Такие изменения нашли отражение в международных исследованиях политической науки. Ученые обратились к изучению иерархии с целью объяснить правила функционирования мировой политики, и образовался целый пласт академической литературы[164], где иерархия используется в качестве основополагающей теории для анализа мировой политики как глобальной системы. Отчасти переход к иерархии как аналитическому понятию был основан на факте неравного доступа государств к ресурсам, различных по площади и состоянию территорий и неравной степенью влияния государств на международные отношения. Кроме того, такой подход позволяет учесть глобализационные процессы в качестве элемента системы[165]. Хотя отдельные упоминания иерархии в том или ином виде встречались ранее (иерархия ценностей или национальных интересов, дипломатическая

---

[162] Лебедева М.М. Политическая система мира: проявления «внесистемности»: или новые акторы – старые правила // «Приватизация» мировой политики локальные действия – глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. – М. : Голден Би, 2008. – С. 53–66.

[163] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – №2 (26). – С. 29–39. ; Барановский В.Г. Новый миропорядок : преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – №5. – С. 7–23.

[164] Nedon D.K., Hexon D.H. Anarchy and Authority : International Structure, the Balance of Power, and Hierarchy // Journal of Global Security Studies. – 2019. – Vol. 4. – No. 2. – P. 169–189.

[165] Bially Mattern J., Zarakol A. Review Essay : Hierarchies in World Politics // International Organization. – 2016. – Vol. 70. – No. 3. – P. 623–654.

иерархия, иерархия внутри международных отношений), вклад в популяризацию понятия внес К. Уолтц в своей работе «Политика среди наций», где он занимался разработкой этого понятия[166]. Он отметил существование двух типов порядка — анархического и иерархического. Для К. Уолтца анархия — ключевая характеристика мировой системы, в то время как иерархия — характеристика внутренней системы государства, таким образом, иерархичные по своей природе государства оказываются внутри анархичной мировой политики[167]. Это привело к созданию прочной связи между понятиями анархия и иерархия и создало необходимость подтверждения или опровержения ее существования в исследованиях ученых после К. Уолтца.

Иерархия в самом общем смысле в исследованиях Дж. Биалли Маттерн и А. Заракол определяется как любая система, в которой акторы организованы в вертикальные отношения иерархического превосходства (superordination) и подчинения (subordination)[168]. Также этими учеными определены три черты иерархических систем:

1) структурное разнообразие в основе иерархической системы связано с властью и является политической характеристикой;
2) в мировой политике иерархии стратифицируют, ранжируют и организуют отношения не только между государствами, но и между другими видами акторов;
3) существует множество иерархических отношений в мировой политике, каждые из которых следуют своей «логике» и воспроизводят ее, создавая разные социальные, моральные и поведенческие нормы внутри иерархии.

Среди исследователей, использующих иерархию как концепцию, наблюдаются существенные противоречия насчет того, что можно считать иерархией. Так некоторые ученые считают все порядки с неравными по

---

[166] Donnelly J. Beyond Hierarchy // Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 243–265.
[167] Waltz K. Theory of International Politics. – P. 114–115.
[168] Bially Mattern J., Zarakol A. Review Essay : Hierarchies in World Politics. – P. 624.

положению акторами иерархиями, другие — только вертикально организованные порядки. В общей академической литературе, по мнению Дж. Биалли Маттерн и А. Заракол, сформировалось два подхода к определению иерархии:

- Узкое определение — отношения превосходства и подчинения имеют важность для анализа только политических отношений (только политическая сторона существующего неравенства).
- Широкое определение — отношения превосходства и подчинения представляют собой структурное неравенство, которое имеет значение для социальной, поведенческой и моральной характеристики мировой политики, а формальное равенство государств не анализируется (рассматривается не только политическая, но и социальная, поведенческая и моральная стороны существующего неравенства).

Такие разногласия поспособствовали формированию нескольких школ изучения иерархии, основанных преимущественно на одной из трех логик иерархии, определяющих черты и особенности иерархических систем и условия их воздействия на мировую политику[169].

К первой школе относят *логику выгодного обмена* (trade-off)[170], согласно которой иерархии формируются в соответствии с функциональной договоренностью (bargain), вызывающей стимулы к уступчивому или сопротивляющемуся поведению со стороны акторов в подчинении. В рамках этой школы у акторов возникает договоренность как решение существующей проблемы международного порядка (например, вопросов безопасности), в результате которой акторы обменивают часть своей свободы на выгодный для них политический или социальный порядок и общественные блага, и иерархии создают институты, в которых действуют возможности поощрения и

[169] Bially Mattern J., Zarakol A. Review Essay : Hierarchies in World Politics. – P. 634–643.
[170] Хотя trade-off переводится как баланс и компромисс, именно обмен представляется наиболее близкой формулировкой к термину, так как ближе передает идею этой логики.

пресечения поведения оказавшихся в подчинении акторов[171]. Для подхода используется узкое определение иерархии, а также допускается одновременное существование нескольких иерархий.

В такой логике работают авторы, придерживающиеся либеральной теории международных отношений. У Д. Лейка в его теории контрактов иерархия и анархия вместе формируют крайние (противоположные друг другу) точки отношений между акторами, принимающих разные формы в зависимости от степени установившейся иерархии или анархии между ними, — так, наиболее иерархичными отношениями, по мнению Д. Лейка, является империя. При этом вступление в эти отношения является добровольным для получения выгоды и экономии ресурсов[172], решения возникших коллективных проблем [173], а управляющим актором может выступать частный и негосударственный актор[174]. Обмен в рамках иерархии осуществляется путем отделения частей суверенитета актора в подчинении и передачи актору, установившему иерархическое превосходство: например, права защиты и гарантии, права экономического и финансового контроля, сервитута (servitude), вмешательства[175]. Важно, что власть в данном случае является легитимной и признается акторами, оказавшимися в иерархическом подчинении[176]. В подтверждение этой теории практическим примером Д. Айкенберри отмечает, что американская гегемония оказалась приемлема для других государств благодаря тому, что гарантировала безопасность и предоставляла и другие

---

[171] Pumain D. Introduction // Hierarchy in Natural and Social Sciences / Ed. D. Pumain. – Amsterdam : Springer, 2006. – P. 1–12.
[172] Lake D.A. Anarchy, hierarchy, and the variety of international relations // International Organization. – 1996. – Vol. 50. – No. 1. – P. 1–33.
[173] Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 2009. – 248 p.
[174] Lake D.A. Rightful Rules : Authority, Order, and the Foundations of Global Governance // International Studies Quarterly. – 2010. – Vol. 54. – No. 3. – P. 587–613.
[175] Donnelly J. Sovereign Inequalities and Hierarchy in Anarchy : American Power and International Society // European Journal of International Relations. – 2006. – Vol. 12. – No. 2. – P. 139–170. Cit. in Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – P. 49.
[176] Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – P. 2, 14.

услуги[177]. В коллективной монографии М. Буковански и др. отмечается, что решение глобальных проблем осуществляется путем распределения разных видов ответственности между суверенными государствами в виде иерархий, и иерархии возникают для улучшения эффективности работы мирового порядка в ситуации, когда формальный принцип суверенного равенства и политическая борьба за власть не могут стать основой для борьбы с вызовами, связанными с необходимостью сосуществования и сотрудничества. Благодаря предоставляемым благам иерархия стимулирует акторы поддерживать установившийся порядок и следовать ему[178]. Существование иерархии как результат договоренности подтверждают и иные исследуемые исторические международные порядки: например, XIV–XV вв. в Азии[179], образование Европейского союза[180].

Внутри этой школы существует три подхода к объяснению основы для поддержания договоренностей. У Д. Кана и Э. Кина иерархию поддерживает социальная приемлемость иерархического подчинения (при этом Д. Кан подчеркивает, что в основе иерархии лежат материальные способности[181], а также выделяет категорию престижа в качестве характеристики отличий между государствами[182])[183]. У Д. Лейка и Дж. Айкенберри иерархию

---

[177] Ikenberry G.J. Liberal Leviathan : The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2012. – 372 p.

[178] Special Responsibilities : Global Problems and American Power / Ed-s. M. Bukovansky, I. Clark, R. Eckersley, R. MacKay Price, C. Reus-Smit, N.J. Wheeler. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 290 p.

[179] Kang D.C. Hierarchy and Legitimacy in International Systems : The Tribute System in Early Modern East Asia // Security Studies. – 2010. – Vol. 19. – No. 4. – P. 591–622.

[180] Keene E. Social Status, Social Closure and the Idea of Europe as a ‘Normative Power’ // European Journal of International Relations. – 2013. – Vol. 19. – No. 4. – P. 939–956.

[181] Kang D.C. Hierarchy and Stability in Asian International Relations // International Relations Theory and the Asia-Pacific / Ed-s. G.J. Ikenberry, M. Mastanduno. – N.Y., Chichester : Columbia University Press, 2003. – P. 163–190.

[182] Lake D.A. Rightful rules : Authority, Order, and the Foundations of Global Governance. – P. 594. Cit. in Sharman J.C. Hierarchy in an Age of Equality : Micro-States and Dependencies // Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 137–153.

[183] Kang D.C. Hierarchy and Legitimacy in International Systems : The Tribute System in Early Modern East Asia. – P. 597. ; Keene E. Social Status, Social Closure and the Idea of Europe as a ‘Normative Power’. – P. 945–947.

поддерживают позитивные последствия иерархического подчинения [184] . Комбинированный подход М. Буковански и др. соединяет два предложенных подхода: так, в основе иерархии лежат социальная приемлемость и позитивные последствия иерархического подчинения[185]. Важно отметить, что в данном подходе иерархия зависит от относительной власти акторов и подлежит пересмотру, таким образом любая напряженность может поменять поведение, последствия и привести к изменению иерархии[186].

К *недостаткам* исследований этой школы можно отнести исключение из исследований отношений с нелегитимно установленной властью. Это связано с тем, что одним из основных критериев иерархии является легитимность власти, поэтому все нелегитимные способы установления власти не рассматриваются: например, военная оккупация, внешняя смена режима, миротворческие операции, операции по установлению стабильности и др. [187] Также не учитывается фактор трудности изменения иерархии [188], исследователями преподносится, что иерархия может быть разрушена в любой момент простым прекращением действия договоренностей и прекращением одобрения иерархии, что не соответствует действительности, потому что тогда бы иерархия реорганизовывалась регулярно. Еще одним недостатком в этом подходе является рациональное поведение государств и их лидеров, что не всегда соответствует действительности. Согласно В. Пульё, участие подчиненных акторов в иерархии не всегда связано с их одобрением и согласием, а может быть вызвано отсутствием выбора и необходимостью действовать так, как принято в мире, структурированном иерархией [189] .

---

[184] Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – P. 32. ; Ikenberry G.J. Liberal Leviathan : The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. – P. 5–9.
[185] Special Responsibilities : Global Problems and American Power. – P. 5–16.
[186] Bially Mattern J., Zarakol A. Review Essay: Hierarchies in World Politics. – P. 636–637.
[187] Denison B. Conceptualizing Foreign Rule: A Relational Approach to Understanding Coercively-Imposed International Hierarchy // Academia. 2018. URL: https://www.academia.edu/34345779/Conceptualizing_Foreign_Rule_A_Relational_Approach_to_Understanding_Coercively_Imposed_International_Hierarchy#loswp-work-container
[188] Pouliot V. Against Authority : The Heavy Weight of International Hierarchy // Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 113–134.
[189] Ibid., P. 114–116.

Договоренность между независимыми акторами как основа иерархии может быть расценена как часть теории рынка ввиду рациональности акторов и особенности формирования договоренности, что концептуально заводит в тупик развитие иерархии как отдельного понятия [190]. Также некоторые исследователи сконцентрированы преимущественно на двусторонних отношениях, исключая системную иерархию из рассмотрения[191].

Ко второй школе относят логику *позиционирования* (positionality), согласно которой материальное и социальное положение стимулирует разнообразное позиционное, или основанное на полученной роли, поведение. Также есть исследования, в которых отмечается, что иерархия состоит из нескольких типов природы помимо материальной[192] и социальной. Влияние иерархий на мировую политику выражается в создании или подсвечивании акторам их определенных, зависящих от позиций ролей, а также установлении разного давления на акторы, на которое они по-разному отвечают [193]. В результате, желания и приоритеты акторов частично зависят от их позиции в иерархическом порядке.

В рамках этого подхода применяется широкое определение, в котором отмечается, что иерархия — это свойство мировой политической среды, в которой обнаруживают себя акторы и которая учит акторов играть определенные роли, включая обладание определенными интересами и ожиданиями. Таким образом, считается, что иерархия устанавливается на достаточно длительный период (и регулярно укрепляется через признание

---

[190] Sharman J.C. Hierarchy in an Age of Equality : Micro-States and Dependencies // Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 137–153.
[191] Pouliot V. Against Authority : The Heavy Weight of International Hierarchy. – P. 130.
[192] Onuf N.G. World of Our Making : Rules and Rule in Social Theory and International Relations. – L. : Routledge, 1989. – 352 p. ; Idem. Making Sense, Making World : Constructivism in Social Theory and International Relations. – L. : Routledge, 2013. – 256 p. ; Idem. Recognition and the Constitution of Epochal Change // International Relations. – 2013. – Vol. 27. – No. 2. – P. 121–140. ; Idem. Rule and Rules in International Relations. Lecture at the Cluster of Excellence : The Formation of Normative Orders, Goethe University Frankfurt/Main, 5 February. Cit. in Bially Mattern J., Zarakol A. Review Essay : Hierarchies in World Politics. – P. 639.
[193] Towns A.E., Rumelili B. Taking the Pressure: Unpacking the Relation between Norms, Social Hierarchies, and Social Pressures on the States // European Journal of International Relations. – 2017. – Vol. 23. – No. 4. – P. 756–779.

порядка всеми ее участниками, вне зависимости от их положения[194]), факт нахождения актора на определенной позиции не определяется его выбором или не может быть получен в рамках договоренностей (следовательно, процесс занятия определенных позиций является интерактивным, и государства способны менять свое положение внутри иерархии[195]), идентичность актора основана на его позиции в системе, иерархии воздействуют на политику путем создания социальной динамики[196].

В рамках школы есть три ключевых понятия, взаимосвязанных между собой, — стигматизация, признание и статус. До признания в академических исследованиях социальной природы статуса он считался преимущественно признанием материальных возможностей государств и зависел от них[197], поэтому по-настоящему он мог существовать только у великих держав, тогда как второстепенные державы (secondary powers) могли только блефовать о его наличии[198]. Тем не менее, представители реляционного подхода отметили, что статус зависит от общественного признания и касается процессов идентификации[199], и использовать только материальные характеристики статуса означало бы сводить его к исключительно материальному явлению, исключая социальную природу[200]. У Р. Вайрынена позиционирование государства сформулировано путем выделения двух критериев — субъективности/объективности и эндогенности/экзогенности. Материальные

---

[194] Adler-Nissen R. Are We ‘Lazy Greeks‘ or ‘Nazi Germans‘? Negotiating International Hierarchies in the Euro Crisis // Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 198–218.

[195] Ibid., P. 199

[196] Bially Mattern J., Zarakol A. Review Essay: Hierarchies in World Politics. – P. 639.

[197] Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 272 p.

[198] Morgenthau H.J. Politics among Nations : The struggle for Power and Peace. – N.Y. : Alfred A. Knopf, Inc., 1949. – 520 p.

[199] Дегтерев Д.А., Буторов А.С. Международный статус стран постсоветского пространства : традиционный и реляционный подходы к оценке иерархии // Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 95–103.

[200] Duque M. Recognizing International Status : A relational Approach // International Studies Quarterly. – 2018. – Vol. 62. – No. 3. – P. 577–592. Cit. in: Дегтерев Д.А., Буторов А.С. Международный статус стран постсоветского пространства : традиционный и реляционный подходы к оценке иерархии // Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 95–103.

агрегированные характеристики являются частью объективного и эндогенного позиционирования, ценность взаимодействия с акторами — объективного и экзогенного, а самовосприятие и восприятие другими становится частью субъективного позиционирования (эндогенного и экзогенного соответственно)[201].

Ряд исследователей считает статус критерием существующей социальной природы иерархии: все акторы занимают положение в соответствии со своим статусом, присвоенным им благодаря общественно признанному представлению о них. Эта идея заимствована из теории социальной идентичности[202]. При этом статус может иметь как единственную природу, так и множественную (например, политический и экономический статусы, которые различаются от актора к актору)[203]. Изначально считалось, что статус имеет значение только для находящихся на вершине иерархии, например, великих держав, и является игрой с нулевой суммой (когда один актор теряет статус, другой приобретает) [204] . Согласно исследованию Т.Д. Волджи и др.[205], социальная природа иерархии, наоборот, имеет большее значение для поведения тех акторов, кто находится ниже лидеров иерархии в материальном плане (т.е. для тех, кто находится на ступеньку ниже великих держав). Это связано с тем, что улучшить социальный статус проще, чем достичь положения великой державы, а также с тем, что высокий статус позволяет получить специальные права от международного сообщества, а

---

[201] Väyrynen R. On the Definition and Measurement of Small Power Status // Cooperation and Conflict. – 1971. – Vol. 6. – No. 2. – P. 91–102.
[202] Schulz C.-A. Hierarchy salience and social action : disentangling class, status, and authority in world politics. – P. 97.
[203] Simpson G. Great Powers and Outlaw States : Unequal Sovereigns in the International Legal Order. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 391 p.
[204] Weber M. Economy and Society : An Outline of Interpretive Sociology. – N.Y. : Bedminster Press, 1968. – 1469 p. Cit. in Schulz C.-A. Hierarchy salience and social action : disentangling class, status, and authority in world politics. – P. 96.
[205] Volgy T.J., Corbetta R., Rhamey J.P.jr., Baird R.G., Grant K.A. Status Considerations in International Politics and the Rise of Regional Powers // Status in World Politics / Ed-s. T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 58–84.

низкий статус приводит к маргинализации [206]. Таким образом, желание повысить свою позицию обусловлено социализацией актора на более низкой позиции[207]. При этом социализации расположенных ниже в иерархии акторов достаточно для того, чтобы ощущать негативные последствия от их стигматизации другими акторами, но недостаточно для того, чтобы не иметь институтов и стремления к изменению своего положения[208].

Сторонники школы уделяют внимание практике формирования статуса и процессу социализации. У статуса существует два одновременных и равных по степени важности механизма: самоопределение (self-labelling), в котором играет роль низкая самооценка государства, тревога о собственном национальном статусе, работа с собственным прошлым и внутренними конфликтами [209], и дискурс других государств (other-labelling) [210]. Оба механизма способствуют достижению признания путем принятия другими акторами статуса, определенного государством самостоятельно[211], при этом, по мнению исследователей, например, Гриса, самоопределение (или самоидентификация) формируется только через взаимодействие с другими, и государство неспособно к конструированию собственной идентичности без социальных отношений[212]. Подтверждение статуса осуществляется в случае, когда акторы с высоким статусом признают, что ответственность государства, его привилегии или права увеличились путем разных статусных маркеров

---

[206] Simpson G. Great Powers and Outlaw States : Unequal Sovereigns in the International Legal Order. – P. 62–90. Cit. in MacDonald P. Embedded authority : a relational network approach to hierarchy in world politics // Review of International Studies. – 2018. – Vol. 44. – No. 1. – P. 128–150.

[207] Towns A.E. Women and States : Norms and Hierarchies in International Society. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 249 p.

[208] Adler-Nissen R. Opting out of the European Union : Diplomacy, Sovereignty and European Integration. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 253 p.

[209] Subotic J., Zarakol A. Cultural Intimacy in International Relations // European Journal of International Relations. – 2013. – Vol. 19. – No. 4. – P. 915–938.

[210] Adler-Nissen R. Are We ‘Lazy Greeks’ or ‘Nazi Germans’? Negotiating International Hierarchies in the Euro Crisis. – P. 207–208.

[211] Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy // Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 219–240.

[212] Gries P.H. Social Psychology and the Identity-Conflict Debate : Is a ‘China Threat’ Inevitable? // European Journal of International Relations. – Vol. 11. – No. 2. – P. 235–265.

(которые могут отличаться в зависимости от эпохи и культурного контекста): приглашений на саммиты, государственных визитов, создания стратегических диалогов или в рамках речей. Также государство в свою очередь демонстрирует статус путем своих статусных маркеров: риторикой, дипломатической активностью, получением символа статуса; при этом восприятие статуса может быть неверным со стороны статусного сообщества и приводить к конфликтам. Также демонстрация не всегда соответствует действительности: государства склонны преувеличивать свои преимущества и приуменьшать свои недостатки[213].

Социализация осуществляется также для стимулирования другими акторами изменения поведения актора и формирования приемлемого поведения: так, продвигается справедливость установленных норм и необходимость следования этим нормам, сторонники поощряются как морально следующие правилам, тогда как противники норм стигматизируются [214] . Стигматизация другими государствами в форме дискриминационных практик (например, запрет на участие в работающих институтах[215]) также осуществляется в случае несогласия с определенным самостоятельно статусом [216] . Коллективная стигматизация чаще всего осуществляется группой государств, обладающей для этого достаточным социальным авторитетом [217] . Помимо дискриминационных практик, применяются инструменты морального принуждения, которые помогают решить, когда государство виновно в нарушении установившегося порядка[218]. Любое нарушение правил приводит к стигматизации и получению статуса

---

[213] Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. Status in World Politics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 306 p.
[214] Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 220.
[215] Zhang Y. China in International Society since 1949 : Alienation and Beyond. – Basingtoke : Macmillan, 1998. – 345 p. Cit. in Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 227.
[216] Adler-Nissen R. Are We ‘Lazy Greeks’ or ‘Nazi Germans’? Negotiating International Hierarchies in the Euro Crisis. – P. 202.
[217] Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 220.
[218] Adler-Nissen R. Are We ‘Lazy Greeks’ or ‘Nazi Germans’? Negotiating International Hierarchies in the Euro Crisis. – P. 202–203.

«изгоя». В результате этого самоощущение государств чаще связано с чувством стыда и вины, а не с позитивными характеристиками[219].

Применение другими акторами коллективной стигматизации способно вызвать у государства кризис идентичности, который может привести к изменению поведения. Существует три возможных вида реакции в связи с кризисом идентичности: конформизм, изоляция и поиск альтернативного признания. Чаще всего считается, что государство будет вести себя конформистским образом по отношению к установленным правилам и корректировать свое поведение в части стигматизированных действий с целью получения признания и членства в международном сообществе, так как выход из существующей социальной иерархии представляется невозможным[220]. В истории есть пример, когда признанием статуса было признание суверенитета государства: бывшие колонии были вынуждены принимать западные нормы и другую форму иерархии, так как это был единственный способ получения признания их суверенитета[221].

Другой реакцией может быть изоляция — отказ от взаимодействия с международным сообществом и уход из всех институтов.

Третьей реакцией и альтернативным способом получения международного статуса и престижа может быть отказ от конформистского поведения и, как следствие, отказ от получения признания основных акторов иерархии благодаря признанию членов альтернативной субкультуры[222]. Как пишет Р. Адлер-Ниссен, внутри мирового сообщества может существовать несколько источников социального признания и иерархий[223]. В случае, если

---

[219] Subotic J., Zarakol A. Cultural Intimacy in International Relations. Cit. in Adler-Nissen R. Are We ‘Lazy Greeks’ or ‘Nazi Germans’? Negotiating International Hierarchies in the Euro Crisis. – P. 203

[220] Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 220.

[221] Bull H. The Revolt against the West // The Expansion of International Society / Ed-s. H. Bull, A. Watson. – Oxford : Oxford University Press,1984. – P. 217–229. Cit. in Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 222.

[222] Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 226–229.

[223] Adler-Nissen R. Are We ‘Lazy Greeks’ or ‘Nazi Germans’? Negotiating International Hierarchies in the Euro Crisis. Cit. in Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 223.

такой альтернативной субкультуры еще не сформировалось, государство может инициировать создание альтернативной группы с аналогичными проблемами, связанными с признанием. Хотя традиционные конструктивисты отрицают существование альтернативных источников социального признания[224].

Исследователи, опирающиеся на классическую теорию социальной идентичности, выводят три другие формы реакции в связи с несогласием с собственным статусом, имеющие схожие черты с представленными выше способами[225]. Так, в качестве потенциального ответа возникают социальная мобильность, социальное соревнование или социальная креативность [226]. Социальная мобильность выражается в подражании ценностям стигматизирующих актор государств. Социальное соревнование — общая характеристика для всех политических действий, связанных с конфронтацией и попыткой актора догнать стигматизирующие государства, например, попытка актора установить контроль над определенными вооружениями или территориями[227]. Социальная креативность — попытка актора увеличить свой статус путем пересмотра воспринимаемых негативными характеристик как позитивных[228].

---

[224] Suzuki S. ‘Delinquent Gangs’ in the International System Hierarchy. – P. 223.

[225] При рассмотрении можно предположить, что эти формы реакции зависят от степени стигматизации. При отсутствии стигматизации и попыток исключить государство из международного сообщества оно может реагировать путем социального соревнования и социальной креативности. При усилении стигматизации — прибегать к социальной мобильности, конформизму, изоляции или поиску альтернативного признания.

[226] Volgy T.J., Gordell K.M. Rising Powers, status competition and global governance : a closer look at three contested concepts for analyzing status dynamics in international politics // Contemporary Politics. – 2019. – Vol. 25. – No. 5. – P. 512–531.

[227] Larson D.W., Shevchenko A. Status seekers : Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. – 2010. – Vol. 34. – No. 4. – P. 63–95. ; Wohlforth W.C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. – 2009. – Vol. 61. – No. 1. – P. 28–57. ; Ward S.M. Lost in Translation : Social Identity Theory and the Study of Status in World Politics // International Studies Quarterly. – 2017. – Vol. 64. – No. 4. – P. 821–834.

[228] Adler-Nissen R. Stigma Management in International Relations : Transgressive Identities, Norms, and Order in International Society // International Organization. – 2014. – Vol. 68. – No. 1. – P. 143–176.

В рамках подхода разрабатывается теория статусного сообщества. Статусное сообщество — иерархия, состоящая из групп акторов, воспринимаемых государством в качестве своих противников, поэтому для исследования государства первоначально необходимо определить сообщество, к которому государство принадлежит. В рамках этого подхода мировая система характеризуется несколькими статусными иерархиями, при этом сообщества возникают в рамках одного географического региона или ввиду схожей специфики внешней политики государств. Состоящие в статусном сообществе государства определяют свою позицию в соответствии с коллективными убеждениями, наделяя государство определенным статусом. Когда государство считает, что присвоенный сообществом статус ниже, чем желаемый или ожидаемый, оно стремится изменить коллективные убеждения государств. Таким образом, процесс наделения государства статусом является интерактивным, как и сама природа статуса является изменяющейся[229]. При этом, по мнению Д. Реншона, не все действия способны влиять на изменение коллективных убеждений, а только публичные, драматичные или очень выдающиеся, несущие в себе недвусмысленный посыл[230].

К *недостаткам* положений этой школы можно отнести отсутствие среди исследователей единого понимания относительно количества существующих иерархий в мировой политике. Так, пока у одних исследователей отмечается системный характер единой иерархии, концепция статусных сообществ предполагает одновременное существование нескольких иерархий. Также можно отметить, что у исследователей нет единого мнения об источнике социального признания. В исследованиях Д. Гельденхёйса в качестве маркера социального признания предложен континуум с двумя экстремумами — интеграцией и отчуждением, при этом в отношении государства может быть амбивалентное отношение: например, его будут исключать из определенных

[229] Dmitrieva V.A. Middle Powers as an Element of International Hierarchy : Status Gains // SSRN. 2025. URL: https://ssrn.com/abstract=5508118.
[230] Renshon J. Fighting for Status : Hierarchy and Control in World Politics. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2017. – 304 p.

институтов международного сообщества, в то время как в других оно будет продолжать играть важную роль[231]. Таким образом, критикуется упрощенный подход к стигматизации государств, в рамках которого подразумевается, что стигматизация ведет к полному исключению из международного сообщества. В продолжение этого тезиса отмечается, что существует около пяти разных категорий стратификаций иерархии (от социокультурной до экономических способностей государства) и международная иерархия не создает подхода к однородному ранжированию, которое было бы основано на единственном признаке[232], и в рамках этих подсистем акторы принимают разные роли[233].

К третьей школе относят логику *производительности* (productivity), согласно которой существующая онтология разнообразных иерархий стимулирует одновременное создание различных политических пространств и разных акторов, которые в этих пространствах находятся и действуют, и формирует их поведение. Иерархия социально организована вокруг норм, идентичностей, практик, правил, стандартов, задач, обязанностей, привилегий[234]. Для этой школы характерно наиболее широкое определение иерархии, а наибольшее число представителей являются последователями постструктуралистской, постколониальной, феминистской и критической теорий в теории международных отношений.

В подходе наиболее важным является факт первичности иерархии по отношению к акторам, что связано с социальной стратификацией внутри любого актора[235]. По мнению Т. Баркави и М. Леффи, иерархия является историческим наследием постколониальной доминирующей структуры, которая производит взаимно образующиеся оппозиции (например, раса,

---

[231] Geldenhuys D. Isolated States : A Comparative Analysis. – N.Y. : Cambridge University Press, 1990. – 764 p.
[232] McConaughey M., Musgrave P., Nexon D. Beyond Anarchy : Logics of Political Organization, Hierarchy, and International Structure // International Theory. – 2018. – No. 10. – P. 181–218.
[233] Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. International hierarchy and functional differentiation of states : results of an expert survey // MGIMO Review of International Relations. – 2022. – Vol. 15. – No. 3. – P. 7–38.
[234] Pouliot V. Against Authority : The Heavy Weight of International Hierarchy. – P. 129.
[235] Ibid., P. 114.

экономическое развитие, политическое развитие)[236]. При этом международные нормы создают социальную стратификацию и формируются под ее влиянием, что приводит к самовоспроизведению иерархии подчиненными акторами из-за ее влияния на социальные отношения[237]. Таким образом, иерархия может трансформироваться в зависимости от особенностей конкретной сферы, взаимоотношений в ней[238].

В рамках этого подхода внимание уделяется дискурсивным практикам установления границ, определяющим внутреннее пространство, где действуют акторы с более высоким положением, и внешнее пространство, где существуют акторы с низшим положением[239]. Эти дискурсивные практики постоянно меняются в периоды между международными интервенциями, и вокруг них, по мнению С. Вебер, формируется государственный суверенитет[240]. Помимо дискурсивных практик встречаются и более простые формы производительности иерархии: так, Р.У. Такер пишет о том, что неравенство является базовым условием, постоянно существовавшим в системе мировой политики[241].

К *недостаткам* положений этой школы можно отнести слишком общее восприятие неравенства, что приводит к сосуществованию нескольких десятков видов иерархий, что усложняет анализ восприятия этой иерархии государством. Также ввиду самовоспроизведения иерархии нет понимания относительно существования возможности пересмотра иерархии или места в ней помимо осуществления международной интервенции.

Эти три логики иерархии не являются полностью взаимоисключающими, наоборот, они могут существовать в исследованиях авторов одновременно.

---

[236] Barkawi T., Laffey M. The Postcolonial Moment in Security Studies // Review of International Studies. – 2006. – Vol. 32, No. 2. – P. 329–352.
[237] Towns A.E. Women and States : Norms and Hierarchies in International Society. – P. 181.
[238] Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. – 2017. – №1 (52). – С. 55–63.
[239] Bially Mattern J., Zarakol A. Review Essay: Hierarchies in World Politics. – P. 641.
[240] Weber S. Simulating Sovereignty : Intervention, the State and Symbolic Exchange. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 150 p.
[241] Tucker R.W. The Inequality of Nations. – N.Y. : Basic Books, 1977. – 224 p.

Также небольшие связи с теорией иерархий находят в теориях о транзите власти, гегемонистской стабильности, теории зависимости (как экономической иерархии)[242].

В рамках данной исследовательской работы применяется школа исследований, связанная с логикой позиционирования. Несмотря на довольно подробные разработки статусных сообществ, в работе применяется системный подход к иерархии в его реляционном преломлении (т.е. признается существование иерархии на системном уровне мировой политики, что ведет к установлению для каждого государства определенного статуса без учета различных типов статусных сообществ и их влияния на восприятие держав среднего уровня). Такой выбор обусловлен тем, что применение концепции статусных сообществ приведет к вопросу о восприятии державами среднего уровня своего места в иерархии и своих противников, и тогда это может привести к возникновению дополнительных различий в типе держав среднего уровня и потребует теоретического уточнения. Понятие статуса, стигматизации и социализации будет применяться в соответствии с данными определениями, учитывая возможность альтернативной социализации в качестве ответа на стигматизацию как одну из гипотез деятельности держав среднего уровня.

Концептуальные подходы к осмыслению количества акторов в иерархии государств

Ввиду разных подходов к иерархии не сформировалось единого понимания относительно количества акторов и их типа в иерархии государств. Для позиционной иерархии большое значение имеют типы классификации государств. Государства рассматриваются исследователями с точки зрения их мощи, роли и статуса на международной арене, а также в отдельных случаях их внешнеполитических целей. Различны и подходы к их выделению, в связи

[242] Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – P. 35, 60.

с чем одна страна может быть охарактеризована исследователями разными терминами, иногда противоречащими друг другу. Классификация стран также различается по числу этих групп акторов, представленных в международной системе.

Наиболее упрощенным подходом восприятия мировой арены является иерархия, состоящая из *двух* типов государств. К ней можно отнести подход, доминирующий длительное время в реалистической парадигме, где все государства делились реалистами на великие державы и второстепенные государства, которые не оказывали влияния на мировую политику[243]. Также Р.Л. Ротштайном было предложено разделение на великие державы и малые государства[244],[245].

Другим концептуальным подходом является деление стран на *три* типа. Одной из первых попыток подобной классификации была работа XVI в. секретаря архиепископа Милана, писателя Дж. Ботеро, где он пытался классифицировать доминионы относительно друг друга по размеру и их потребности во внешней поддержке для сохранения безопасности на малые, средние и большие[246], той же классификации придерживался в XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, увязывая тип государства с формой правления[247]. Данный подход получил широкую поддержку академического сообщества.

---

[243] Manicom J., Reeves J. Locating Middle Powers in International Relations Theory and Power Transitions // Middle powers and the rise of China / Ed-s. B. Gilley, A. O'Neil. – Washington : Georgetown University Press, 2014. – P. 23–44.

[244] В англоязычной литературе можно отметить два термина, применяемых к описанию малых государств: «малые государства» (small states) и «малые державы» (small powers). Несмотря на равную частотность применения этих терминов и равнозначность в академической литературе, здесь и далее применяется термин малые государства, за исключением ситуаций, когда автор отмечает влияние так называемых малых держав в своей работе, выделяя их от государств, следующих за ними по могуществу, т. к. в русском языке слово держава имеет коннотацию высокой роли в мировой политике или могущества в международных делах. Использование державы как полного синонима государства также встречается в словарях.

[245] Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. – N.Y., L. : Columbia University Press, 1968. – 331 p. Cit. in Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas : Small States in International Politics. – P. 292.

[246] Wight M. Power Politics. / Eds. H. Bull, C. Holbraad. – N.Y. : Holmes & Meier Publishers, 1978. – 317 p.

[247] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 16.

Д. де Т. Глейзбрук [248], А. Ванденбош [249], Р. Вайрынен [250], К. Холбрад [251], Й. Кларк[252], Д. Виталь[253] рассматривали иерархию как систему, состоящую из трех типов государств — великих держав, средних держав и малых государств[254]. М. Хаас писал о крупных державах («major»), средних державах и малых государствах[255]. Б. Бузан и О. Уэвер исключили из иерархии малые государства, отметив существование трех типов — сверхдержавы, великие державы и региональные державы [256]. У Н.Ю. Кавешникова три типа формулируются как полноценные державы, отраслевые державы и малые страны[257]. У А.Д. Богатурова отмечаются великие державы, средние и малые страны[258]. Б.К. Саркар выделяет державы первого класса, великие державы и малые государства [259]. Г. Шварценбергер писал о великих державах, государствах и негосударственных акторах как трех членах иерархических систем[260]. У И. Валлерстайна иерархическая организация мировой политики

[248] Glazebrook G.de T. The Middle Power in the United Nations System // International Organization. – 1947. – Vol. 1. – No. 2. – P. 307–315.
[249] Vandenbosch A. The Small States in International Politics and Organization // The Journal of Politics. – 1964. – Vol. 26. – No. 2. – P. 293–312.
[250] Väyrynen R. On the Definition and Measurement of Small Power Status. – P. 95–96.
[251] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 3.
[252] Clark I. The Hierarchy of States : Reform and Resistance in the International Order. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 264 p.
[253] Vital D. The inequality of states : a Study of the Small in International Relations. – Oxford : Clarendon Press, 1967. – 208 p.
[254] В оригинале применяется термин «малая держава» (small power).
[255] Haas M. International Conflict. – Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1974. – 681 p. Cit. in Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 73.
[256] Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 598 p.
[257] Кавешников Н.Ю. «Малые и вредные»? // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – №3 (18). – С. 84–92.
[258] Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в мировой системе // Международные процессы. – 2006. – Т. 4. – №3. – С. 5–15.
[259] Sarkar B.K. Hindu theory of International Relations // The American Political Science Review. – 1919. – Vol. 13. – No. 3. – P. 400–414. Cit. in Bayly M.J. Global intellectual history in International Relations : Hierarchy, empire, and the case of late colonial Indian thought // Review of International Studies. – 2023. – Vol. 49. – No. 3. – P. 428–447.
[260] Schwarzenberger G. Power Politics: A Study of International Society. – L. : Steven/F.A. Praeger, 1951. – 898 p. Cit. in Donnelly J. Beyond Hierarchy // Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. – P. 249.

получила характеристику центра, периферии и полупериферии [261]. Альтернативно Й. Кларк упоминает об экономической классификации стран на первый, третий и четвертый мир [262]. Также были предложены альтернативные варианты классификации — по роли в системе Ж.М. Коломер выделил большие империи, малые нации и суверенные государства[263].

В третьем варианте иерархия рассматривается как деление стран на *четыре* типа. К первым попыткам такого разделения относится работа А. де Мабли, который в XVIII в. разделил систему государств на державы первого, второго и третьего порядка, где державы второго порядка делились на державы второго порядка верхнего и нижнего эшелонов[264]. В XIX в. Ф. Генц, а также К.Г.Л. Пёлиц писали о иерархии в зависимости от политической важности[265] стран, выделяя страны первого, второго, третьего и четвертого эшелонов (или порядка)[266]. Р.О. Кохейн определил их как великие державы, державы второго эшелона, средние державы и малые государства [267]. Т.А. Шаклеина отмечала существование сверхдержав, великих держав, региональных держав и иных государств, которым не был определен термин ввиду концентрации автора на вопросах выделения сверхдержав и великих держав [268]. Также о четырех типах государств, в зависимости от уровня обладания политическими благами и их производства, писал Р.И. Ротберг: сильные, слабые, гибнущие и распавшиеся государства[269].

---

[261] Wallerstein I. The Politics of World Economy : The States, the Movements and the Civilizations. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – 191 p. ; Idem. The Modern World-System I : Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century, with a New Prologue. – Berkeley : University of California Press, 2011. – 440 p.

[262] Clark I. The Hierarchy of States : Reform and Resistance in the International Order. – P. 2.

[263] Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. – L., N.Y. : Routledge, 2007. – 114 p. Cit. in Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим? // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – №3 (18). – С. 78–83.

[264] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 13.

[265] К.Г.Л. Пёлиц использовал для определения политической важности показатель численности населения.

[266] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 22

[267] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. – P. 296

[268] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы. – С. 29, 34.

[269] Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing and Collapsed States // Leashing the Dogs of War : Conflict Management in a Divided World / Ed-s. C.A. Crocker, F.O. Hampson, P.R. Aall. –

В четвертом варианте иерархия рассматривается как *пять* типов стран. Так, А.Ф.К. Органски писал о пяти типах, зависящих от их интересов, — доминирующее государство, великие державы, средние державы, малые державы, зависимые территории [270]. У Т. Данна упоминаются мировые державы, великие державы, средние державы, малые державы (minor powers) и подразделения[271].

Иерархия может пониматься и как более сложная структура, состоящая из *более чем пяти* элементов. Л.Дж. Кантори и С.Л. Шпигель различали *семь* типов государств, в зависимости от влияния: страны первого эшелона, страны второго эшелона, средние державы, малые державы, региональные государства, микрогосударства, колонии [272]. Аналогично семь типов участников иерархии представлены в работе М.В. Ильина: мегагосударства, макрогосударства, мини-государства, микрогосударства, сегменты-государства, непризнанные или самопровозглашенные государства-состояния, государства-изгои [273]. З. Шолвин предложил международную иерархию из *восьми* элементов: сверхдержавы, великие державы, средние державы, региональные державы, региональные державы второго порядка, малые державы, региональные государства, микрогосударства. В подходе З. Шолвина интересно рассмотреть отличия категорий друг от друга. Сверхдержавы обладают решающим влиянием по всему миру; великие державы — только в некоторых регионах; средние державы являются партнерами великих держав, слабыми для независимой мировой политики, поэтому концентрируются на определенном политическом курсе; региональные державы — лидеры своего региона; региональные державы второго порядка — страны, ограниченные

Washington : USIP Press, 2007. – P. 83–94. Cit. in Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим? – С. 80.

[270] Organski A.F.K. World Politics. – N.Y. : Alfred A. Knopf, Inc., 1968. – 2nd ed. – 509 p.

[271] Dunne T. Society and Hierarchy in International Relations // International Relations. – 2003. – Vol. 17. – No. 3. – P. 303–320.

[272] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 73.

[273] Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – №4. – С. 8–41.

своим регионом и ищущие поддержки внешних партнеров для балансирования; малые державы — страны, ограниченные своим регионом и ищущие поддержки сверхдержав; региональные государства — страны, обладающие влиянием только на прямых соседей; микрогосударства — страны, не имеющие влияния за пределами своих границ[274].

Многообразие подходов к международной иерархии выявляет несколько серьезных концептуальных противоречий. Во-первых, нет консенсуса относительно количества типов, наблюдаемых в международной иерархии, что приводит к теоретическому упрощению или же усложнению и размыванию критериев. Так, можно отметить, что в более сложных иерархиях, как иерархия З. Шолвина, объединены несколько параметров: уровень влиятельности, способность к построению устойчивых связей и географические внешнеполитические ориентиры. Здесь же отмечается дублирование типов: нет четких отличий между малыми державами и региональными державами второго порядка, что приводит к невозможности определить государство в одну из них исключительно на основе определения, а требует от исследователя дальнейшей концептуализации их различий. Иногда в иерархические концепции попадает категория состоятельности государства, как у М.В. Ильина, что приводит к выделению в качестве акторов международной иерархии отдельных регионов государств. Во-вторых, страны меняют свое положение, что приводит к вопросу изменения иерархии и необходимости оценивать ее регулярно, принимая во внимание тот факт, что существует временной интервал между фактическими изменениями показателей и изменением внешней политики и позиционирования государства на международной арене. В-третьих, возникает проблема дублирования понятий. Так, исследователи, придерживающиеся более простой иерархии государств,

[274] Scholvin S. Emerging Non-OECD Countries : Global Shifts in Power and Geopolitical Regionalization // German Institute of Global Area Studies. – 2010. – No. 128. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/114849/wp128.pdf

используют разные термины синонимично[275], в то время как исследователи более сложных иерархий выделяют их в отдельные категории: «развивающиеся страны»[276], «мировые державы Юга»[277], «державы среднего уровня»[278], «развивающиеся державы среднего уровня»[279], «южные державы среднего уровня»[280], «региональные державы»[281], «державы второго порядка (эшелона)»[282]. Таким образом, возникает вопрос, можно ли их использовать синонимично или же эти категории являются разными характеристиками государств, причем наибольшие вопросы возникают в отношении «региональных» и «средних» держав.

Различия в определении региональных и средних держав определены у З. Шолвина, который характеризует, как уже было отмечено ранее, средние державы с точки зрения слабости их внешней политики и необходимости партнерских отношений с великими державами, а региональные державы в качестве региональных лидеров, осуществляющих политику преимущественно в своем регионе[283]. Таким образом, следует констатировать следующее разделение: в иерархиях, состоящих из великих держав, средних держав и малых государств, а также в отдельных случаях сверхдержав, речь идет о соотношении возможностей и характеристик государств друг с другом; в иерархиях, состоящих из великих держав, региональных держав, малых государств, а также сверхдержав, речь идет о внешнеполитических ориентирах

---

[275] Delgado-Caicedo J., Guzmán-Cárdenas J.A. Emerging Powers // Handbook of Regional Conflict Resolution Initiatives in the Global South / ed. J. Delgado-Caicedo. – L. and N.Y. : Routledge, 2023. – 373 p.
[276] Ibid., P. 17.
[277] Global Powers in the 21st Century: Strategies and Relation / Ed-s. A.T.J. Lennon, A. Kozlowski. – Cambridge, MA : MIT Press, 2008. – 456 p.
[278] Cooper A.F., Flemes D. Foreign policy strategies of emerging powers in a multipolar world : an introductory review // Third World Quarterly. – 2013. – Vol. 34. – No. 6. – P. 943–962.
[279] Emerging Powers in Global Governance : Lessons from the Heiligendamm Process / A.F. Cooper, A. Antkiewicz. – Waterloo : Wilfrid Laurier University Press, 2008. – 285 p.
[280] Delgado-Caicedo J., Guzmán-Cárdenas J.A. Emerging Powers. – P. 17.
[281] Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – P. 34.
[282] Huntington S.P. The lonely superpower // Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78. – No. 2. – P. 35–49.
[283] Delgado-Caicedo J., Guzmán-Cárdenas J.A. Emerging Powers. – P. 17.

отдельных государств — региональный или глобальный характер участия в мировой политике. Таким образом, это два разных подхода, а, следовательно, два термина, которые не могут быть использованы синонимично.

Одним из недостатков выделения региональных держав является рассмотрение внешнеполитических ориентиров государств. В первую очередь, существуют противоречия между провозглашаемой внешней политикой и реальным внешнеполитическим курсом, проводимым государством. Таким образом, становится непонятно, что должно служить критерием для выделения региональных держав — внешнеполитические документы или ключевые внешнеполитические события. Также возникает проблема соединения глобального и регионального курса, которое может осложнить определение места государства в международной иерархии.

Также важно отметить, что сложные иерархии усложняют классификацию стран, поэтому автором для проведения исследования выбрана иерархия из трех типов государств — великие державы, средние державы и малые государства. При этом региональные державы не используются в исследовании ни в качестве синонима, ни в качестве отдельной единицы исследования. Важно отметить, что так как исследование сконцентрировано на внешней политике держав среднего уровня, автор не выделяет в отдельную категорию сверхдержавы, так как это сместит фокус исследования на различия между сверхдержавами и великими державами.

Эволюция концепции державы среднего уровня

Впервые понятие державы среднего уровня обнаруживается в литературе в XVI в., когда его употребил секретарь архиепископа Милана, писатель Дж. Ботеро, определив державу среднего уровня («mediocro») как актор с достаточной силой и авторитетом для того, чтобы действовать поодиночке без помощи других акторов, но при этом не обладающий такой же

склонностью к борьбе за власть как великие державы[284]. С тех пор державы среднего уровня начали время от времени упоминаться в исследованиях международных отношений, тем не менее нельзя сказать, что термин приобрел популярность среди исследователей.

Вплоть до 30–40-х гг. XX в. державы среднего уровня трактовались исследователями в относительно реалистском ключе: так, в период формирования Европейского концерта в XIX в. понятие держав среднего уровня было одной из характеристик уровня влияния государств на международной арене[285]. В начале 1930-х гг. к концепции держав среднего уровня обратился Д. Митрани, который отметил недостаток двухакторного подхода к пониманию состояния международных отношений: понятие великих держав и малых государств не отражало текущие тенденции, так как среди относительно большой группы малых государств появляются государства посильнее, то есть можно говорить о существовании некоторой степени градации амбиций, активности и влияния в международных отношениях среди стран, не относящихся к великим державам[286]. Таким образом, можно сделать вывод, что с момента появления концепции в XVI в. и вплоть до работы Д. Митрани существовал закрепившийся подход к определению держав среднего уровня.

Новые подходы к толкованию и большую распространенность в исследованиях в сфере международных отношений концепция держав среднего уровня начала получать после окончания Второй мировой войны в середине 1940-х гг. благодаря политическим деятелям Канады и Австралии. Ввиду вклада в популяризацию держав среднего уровня многие исследователи даже приписывают авторство концепции премьер-министру Канады Макензи Кингу, который во время ранних этапов формирования ООН

---

[284] Wight M. Power Politics. – P. 298.
[285] Ibid., P. 63
[286] Mitrany D. The Progress of International Government. – L. : George Allen & Unwin Ltd., 1933. Cit. In Chapnick A. The Middle Power // Canadian Foreign Policy. – 1999. – Vol. 7. – No.2. – P. 73–82.

призывал державы среднего уровня сотрудничать друг с другом, чтобы закрепить свое влияние на международной арене, и впервые предложил концепцию, которую позднее стали называть «среднедержавностью» («middlepowermanship»)[287]. Одновременно с Кингом министр иностранных дел Австралии Г. Эватт также назвал Австралию средней державой, чтобы укрепить национальные интересы своей страны на международной арене[288]. После возникновения в дискурсе термин державы среднего уровня прочно закрепился во внешней политике обеих стран как описание положения и функции страны на международной арене[289]. Проникновение держав среднего уровня в официальный внешнеполитический дискурс подтолкнуло исследователей к изучению феномена такого рода государств, их функций, роли и отличительных черт, которые бы могли помочь определить другие державы среднего уровня.

Концептуальные подходы к определению державы среднего уровня

Распространение термина державы среднего уровня привело к его использованию не только реалистами, что способствовало появлению других определений в рамках различных подходов и, в результате, размыванию понятия. Проникновение держав среднего уровня в другие школы международных отношений привело к тому, что на данный момент общепринятое определение держав среднего уровня отсутствует. В качестве разработки концепции сформировалось четыре теоретических подхода к изучению держав среднего уровня: иерархический (позиционный или стратегическо-системный), поведенческий (бихевиористский),

---

[287] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 57–65. ; Zyla B. Middle-power internationalism in-between European ‘paradise’ and American ‘power’? Canada’s political role in an age of Trumpism and Brexit // Australian and New Zealand Journal of European Studies. – 2019. – Vol. 11. – No. 3. – P. 63–77.

[288] Ungerer C. The Middle Power Concept in Australian Foreign Policy // Australian Journal of Politics and History. – 2007. – Vol. 53. – No. 4. – P. 538–551. Cit. in Shin D. A Critical Review of the Concept of Middle Power // E-International Relations. 2015. URL: https://www.e-ir.info/2015/12/04/a-critical-review-of-the-concept-of-middle-power/ (Last accessed: 01.12.2022).

[289] Chapnick A. The Middle Power. – P. 74.

функциональный и риторический. Позднее частично на основе этих четырех теоретических подходов сформировались и другие исследовательские подходы.

Иерархический (позиционный, стратегическо-системный) подход к изучению держав среднего уровня сформировался одним из первых в исследованиях международных отношений.

В основе подхода находятся количественные исследования отдельных страновых показателей, преимущественно характеризующих материальные возможности государства (демографические, экономические, военные, географические, а также показатели развития). Единых показателей для определения места в международной иерархии в рамках данного подхода, несмотря на его популярность, не существует, каждый исследователь самостоятельно выбирает критерии для стратификации государств. Тем не менее, вне зависимости от выбора показателей страна получает название державы среднего уровня в том случае, если показатели оказываются «средними» (то есть, по мнению автора реализуемого исследования, недостаточно высокими или низкими).

Одним из основоположников подхода считается Д. Митрани, изучавший средние державы до создания ООН. Во время создания ООН канадский дипломат Л. Гелбер объяснил, что, согласно концепции иерархии, «Канада хотела убедиться в том, что средние державы обладали некоторыми специальными правами на непостоянные места в Совете Безопасности»[290]. Это был один из способов усиления влияния Канады, в его рамках предлагалось закрепить существующую иерархию, поместив в Совет Безопасности к постоянным членам (великим державам) державы среднего уровня на места непостоянных членов. Для других государств специальных прав не предполагалось.

[290] Gelber L. Canada’s New Stature // Foreign Affairs. – 01.01.1946. Cit. in Chapnick A. The Middle Power. – P. 77.

Подход продолжили использовать после создания ООН. Основными исследователями этого периода были Д. де Т. Глейзбрук[291], К. Холбрад[292], Б. Вуд[293] и Х. Ронг[294]. Каждый из исследователей формулировал определение на основе выделенных им показателей. Среди показателей периодически используется членство в международных организациях, например, в Организации Североатлантического договора (НАТО), но при условии, что эти державы не являются великими державами (Х. Ронг).

В доработанном виде подход широко используется в исследованиях аналитическими центрами. Австралийский аналитический центр Институт Лоуи, специализирующийся на азиатско-тихоокеанском регионе, ежегодно измеряет и публикует индекс уровня азиатских держав на основе иерархического подхода, измеряя «державность» стран этого региона в зависимости от восьми групп параметров и разделяя их на сверхдержавы, средние державы и малые государства[295],[296]. При этом он опирается не только на объективные характеристики, но и на экспертные суждения. Другим подобным проектом, не определяющим уровень державы, но позволяющим оценить влияние на мировой арене, является Индекс мирового присутствия Элкано, учитывающий три измерения — экономическое, военное и «мягкое» [297], [298]. Также реализуется проект Мирового индекса держав, основывающийся на трех индексах — индекс материальных возможностей, индекс полуматериальных возможностей и индекс нематериальных

---

[291] Glazebrook G.de T. The Middle Power in the United Nations System. – P. 307–315.
[292] Holbraad C. Middle Powers in International Politics.
[293] Wood B. The Middle Powers and the General Interest. – Ottawa : The North-South Institute, 1988. – 31 p.
[294] Granatstein J.L. Canadian Foreign Policy Since 1945 : Middle Power or Satellite? – P. 3. Cit. in Zyla B. Middle-power internationalism in-between European ‘paradise’ and American ‘power’? Canada’s political role in an age of Trumpism and Brexit. – P. 67.
[295] До 2020 г. выделялся еще пласт великих или крупных держав (major powers), который с 2021 г. упразднен в связи с усилением разрыва между государствами в регионе.
[296] Lowy Institute Asia Power Index 2024 Edition // Lowy Institute Asia Power Index 2024 Edition. 2024. URL: https://power.lowyinstitute.org/countries/ (Last accessed: 10.03.2024).
[297] Последнее измерение проводилось в 2021 г.
[298] Elcano Global Presence Index. Spain // Elcano Global Presence Index. 2021. URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/ (Last accessed: 10.03.2024).

возможностей. Этот индекс не предполагает разделения на типы держав, но может использоваться для него[299],[300].

Популярность иерархического подхода связана с рядом его *преимуществ*: в случаях, когда не применяются субъективные оценки, подход может применяться для реалистских исследований, основанных на реальном распределении сил, так как не учитывается сконструированный имидж государств, также может использоваться для проведения сравнения государств[301]. В рамках исследования, основанного на позиционном подходе к пониманию иерархии, этот способ вписывается в исследование фактом занятия разных позиций государствами.

Тем не менее у подхода в его классическом виде (при отсутствии применения субъективных оценок) есть и ряд *недостатков* для выполнения исследования в рамках позиционного подхода к иерархии. Во-первых, отсутствуют устоявшиеся критерии для определения позиции государства, что приводит к отнесению исследователями одного государства в разные категории, в зависимости от выбранных показателей. Во-вторых, некоторые показатели в долгосрочной перспективе нестабильны (например, ВВП), поэтому необходимо выбирать показатели в зависимости от временных рамок исследования и учитывать их в динамике[302]. В-третьих, в каждом регионе разный уровень развития, что делает невозможным проведение глобального исследования иерархии (так, в Европе выше ВВП, чем в Африке или Азии, однако, несмотря на низкий ВВП, страны могут оказывать влияние на международную повестку и считаться державами среднего уровня). Поэтому определение иерархии государств должно проводиться в разрезе региона или

[299] Последнее измерение проводилось в 2022 г.
[300] About World Power Index // World Power Index. URL: https://www.worldpowerindex.com/about-world-power-index/ (Last accessed: 03.01.2025).
[301] Thies C.G., Sari A.C. A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia's Place in the International System. – P. 399.
[302] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 178.

учитывать региональные особенности[303]. В-четвертых, классический вариант подхода об определении «среднего» места не предполагает методологию выделения держав (например, какой процент будет считаться пограничным). В-пятых, классический подход не учитывает социальную составляющую (социальное признание, статус).

В противовес иерархическому подходу был разработан *поведенческий* (бихевиористский) подход, основанный на изучении поведения державы на международной арене и набравший популярность в 1990-х гг. Фактически предпосылки этого подхода были заложены еще в середине XVIII в., в трудах А. де Мабли, где отмечалось, что в зависимости от позиции и отношений с доминирующими державами отличается поведение держав второго порядка (верхнего и нижнего эшелона). Фактически, А. де Мабли писал, что державы верхнего эшелона второго порядка должны были вести себя в соответствии с принципами поведения держав первого порядка, при этом имея возможность оказывать влияние на отношения между доминирующими государствами и возможность встать во главе мировой арены при снижении влияния держав первого порядка. Державы нижнего эшелона второго порядка не следовали принципам, установленным для держав первого порядка, могли воздействовать на мировую политику своими амбициями и жадностью и применяли для их осуществления любые инструменты[304].

Сам поведенческий подход, согласно Л. Беланжеру и Г. Мэйсу, сформировался ввиду отсутствия общепринятого определения державы среднего уровня, поэтому они определяют средние державы согласно их соответствию эталонному поведению других средних держав. Э. Купер, Р. Хиггот и К. Р. Носсал, считающиеся основоположникам этого подхода, характеризуют страну как державу среднего уровня при выполнении определенной, приписываемой такого типа державам, роли на международной

---

[303] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях : сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 1|1. – №3. – С. 25–40.

[304] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 16.

арене или в случае причисления себя к державам среднего уровня[305]. Под поведением держав среднего уровня часто подразумевается стремление к совместному решению международных проблем, выполнение функции «добропорядочного члена международного сообщества» (приверженность общепринятым правилам и ценностям, например, права человека, многосторонность, международное право[306]; незапятнанная репутация в сфере внешней политики [307]), поддержка многосторонних организаций, международного порядка или посредничество в разрешении споров и конфликтов.

Причем, как отмечает ряд исследователей (Ч. Эфстатопулос[308], Д.Р. Юд и Т.Х. Слегтер[309], Р.У. Кокс[310], Д.У. Холмс[311], Э. Линклейтер[312], Р.У. Мюррей[313], Р.М. Бэрингер[314]), поведение державы среднего уровня не всегда основано на альтруизме. Стремление вести себя как «добропорядочный член международного сообщества» может быть связано с ценностями и интересами конкретной страны или же являться сочетанием реалистического и идеалистического подходов, обозначающих, что страна находится между двумя «крайностями» международных отношений. Согласно Э.Ф. Куперу,

---

[305] Chapnick A. The Middle Power. – P. 75.
[306] Souter J. Good International Citizenship and Special Responsibilities to Protect Refugees // The British Journal of Politics and International Relations. – 2016. – Vol. 18. – No. 4. – P. 795–811.
[307] Thies C.G., Sari A.C. A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia's Place in the International System. – P. 400.
[308] Efstathopoulos C. Middle Powers and the Behavioural Model // Global Society. – 2018. – Vol. 32. – No 1. – P. 47–69.
[309] Youde J.R., Slagter T.H. Creating Good International Citizens: Middle Powers and Domestic Political Institutions // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. – 2013. – Vol. 36. – No. 52. – P. 123–133.
[310] Cox R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. – 1989. – Vol. 44. – No. 4. – P. 823–862.
[311] Holmes J.W. Most Safely in the Middle // International Journal. – 1984. – Vol. 39. – No. 2. – P. 366–388.
[312] Linklater A. What is a Good International Citizen // Ethics and Foreign Policy / ed. P. Keal. – Canberra : Australian National University, 1992. – P. 21–39.
[313] Murray R.W. Middlepowermanship and Canadian Grand Strategy in the 21st Century // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations ; South Orange. – 2013. – Vol. 14. – No. 2. – P. 89–99.
[314] Behringer R.M. The Dynamics of Middlepowermanship // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations ; South Orange. – 2013. – Vol. 14. – No. 2. – P. 9–22.

черты особого режима управления государством, присущего средним державам, — строительство коалиций и продвижение сотрудничества, предоставление предпринимательского лидерства, выступление в качестве катализатора и помощника.

Исследователи (А. Чепник, Р.М. Бэрингер и Р. Мюррей) разработали понятие «среднедержавности» («middlepowermanship») для обозначения присущих средним державам черт. Одна из главных черт «среднедержавности» — приверженность многосторонности, благодаря которой отсутствие достаточного количества возможностей к заключению сделки на двустороннем уровне становится преодолимым, а статус «добропорядочного члена международного сообщества» — достижимым. Благодаря «среднедержавности» у стран возникает возможность повысить свою легитимность, в том числе дипломатических действий. Таким образом, средние державы не способны эффективно действовать в одиночку[315].

Р.У. Кокс, К. Холбрад и Л. Ник[316] считают, что поведение средних держав связано с политическими представлениями великих держав или их стратегиями, которые определяют границы дозволенного и недозволенного для держав среднего уровня[317]. Как отмечает Э. Карр, Австралия как держава среднего уровня взяла на себя лидерскую роль в поддержке и продвижении либерального порядка под руководством США[318], поэтому можно говорить о том, что продвижение своей повестки благодаря нематериальным ресурсам — установленным и поддерживаемым связям — является особенностью внешнеполитического поведения средних держав[319].

---

[315] Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. – P. 295–296.
[316] Neack L. Searching for Middle Powers // Oxford Research Encyclopedias. 27.07.2017. URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.330 (Last accessed: 12.05.2024).
[317] Thies C.G., Sari A.C. A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia’s Place in the International System. – P. 401.
[318] Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. – P. 74.
[319] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях : сравнительный анализ концептуальных подходов. – С. 34.

Среди *достоинств* этого подхода можно отметить концентрацию исследователей на институтах, посредничестве и существующих связях, что позволяет изучить поведение державы в системе международных отношений, в том числе и вопросы восприятия приемлемого поведения и воздействия на державу в рамках социализации (без упоминания этого термина). Таким образом, поведенческий подход отмечает социальную природу иерархии и позволяет оценивать стратегии деятельности в рамках приемлемого для международного сообщества поведения. Другим достоинством можно учитывать возможность получения информации о самоидентичности государства. Ввиду исследования учеными преимущественно своих стран, например, австралийский ученый Э. Карр, исследовавший Австралию как среднюю державу, в литературе часто возникает вопрос предвзятости исследователя относительно места его государства на международной арене. Некоторые исследователи отмечают, что только эксперт по международным отношениям может определить истинное положение государства в иерархии[320], тем не менее, исследователи склонны скорее воспроизводить самоидентификационную риторику государства. В рамках данного исследования мнения исследователей о положении своих стран и риторике могут выступать в качестве подтверждения самоидентичности государства.

Среди *недостатков* данного подхода можно выделить предвзятость подхода. Выбранный паттерн поведения, характерный для державы среднего уровня, изначально выделен исходя из допущения, что одна из исследуемых стран является средней державой. Таким образом, не существует независимых переменных для определения держав среднего уровня. Также при изменении поведения исследователями не будут изучаться аномалии или выбор иной стратегии, а государство с девиантным поведением далее не будет считаться средней державой. Также стремление державы к участию в многосторонних институтах — слишком общий критерий, который можно отнести почти к

[320] Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. International hierarchy and functional differentiation of states : results of an expert survey. – P. 18.

любому государству[321], кроме стигматизированных членов международного сообщества. Некоторые авторы считают недостатком сведение поведения державы среднего уровня исключительно к трем ролям: катализатор (запуск дипломатических инициатив), помощник (формирование деятельности для сотрудничества) и управляющий (создание институтов) — а проблемы выживания, безопасности государства и возникновения конфликтов, традиционные для реалистического подхода, не рассматриваются[322].

Недостатки поведенческого подхода привели к попыткам его усовершенствовать: например, было предложено разделение средних держав в зависимости от их внешнеполитического поведения на традиционные и новые [323]. В усовершенствованном поведенческом подходе помимо поведенческих характеристик исследуются структурные особенности каждого государства. Было выявлено, что традиционные средние державы — стабильные развитые экономически демократии с эгалитарным устройством общества, низким уровнем влияния на региональные процессы и статусом-кво во внешней политике. Новые средние державы, наоборот, не являются устойчивыми демократиями (в них или сравнительно недавно установленная демократия, или другой политический режим), с выраженным общественным неравенством и приверженностью региональной интеграции во внешней политике [324]. По мнению исследователей, у новых средних держав есть перспектива изменить свое поведение и перейти в категорию традиционных средних держав [325]. Тем не менее, дополнительное разделение на традиционные и новые державы не содержит четкого определения понятия

---

[321] Chapnick A. The Middle Power. – P. 76.
[322] Shin D. A Critical Review of the Concept of Middle Power. – P. 1.
[323] Jordaan E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations : Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon. – 2003. – Vol. 30. – No. 2. – P. 165–181.
[324] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях : сравнительный анализ концептуальных подходов. – С. 32.
[325] Öniş Z., Kutlay M. The Dynamics of Emerging Middle-power Influence in Regional and Global Governance : the Paradoxical Case of Turkey // Australian Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 71. – No. 2. – P. 164–183.

держав среднего уровня, хотя и выделяет ряд независимых переменных. Более того, идея стремления традиционных держав среднего уровня к сохранению статуса-кво не соответствует действительности, если относить к ним Австралию и Южную Корею, так как они предпринимают попытки интеграции (формирование МИКТА).

Третий подход к исследованию держав среднего уровня — *функциональный* подход. Основным в подходе для причисления государства к средней державе выступает критерий увеличения силы и могущества, причем увеличение силы может оказаться временным и осуществляться с целью закрепить за государством новый статус.

Считается, что державы среднего уровня реализуют внешнюю политику в определенных областях, которые способствуют достижению их целей. Например, в эти области попадают те вопросы, которые игнорируются маленькими государствами и не управляются большими державами и в которых державы среднего уровня обладают достаточными знаниями[326].

Одним из ключевых исследователей, работающих в этом подходе, считают дипломата Х. Ронга. Согласно его исследованиям, сила Канады состоит из трех функциональных критериев: степени вовлеченности, интереса и способностей вносить свой вклад в конкретную проблему. Функциональный подход был внедрен премьер-министром Макензи Кингом в позднее развитую концепцию «среднедержавности»: государства с функциональными интересами должны быть вовлечены в международные отношения, так как они обладают большей важностью, чем не заинтересованные в международных отношениях государства. Согласно Л. Гелберу, подобно тому, как выделяют великие державы благодаря большему количеству функций, чем у других, также можно выделять и средние державы [327] . Б. Вуд соединил

[326] Cooper A.F., Higgot R.A., Nossal K.R. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. – P. 19.
[327] Gelber L. Canada’s New Stature. Cit. in Chapnick A. The Middle Power. – P. 74.

функциональные области и интересы держав, отметив, что средние державы доминируют в сферах, где наиболее ярко выражены их интересы[328].

Среди *достоинств* подхода исследователями выделяются конкретные сферы, в которых доминируют средние державы и которые представляют для них интерес, что отличает их от великих держав, способных доминировать в любой сфере вне зависимости от обстоятельств и интересов, и от малых государств, не способных оказывать влияние.

К *недостаткам* подхода относятся изменчивость силы функциональной средней державы в зависимости от ее относительных политических и экономических способностей. Такая изменчивость приводит к временному достижению уровня державы среднего уровня, который зависит от обстоятельств. Любая держава, не являющаяся великой, может в какой-то момент оказаться средней, но тогда отделить истинные средние державы от ложно средних держав не представляется возможным.

А. Чепник, Р. Кокс и К.Г. Тис выделяют четвертый подход — *риторический* (конструктивистский). Он концентрируется на идентичности каждого отдельного государства и отчасти вдохновлен риторикой внешней политики Канады и Австралии. Согласно подходу, положение государства на международной арене соответствует позиционированию этого государства его политическими деятелями[329]. Поэтому считать державой среднего уровня можно те государства, лидеры которых конструируют идентичность или роль государств сообразно средней державе[330]. Такое обоснование позиции государства во внешней политике мотивировано исключительно национальными интересами этого государства[331].

Существенное *преимущество* конструктивистского подхода заключается в отсутствии необходимости вырабатывать определение державы

---

[328] Wood B. The Middle Powers and the General Interest. – P. 4.
[329] Thies C.G., Sari A.C. A Role Theory Approach to Middle Powers : Making Sense of Indonesia's Place in the International System. – P. 401.
[330] Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. – P. 71.
[331] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях : сравнительный анализ концептуальных подходов. – С. 35.

среднего уровня, так как в соответствии с логикой подхода любая держава, конструирующая свой образ как средняя держава, таковой и является. Однако ввиду отсутствия единого подхода к иерархии, отсутствия единого понятия иерархии, государство может использовать в своих официальных документах любой термин [332], который может находиться за рамками принятых в исследовании великих, средних держав и малых государств. При применении подхода в текущей формулировке все государства с иной риторикой будут исключены из исследования. Другим *недостатком* подхода является отказ от учета социального признания, потому что помимо сконструированной самостоятельно идентичности она должна быть таковой для других государств. Таким образом, подход не описывает, в какой ситуации реальная риторика державы воспринимается иными акторами как соответствующая их восприятию действительности и общему восприятию мирового сообщества.

Ряд исследователей использует *географический* подход[333]. Центральным аспектом подхода является географическое положение державы среднего уровня: предполагается, что она располагается между великими державами в качестве буферной зоны [334]. На данный момент для большинства исследователей географическое положение является одной из ключевых характеристик иерархического подхода, поэтому ввиду ограниченности исключительно географическими характеристиками представляется целесообразным не использовать географический подход в отрыве от других характеристик.

В связи с недостатками каждого из подходов современные исследователи разрабатывают собственный подход к определению средней державы. Преимущественно это осуществляется путем строительства определения из выбранного основного подхода с определенными дополнениями. Например, статистический подход для определения держав среднего уровня Дж. Пинга

---

[332] Robertson J. Middle-power definitions: confusion reigns supreme // Australian Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 71. – No. 4. – P. 355–370.
[333] Ibid., P. 358.
[334] Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – P. 23.

основан на иерархическом подходе[335], а системный подход Э. Карра основан на изучении влияния каждой конкретной державы на международные отношения и результата деятельности державы в выбранных сферах мировой политики, где средней державой является государство, способное защищать свои ключевые интересы или возглавлять изменения по выбранным аспектам существующего мирового порядка[336].

Иногда исследователи комбинируют вышеперечисленные традиционные подходы или отдельные их элементы. Так, К.Г. Тис и А. Сари разработали *ролевой* подход, основанный на конструктивистском и поведенческом подходах. Согласно этому подходу, держава среднего уровня — это статус, который характеризуется разными дополнительными ролями: поддержка многосторонних действий и существующего международного порядка, позиционирование в качестве «добропорядочного члена международного сообщества» (миротворчество, посредничество и сотрудничество в создании региональной подсистемы). Подход учитывает международное признание этого государства в качестве державы среднего уровня как один из критериев: считается, что статус может быть приписан другими государствами. Роли, присущие статусу, бывают активными (осуществляемыми в настоящий момент) и латентными (возможными для осуществления когда-либо в будущем). Надо отметить, что средние державы концентрируются не только на своем регионе, но и пытаются оказывать влияние на мировой арене[337]. Важно, что поддержка существующего международного порядка присуща, в соответствии с позиционным подходом к иерархии, всем государствам, получающим международное признание, в том числе и малым, так как является одним из результатов социализации. Поэтому эту роль предлагается не считать важной

---

[335] Ping J. Middle Power Statecraft : Indonesia, Malaysia, and the Asia Pacific. – Aldershot : Ashgate, 2005. – 270 p.
[336] Carr A. Is Australia a middle power? A systemic impact approach. – P. 79.
[337] Thies C.G., Sari A.C. A Role Theory Approach to Middle Powers : Making Sense of Indonesia's Place in the International System. – P. 402–404.

ролью державы среднего уровня, так как она не зависит от статуса, а скорее от получения международного признания.

Другой комбинированный подход, предложенный Э. Парлар Дал и А.М. Куршуном[338], заключается в объединении трех подходов: иерархического, поведенческого и конструктивистского. Согласно такому подходу, державы среднего уровня изучаются в контексте каждого подхода с точки зрения трех основных элементов — целей, средств и влияния. Таким образом, авторы выявляют, например, цели сразу через три подхода.

Есть исследователи, которые отвергают все существующие подходы и их элементы к определению держав среднего уровня. Например, А. Пэйшнс делит средние державы на три типа: «Европейский концерт», «региональная» и «неокантистская»[339]. С. Ким считает средние державы узлом дипломатических связей[340].

В связи с существованием множества разных подходов возникает необходимость в определении подхода для исследований держав среднего уровня внутри иерархии государств. Так как к иерархии выбран позиционный подход, а системный подход представлен именно в его реляционном преломлении, то необходимо, чтобы подход к определению державы среднего уровня учитывал и вопрос существования других видов держав, и вопрос статуса, и связанного со статусом международного признания и факторов социализации.

В целом, в соответствии с ролевым подходом и отчасти иерархическим можно прийти к следующему определению средней державы:

> ***Держава среднего уровня*** *— это статус, присвоенный государству им самим и международным сообществом в связи с достаточными материальными возможностями для реализации*

---

[338] Parlar Dal E., Kurşun A.M. Assessing Turkey's middle power foreign policy in MIKTA : Goals, means, and impact // International Journal. – 2016. – Vol. 71. – No. 4. – P. 608–629.
[339] Patience A. Imagining Middle Powers // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol. 68. – No. 2. – P. 210–224.
[340] Kim S. Critical Understanding of the Concept of Smart Power : A perspective of Middle-Power's Network Power // Kukje Jeongchi Nonchong. – 2009. – Vol. 49. – No. 4. – P. 7–33.

дополнительных ролей, конструируемых в текущей системе международных отношений как роли держав такого уровня. К таким ролям относят поддержку многосторонних действий ввиду неспособности действовать в одиночку, стремление влиять на глобальную повестку, применение материальных возможностей для позиционирования себя в качестве «добропорядочного члена международного сообщества» и стимулирования социального признания значимости государства на международной арене.

§ 1.2. Гуманитарная дипломатия: содержание понятия

В XXI в. на передний план в международных отношениях вышла гуманитарная повестка. Отчасти этот процесс начался еще в XX в., когда гуманитарные вопросы стали неотъемлемой частью Хельсинкских соглашений – так называемой «гуманитарной корзины». Активизации гуманитарного измерения способствуют разные факторы — глобализация, усиление человеческого фактора в мировой политике, появление новых вызовов в связи с активизацией кризисов в проблемных зонах (крайняя нищета, голод, массовые болезни, конфликты, вооруженные противостояния, неконтролируемая миграция, преступления против человечности, нарушение прав человека, вынужденное переселение и беженство), изменение уклада глобальной экономики. Преимущественно эти проблемы сконцентрированы в странах Глобального Юга [341] . От государств требуется совместная деятельность для преодоления возникающих проблем, в том числе и в гуманитарной сфере. Активизация государств и иных акторов в гуманитарной сфере приводит к повышению внимания международного академического сообщества к этой проблеме, возникают новые термины, описывающие современную мирополитическую ситуацию, в том числе термин

[341] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 95.

«гуманитарная дипломатия», который используется рядом исследователей в научных работах. Однако ввиду формирования термина в разных частях академического сообщества и многозначности слов «гуманитарный» и «дипломатия» для данного термина не сложилось единого определения. Так, Ф. Ренье насчитал 89 определений понятия[342]. Более того, на данный момент возникают противоречия относительно субъектов, осуществляющих гуманитарную дипломатию в мировой политике.

Концептуальные подходы к осмыслению гуманитарного

Академическая литература демонстрирует разделившиеся мнения исследователей по вопросу определения гуманитарной деятельности. В западных публикациях отмечается более узкий подход к определению гуманитарного — «человекоцентричный» подход, который подразумевает изучение вопросов прав человека, обеспечения достойной и безопасной жизни, защита ценности жизни человека[343]. Таким образом, А. де Лаури отмечается связь с гуманитаризмом, определяющимся как «борьба за людей и помощь нуждающимся»[344]. Длительное время гуманитарная деятельность изучалась в преломлении деятельности неправительственных организаций, которые определили содержание гуманитарной деятельности семью принципами: гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство и универсальность [345] , однако впоследствии

[342] Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy : identification of a community of practice and prospects for international recognition. – P. 1213.
[343] Кузнецов Д.А. Гуманитарная дипломатия: теоретические и практические подходы // Практика современной гуманитарной дипломатии / под ред. Д.А. Кузнецова. – М. : Эдитус, 2022. – С. 8–20.
[344] De Lauri A. Humanitarian Diplomacy : Research Agenda // CMI Brief. – 2018. – No. 4. – P. 1-4. ; Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 94.
[345] Egeland J. Humanitarian Diplomacy // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / Eds. A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. – Oxford : OUP Oxford, 2013. – P. 352–368.

дискуссии относительно ядра продолжились, и начали отмечать политизацию гуманитаризма[346].

В отечественных публикациях понятие гуманитарного расширено: от «связанного с социально-экономической сферой»[347] до спектра культурных, образовательных, научных, спортивных и иных связей между государствами и обществами[348]. Однако в последние годы авторы отечественных исследований, например, К.М. Табаринцева-Романова, начали также различать понятия гуманитарного и социально-гуманитарного[349].

Отчасти это может быть связано с тем, что исследователи стали замечать, что при рассмотрении гуманитарной деятельности государства возникает дублирование двух используемых понятий: мягкая сила и гуманитарная деятельность (сотрудничество). Таким образом, получается, что гуманитарная деятельность в какой-то степени выступает синонимом мягкой силы. В словосочетании гуманитарное сотрудничество больше аспекта сотрудничества, чем в мягкой силе, тем не менее, разграничение двух понятий может представляться затруднительным. Мягкая сила как определение устоялось в политической науке, в связи с чем представляется нецелесообразным менять термин на гуманитарное сотрудничество или гуманитарную деятельность, так как это может привнести трудности в академическую коммуникацию специалистов. Также важно в рамках исследования учитывать, что правила игры в иерархии формируются лидирующими государствами, которые являются преимущественно западными, тогда как все «незападные» государства могут или перенимать это определение, или распространять свой подход, противостоящий западной конструкции. В связи с этим, в качестве

---

[346] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 101.

[347] Великая А.А. Международное гуманитарное сотрудничество : политические аспекты отечественных и западных подходов // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 3 (24). – С. 63–72.

[348] Кузнецов Д.А. Гуманитарная дипломатия: теоретические и практические подходы. – С. 9.

[349] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 95.

наполнения гуманитарной деятельности или гуманитарного сотрудничества предлагается учитывать западный подход, т. е. ограничивать гуманитарную деятельность т. н. «гуманитаризмом». В случае пересмотра понимания гуманитарного исследуемыми акторами это будет показателем более активных стратегий по борьбе с установленными правилами внутри иерархии. Эту идею отчасти подтверждают современные отечественные академические исследования: множество исследователей, применяющих в своих исследованиях западный подход, (О.Н. Богатырева, Д.М. Ковба, К.М. Табаринцева-Романова [350] , Е.С. Громогласова [351]) при попытках определения сущности гуманитарной дипломатии и сопоставления ее с мягкой силой приходят к выводу, что гуманитарная дипломатия является одним из видов мягкой силы.

Такое решение как ограничение гуманитарной деятельности до гуманитаризма имеет свои недостатки. Во-первых, это связано с политизацией понятия, что привело к утрате классических характеристик гуманитаризма. Если изначально гуманитаризм существовал как противоположный политике тренд ввиду противоречия его принципов характеристикам политики и его задачей было смягчение последствий (например, снижение жертв и сохранение жизней), то после трансформации в конце 1980-х гг. появилась идея искоренения причин конфликтов, ведущих к угрозам человеческим жизням. Гуманитаризм подвергся политизации: государства начали участвовать в гуманитарных акциях и установили контакт с гуманитарными организациями, потерявшими свою нейтральность. С целью получения оценки гуманитарных действий как легитимных и эффективных организации реформировали свою институциональную структуру: внедрили четкую корпоративную культуру, создали внутренние документы и руководства к действию. С политизацией в 1990-х гг. гуманитаризм изменился: увеличилось

---

[350] Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт. – С. 19.

[351] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования. – С. 42.

число доноров, регуляторов и получателей, от получателей потребовались отчеты, само явление стало более профессиональным, стало инструментом развития государств, а не только получения помощи. М. Барнетт связывает эти изменения с трансформацией мирового порядка[352]. Изучая вопросы помощи развитию, которую можно считать частью гуманитарной деятельности, М.В. Ларионова подчеркивает, что стимулом политизации помощи развитию был долговой кризис 1980-х гг., в рамках которого странам-реципиентам начали навязываться политические условия, и появился принцип экономически обусловленной помощи, а в 1990-м г. стимулом к секьюритизации развития стали новые глобальные вызовы безопасности, которые в результате привели к появлению политически обусловленной помощи [353] . Таким образом, гуманитарная деятельность фактически используется для продвижения внутренних интересов субъекта, осуществляющего подобную деятельность.

Академические дискуссии начали затрагивать более сложные гуманитарные концепции, например, гуманитарные интервенции, вопросы обязанности вмешаться (duty to interfere)[354].

Концептуальные подходы к гуманитарной дипломатии

Дипломатия, как и гуманитаризм, также трансформировалась. С созданием национальных государств в XVIII–XX вв. дипломатия как явление популяризировалась. Ее основные принципы закрепила Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. К традиционным функциям дипломатии в ее классическом понимании относят представление государства на международной арене, защиту и продвижение интересов граждан государства;

---

[352] Barnett M. Humanitarianism Transformed // Perspectives on Politics. – 2005. – Vol. 3. –No. 4. – P. 723–740.

[353] Ларионова М.В. Десятилетия развития ООН (1961–2000 гг.): эволюция систем оценки в контексте теорий развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – №1. – С. 170–183.

[354] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 101–102.

сбор информации, ее анализ и передачу стране; поощрение торговых и политических отношений и заключение соглашений и договоров.

Перестройка мирового порядка после окончания Холодной войны привела к трансформации дипломатии как явления. Во-первых, на фоне увеличения числа действующих акторов и усложнения вызовов дипломатия от преимущественно двустороннего взаимодействия перешла к активному многостороннему формату. Во-вторых, усиление негосударственных акторов привело к их вовлечению в процесс дипломатии: в государстве помимо привлечения других министерств и ведомств помимо министерства иностранных дел к дипломатии начали подключаться бизнес-структуры и структуры гражданского общества; на международной арене к дипломатии стали привлекаться другие институты, например, международные правительственные и неправительственные организации (НПО)[355]. В-третьих, увеличение акторов и способов взаимодействия привело к расширению функций дипломатии: возникла неформальная «дипломатия второго трека», в которой задействованы религиозные и общественные деятели, бизнесмены, члены неправительственных организаций, академики, парламентарии. Появились и встречи «дипломатии полуторного трека»: взаимодействие государственных деятелей с негосударственными деятелями из «дипломатии второго трека»[356]. В-четвертых, возникли новые формы дипломатии, например, экономическая дипломатия, культурная дипломатия, оборонная дипломатия и гуманитарная дипломатия[357].

Считается, что впервые термин гуманитарная дипломатия возник в начале XX в. благодаря американскому дипломату и политику О. Штраусу, однако как отдельное явление гуманитарная дипломатия возникла уже в XXI в. в академической литературе благодаря монографии Л. Минеара и Х. Смит. В

---

[355] Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики : тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3 (28). – С. 38–42.

[356] Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community practice and prospects for international recognition. – P. 1213–1215.

[357] Cooper A.F. The Changing Nature of Diplomacy // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / Ed-s. A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. – Oxford : OUP Oxford, 2013. – P. 35–53.

отечественных исследованиях вопросом концептуализации понятия, связки гуманитарного и дипломатии занималась Е.С. Громогласова [358] . За такой короткий срок не сформировалось единого подхода к определению, более того, сложившиеся группы определений являются взаимоисключающими несмотря на общее видение гуманитаризма, так как применяют концепцию к разным видам акторов и разным действиям этих акторов. Во многом, это связано с возникшей в результате глобализации интерсубъективной природой гуманитарной дипломатии, где субъектами выступают разные типы акторов — государства, доноры, население, персонал неправительственных организаций[359].

Первую группу определений можно было бы назвать традиционным, или классическим, подходом, так как он использует классические подходы к пониманию гуманитарного (гуманитаризма) и дипломатии (в прямом значении как ведение переговоров). Под гуманитарной дипломатией понимаются «действия по убеждению лиц, принимающих решения, и лидеров действовать в любое время и при любых обстоятельствах в интересах уязвимых людей и при полном уважении фундаментальных гуманитарных принципов»[360]. Эти вопросы могут касаться присутствия гуманитарных организаций, доступа к гражданскому населению, нуждающемуся в защите, получения официального пространства для функционирования гуманитарной организации, соблюдения международного гуманитарного права. Сюда относится и «дипломатия второго трека». Преимущественно с таким типом гуманитарной дипломатии работают представители ведущих НПО, в частности, Международного комитета Красного креста.

---

[358] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 94.

[359] Turunen S. Humanitarian Diplomatic Practices. – P. 466.

[360] IFRC. Humanitarian Diplomacy Policy // IFRC. 20.07.2017. URL: https://www.ifrc.org/sites/default/files/Humanitarian-Diplomacy-Policy_EN.pdf (accessed 13.09.2022) ; Haroff-Tavel M. The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross // Relations Internationales. – 2005. – No. 121. – P. 72–89.

Вторую группу определений составляют исследования, в которых гуманитарную дипломатию представляют как оппозицию традиционной дипломатии. У традиционной и гуманитарной дипломатии Л. Минеар[361] и Х. Смит[362] определяют общие и различные черты двух понятий. Гуманитарная дипломатия переняла из традиционной дипломатии сбор и анализ информации, схожий подход к переговорному процессу, статус иммунитета, координацию действий. В гуманитарной дипломатии субъектом являются преимущественно работники гуманитарных организаций, а также в отличии от традиционной дипломатии существуют ограничения деятельности (например, нехватка ресурсов, недостаточные послабления визового режима), готовность к рискам и признанию своих ошибок.

Третья группа определений связана с первой группой, но гуманитарная дипломатия является частью гуманитарной мировой системы и имеет большее число функций, включая «увеличение поддержки операций и программ и создание партнерских союзов для достижения гуманитарных целей»[363]. Элемент переговоров не является центральным в данном подходе.

В группе встречаются разные определения в зависимости от уровня и типа гуманитарной дипломатии. Согласно Ф. Ренье, существует три уровня гуманитарной дипломатии: международный (состоящий из международных организаций, крупных гуманитарных международных НПО, действующих на этом уровне национальных институтов по содействию развитию), национальный (правительства и полугосударственные институты), локальный[364]. Д.М. Ковба пишет о глобальном, региональном и национальном уровнях[365]. Существуют также разработки, уточняющие локальный уровень: так, среди трех уровней гуманитарной дипломатии О.Н. Богатыревой, Д.М. Ковба и К.М. Табаринцевой-Романовой выделяются официальный

[361] Minear L. The craft of humanitarian diplomacy. – P. 8–25.
[362] Smith H. Humanitarian diplomacy: Theory and practice. – P. 50–59.
[363] Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community practice and prospects for international recognition. – P. 1217–1218.
[364] Ibid., P. 1219–1221.
[365] Ковба Д.М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы. – С. 138.

государственный, субнациональный и негосударственный[366]. В соответствии с разными уровнями и идеей об интерсубъективной природе гуманитарной дипломатии получается, что на каждом уровне акторы могут иметь различную специфику и особый подход к реализации целей. Таким образом выбор рабочего определения должен осуществляться в соответствии с целями исследования, уровнем реализации и главными исследуемыми акторами. Так как исследование посвящено гуманитарной дипломатии держав среднего уровня, то необходимо остановиться на гуманитарной дипломатии государств, которую неуместно ограничивать исключительно действиями правительства и национальных агентств по содействию развитию, но и необходимо учитывать деятельность полугосударственных институтов.

Гуманитарная дипломатия государств — это собирательное понятие, так как среди государств не сформировано единого подхода к деятельности[367], однако предпринимаются попытки сформулировать общее определение.

Наибольшие различия касаются причины осуществления гуманитарной деятельности. Один из подходов считает, что гуманитарная дипломатия применяется для решения гуманитарных вызовов, повлекших за собой кризис и требующих реакции со стороны государства. Так, Е.С. Громогласова[368], С.С. Ипполитов[369], Э. Руссо и А.С. Пенде[370] дают гуманитарной дипломатии характеристику «ненасильственной составляющей внешней политики, направленной на обеспечение безопасности и благополучия человека как биологической и социальной формы жизни». Некоторые авторы отмечают позитивное влияние гуманитарной дипломатии на имидж и престиж

---

[366] Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт. – С. 6.

[367] Urcan C. The Changing Nature of Diplomacy: Rising Powers' Humanitarian Diplomacy Practices. – P. 245.

[368] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования. – С. 6.

[369] Ипполитов С.С. Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции. – С. 40.

[370] Rousseau E., Pende A.S. Humanitarian Diplomacy // Global Diplomacy : An Introduction to Theory and Practice / ed-s. T. Balzacq, F. Charillon, F. Ramel. – Cham : Palgrave Macmillan Cham, 2020. – 344 p.

государства[371]. В другом подходе, к авторам которого относится, например, Дж. Урджан, гуманитарная дипломатия рассматривается как инструмент внешнеполитической деятельности государства, применяемый по разным причинам помимо гуманистического порыва[372]. Разнообразие целей для реализации гуманитарной дипломатии также отмечает К.М. Табаринцева-Романова по итогам круглого стола, в соответствии с которыми существует три модуса — перцептивный (положительное восприятие страны на международном уровне), эмоциональный (помощь слоям населения) и логико-семантический (реализация и защита прав человека)[373]. У Х. О'Хаган гуманитарная дипломатия выполняет роль инструмента для выражения международного сочувствия и солидарности, способствующего укреплению международной репутации государства и построению доверительных союзнических отношений для продвижения национальных интересов[374]. Данное определение представляется наиболее информативным в рамках выбранного подхода к определению державы среднего уровня, так как позволяет учитывать вопросы международного признания статуса государства в качестве одной из целей гуманитарной дипломатии. Важным дополнением к нему является необходимость учитывать вклад гуманитарной дипломатии в обеспечение национальной, региональной и международной безопасности. В соответствии с этим определение понятие выглядит следующим образом:

> ***Гуманитарная дипломатия*** *— это инструмент внешней политики государства, позволяющий выразить международное сочувствие и солидарность, способствующий укреплению международного статуса государства и построению доверительных союзнических*

---

[371] Великая А.А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве. – С. 239. ; Шевченко Н.В. Гуманитарная дипломатия России в отношении стран Восточной Азии. – С. 236–237.

[372] Urcan C. The Changing Nature of Diplomacy: Rising Powers' Humanitarian Diplomacy Practices. – P. 245.

[373] Табаринцева-Романова К.М. Итоги — рекомендации круглого стола «Гуманитарная дипломатия и права человека : теория и практика».

[374] O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy. – P. 658, 662.

отношений для продвижения национальных интересов и укрепления международного признания, а также содействующий в обеспечении национальной, региональной и международной безопасности. В общем смысле под гуманитарной дипломатией подразумеваются гуманитарная помощь государства в чрезвычайных ситуациях и помощь в содействии развитию.

В отечественных академических кругах принято синонимичное использование трех понятий — «гуманитарная дипломатия», «социально-гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная политика». Однако в последние несколько лет эти понятия начинают разделять. Так, социально-гуманитарное сотрудничество содержит в себе все виды международного взаимодействия по вопросам «низкой политики» (культурное, молодежное, академическое, спортивное, музейное сотрудничество и др.)[375]. Гуманитарная политика — направление внешней политики государства по реализации социально-гуманитарных задач (например, формирования благоприятного имиджа), которое представляется как одна из неотъемлемых ее частей[376]. В этой работе подчеркивается важность гуманитарной дипломатии как инструмента для реализации национальных интересов, а не только социально-гуманитарных задач и укрепления имиджа.

Важно отметить, что выработанное выше определение является общим для исследования гуманитарной дипломатии государств. Так как сейчас академические исследователи отмечают два разных подхода к решению гуманитарных проблем: объектную и субъектную, — подход стран Глобального Севера и стран Глобального Юга различается. Ввиду того, что страны Глобального Севера в большинстве своем являются акторами, осуществляющими международное признание статуса государства, их

---

[375] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны Глобального Юга: тенденции и дискурсы. – С. 95.

[376] Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. ; Великая А.А., Самедов С. Гуманитарная политика Советского Союза // Обозреватель-Observer. – 2020. – № 4 (363). – С. 56–66.

гуманитарная дипломатия и подход являются важным пунктом для исследования стратегий держав среднего уровня.

В каждом отдельном страновом случае будут встречаться те или иные расхождения с принятым определением в связи с разнообразием национальных подходов к гуманитарной дипломатии, в том числе и в сферах, которые государства относят к гуманитарной дипломатии.

В связи с этим предлагается следующая модель исследования гуманитарной дипломатии держав среднего уровня и ее места во внешней политике государства (см. Таблица 1).

Таблица 1 — Модель изучения гуманитарной дипломатии

Критерий для изучения ГД	**Потенциальное различие**	**Пояснение значимости для модели**
Принципы осуществления ГД	Не приводится	Учитывает принципы регулирования ГД и способы организации взаимодействия
Подход к определению ГД	• Объектная стратегия; • Субъектная стратегия • Узкий подход; • Широкий подход • Преимущественно реципиент; • Преимущественно донор; • Дуальный характер	Определяет специфику взаимодействия с партнерами по гуманитарной дипломатии, тип деятельности и характер мероприятий, а также инструментальное значение ГД в соответствии с актуальной внешнеполитической доктриной
Институционально-правовое оформление ГД	• Наличие законодательной базы; • Существование стратегии или программы; • Закрепление на уровне конституции; • Раздел во внешнеполитическом документе; • Существование институтов, подчиненных министерствам; • Отделы министерств, занимающиеся ГД	Характеризует степень зарегулированности политики, гибкости подхода, важности и институциональную свободу ГД
Тематические направления ГД	Не приводится	Показывает вид проектов ГД

Критерий для изучения ГД	Потенциальное различие	Пояснение значимости для модели
Географическая ориентация ГД	• Региональный характер • Глобальный характер	Показывает степень влияния ГД
Готовность к многостороннему сотрудничеству, участие в миротворческих операциях и членство в международных организациях развития	Не приводится	Показывает готовность к многостороннему действию для решения глобальных вызовов и проблем, вовлеченность в мировую гуманитарную повестку и готовность к взаимодействию со странами Севера
Основные конкуренты в сферах влияния	Не приводится	Показывает соперничество в выбранных регионах

Источник: составлено автором

§ 1.3. Державы среднего уровня: выбор кейсов

Сложным является вопрос определения государств, обладающих статусом державы среднего уровня, для изучения гуманитарной дипломатии государства. Для его решения может применяться метод бенчмаркинга, связанный с иерархическим методом определения средних держав.

Бенчмаркинг — это использование оценочных техник (например, индикаторов, индексов и ранжированных списков), то есть применение существующих оценок государств. В классическом подходе считается, что бенчмаркинг является независимым и объективным методом исследования, поэтому не может подходить для исследования такого социального явления, связанного с общественным признанием, как статус, так как он учитывает только материальные возможности конкретной державы. Тем не менее, этот вывод не соответствует действительности. На самом деле, бенчмаркинг является социальным инструментом, используется для перераспределения статуса среди акторов, стимулирования государств к поиску статуса и установления определенных норм[377]. Как следствие, бенчмаркинг как процесс

[377] Clegg L. Our Dream is a World Full of Poverty Indicators : The US, the World Bank, and the Power of Numbers // New Political Economy. – 2010. – Vol. 15. – No. 4. – P. 473–492. ; Kramarz T., Momani B. The World Bank as Knowledge Bank : Analyzing the Limits of a

не является объективным отражением реальности, воспринимаемой исследователями как истинные материальные возможности государств, наоборот, отсутствие качественной и достоверной информации приводит к репродукции существующей международной иерархии, основанной на социальном признании материальных возможностей [378], и предполагает упрощение реальности[379]. Также бенчмаркинг преимущественно основан на западных практиках управления и применяет показатели для оценки, характеризующие западные ценности (например, свобода прессы, процветание государства, коррупция)[380].

Таким образом, обращение к индексам, используемым в зарубежных источниках, приведет не к определению истинно материальных возможностей каждого государства, а покажет именно социально признаваемый статус каждого из государств, что и оказывает фактическое влияние на их последующее поведение.

В качестве индексов для выбора кейсов предлагается применять в доступной динамике: мировой индекс держав[381] с опорой на индекс держав Института Лоуи [382]. Мировой индекс держав не содержит данные о 7 государствах (Андорра, КНДР, Лихтенштейн, Монако, Науру, Сан-Марино, Тувалу), но содержит данные о Палестинской автономии: таким образом, есть данные о 186 государствах ООН, тем не менее отсутствие указанных семи

Legitimate Global Knowledge Actor // Review of Policy Research. – 2013. – Vol. 30. – No. 4. – P. 409–431. ; Bruno I. The “Indefinite Discipline” of Competitiveness Benchmarking as a Neoliberal Technology of Government // Minerva. – 2009. – Vol. 47. – P. 261–280. ; Kelley J.G., Simmons B.A.. Politics by Number : Indicators as Social Pressure in International Relations // American Journal of Political Science. – 2015. – Vol. 59. – No. 1. – P. 55–70. ; Porter T. Global benchmarking networks : the cases of disaster risk reduction and supply chains // Review of International Studies. – 2015. – Vol. 41. – No. 5. – P. 865–886.

[378] Broome A., Quirk J. Governing the world at a distance : The practice of global benchmarking // Review of International Studies. – 2015. – No. 41. – P. 819–841.

[379] Ibid., P. 827, 840.

[380] Kelley J.G., Simmons B.A. Politics by Number : Indicators as Social Pressure in International Relations. – P. 56, 59. ; Broome A., Homolar A., Kranke M. Bad science: International organizations and the indirect power of global benchmarking // European Journal of International Relations. – 2017. – Vol. 24. – No. 3. – P. 514–539.

[381] About World Power Index.

[382] Lowy Institute Asia Power Index 2024 Edition.

государств не несет серьезного ограничения для исследования, так как эти государства относятся к категории малых государств и не влияют на определение искомых средних держав.

В качестве отправной точки для определения держав среднего уровня предлагается применять количественную оценку по мировому индексу держав. В соответствии с мнением ряда исследователей великие державы должны обладать более 10% возможностей мировой системы, поэтому их индекс должен быть сравнительно высоким, в отличие от других держав и государств. Мировой индекс держав не содержит аналогичных индексу держав Института Лоуи референтных значений великих и средних держав. Также различия между значениями не являются очевидными, чтобы говорить о естественном разделении на великие и средние державы и предоставить четкие параметры для отделения этих групп от малых государств. Таким образом, требуется искусственное разделение по количеству держав, являющихся великими и средними.

Как было отмечено, подтверждением статуса являются статусные маркеры, к которым относятся приглашения на саммиты, государственные визиты, а также к которым можно отнести членство в определенном статусном сообществе. При этом статусное сообщество занимается тем, что государства в нем определяют общую позицию в соответствии с коллективными убеждениями. Присвоение государству статуса может выражаться путем приглашения стать частью статусного сообщества в связи с усилением положения государства на международной арене. Примером сообществ государств с особым статусом и наделенных особыми правами является постоянное членство в Совете Безопасности ООН (СБ ООН), где у государств с данным статусом есть право вето и фактически формирования общей повестки по коллективным вопросам. Членство в СБ ООН не является гибким и закрепляет определенное положение стран в иерархии. Таким образом, можно говорить о том, что постоянное членство в СБ ООН является статусным маркером признаваемых международной иерархией великих держав (как

минимум, на момент 1991 г., когда произошло последнее изменение постоянных членов СБ ООН путем получения места Россией по праву преемственности после СССР). Однако помимо постоянных членов СБ ООН существуют другие сообщества стран, объединенные стремлением выработать общую позицию по коллективным вопросам.

К таким сообществам относится частная неформальная группа влиятельных государств[383] — «Группа семи» (G7), участие в которой является элитным и которая вовлекается в международные вопросы гораздо больше, чем другие группы [384] . Отличительными чертами группы являются самопровозглашенная ответственность за управление международными вопросами (не только экономическими, как было при создании группы, но и политическими), необходимость выработки скоординированной позиции. При этом принадлежность к группе определяется общими ценностями (все страны являются либеральными демократиями) и правилами, а нарушение правил приводит к исключению[385]. Все страны, не разделяющие ценности группы, не являются ее частью, причем некоторые из них воспринимаются в качестве системных врагов или оппонентов. В группе предусмотрена возможность приглашения в качестве гостей государств, которые, несмотря на приглашение, не являются потенциальными участниками[386]. Такое позиционирование себя в качестве обособленной элитной группы, поддерживающей существующую установленную международную систему, определяющей совместную

---

[383] Albert M., Koch M. Comparing Power in the G7 and the G20 // European Review of International Studies. – 2024. – Vol. 11. – No. 1. – P. 67–94.

[384] Ahrens B. The European Union Between Solidarist Change and Pluralist Re-enactment // International Organization in the Anarchical Society / Ed-s. T.B. Knudsen, C. Navari. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2019. – P. 265–292. Cit. in Stiles G.R. The G7 and the management of International Order : The Return of the Old School: thesis… PhD. – Leeds, 2023. – 244 p. URL: https://etheses.whiterose.ac.uk/id/eprint/34234/1/Gregory%20Stiles%20Thesis%20White%20Rose%20Version.pdf ; Ibrahim R. Primary and Secondary Institutions in Regional International Society : Sovereignty and the League of Arab States // International Organization in the Anarchical Society / Ed-s. T.B. Knudsen, C. Navari. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2019. – P. 293–319.

[385] Stiles G.R. The G7 and the management of International Order : The Return of the Old School.

[386] Albert M., Koch M. Comparing Power in the G7 and the G20. – P. 82.

политическую линию и обладающей влиянием, может восприниматься как самоопределение себя в качестве великих держав.

Из других неформальных групп выделяют «Группу двадцати», также стремящуюся координировать единую позицию по международным вопросам и воспринимаемую в качестве хаба глобального управления[387], из формальных групп — БРИКС (состоящую из десяти стран), которая стремится к пересмотру существующей международной системы.

Таким образом количество стран, которые можно в соответствии с их членством в указанных группах определить в качестве великих держав, составляет от пяти до десяти[388]. Предлагается в качестве индикатора количества великих держав принять 7 по числу держав, состоящих в «Группе семи» (G7)[389]. Так как в ООН состоит 193 государства, предполагается, что к великим державам относится 3,62% государств, имеющих наибольшее влияние (в данном случае, наивысший индекс державности). Исходя из этого определения, все страны, относящиеся к этим 3,62% в каждом отдельном случае, будут отнесены к великим державам. Далее необходимо определить страны, относящиеся к державам среднего уровня, здесь в качестве расчета берется членство в «Группе двадцати» (G20): всего таких государств 43 (по числу участников Европейского союза)[390], включая великие державы. Таким

---

[387] Ларионова М.В. Краткая история институциональной динамики «Группы двадцати» (2008–2021 гг.) // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17. – №2. – С. 250–274.

[388] Согласно мнению Д. Доннелли, в многополярных системах не может быть больше десяти великих держав. Источник: Donnelly J. Systems, Relations, and the Structures of International Societies. – P. 198.

[389] При этом автором исследования еще раз подчеркивается, что автор не ставит знак равенства между «Группой семи» и великими державами. Более того, эта цифра является условной и принята исходя из логики западноцентричной иерархической системы, в которой страны Запада, являясь странами, осуществляющими международное признание, стремятся создавать элитные группы для государств, обладающих, по их мнению, одинаковым или схожим статусом.

[390] Такое большое число связано с тем, что в составе «Группы двадцати» находится Европейский союз, что фактически позволяет всем странам-членам принимать участие в деятельности группы, поэтому к девятнадцати государствам добавлено общее количество всех членов ЕС на 2022 г., т.к. последнее измерение индекса приходится на 2022 г., при этом члены Африканского Союза, ставшего частью «Группы двадцати» после 2022 г., в данном случае не учитываются.

образом, великие державы и средние державы составляют 22,28% стран ООН. В соответствии с этим к средним державам будут определены все державы, попавшие в 22,28%, но не попавшие в 3,62% наивысших результатов. Для расчета установлены процентили и рассчитаны референсные значения для определения государств в группу великих и средних держав. Результаты расчетов находятся в Приложении А.

Таким образом, в великие державы попадают все страны, которые стабильно в 2015–2022 гг. входили в 3,62% стран с наиболее высокими показателями, а вошедшие за все годы в 22,28% стран с наиболее высокими показателями, но не являющиеся великими, считаются средними державами. Список великих держав и средних держав приведен в Таблица 2. Все государства с нестабильными показателями добавлены в отдельную графу.

Таблица 2 — Великие и средние державы в 2015–2022 гг. в соответствии с индексом мировых держав*

Великая держава	Средняя держава	Держава с нестабильными показателями
Великобритания	Аргентина	Иран (между средними и малыми)
Германия	Австралия	Кувейт (между средними и малыми)
КНР	Австрия	Румыния (между средними и малыми)
Российская Федерация	Бельгия	
США	Бразилия	
Франция	Греция	
Япония	Дания	
	Израиль	
	Индия	
	Индонезия	
	Ирландия	
	Испания	
	Италия	
	Канада	
	Катар	
	Малайзия	
	Мексика	
	Нидерланды	
	Новая Зеландия	
	Норвегия	
	ОАЭ	
	Польша	
	Португалия	
	Республика Корея	
	Саудовская Аравия	

Великая держава	Средняя держава	Держава с нестабильными показателями
	Сингапур	
	Таиланд	
	Турция	
	Финляндия	
	Чехия	
	Чили	
	Швейцария	
	Швеция	
	ЮАР	

Примечание:

* — положение России и Канады скорректировано в соответствии с их политическим влиянием в связи с чрезмерно высокой долей в рейтинге экономических показателей.

Источник: составлено автором

Как было отмечено ранее, метод бенчмаркинга отличается своей субъективностью и не является реальным объективным отображением мировой ситуации, а выступает всего лишь срезом глобальной картины мира в соответствии с предложенными данными. В данном случае этот рейтинг, основанный на материальных способностях, частично материальных способностях и нематериальных способностях государства, использует данные Всемирного Банка, одной из крупнейших организаций Бреттон-Вудской системы, т.е. фактически воспроизводит своими показателями западную картину мира. На практике это выражается в том, что полученные математические данные отражают текущий уровень международного признания государств именно западными странами и могут демонстрировать несоответствующие реальной картине данные: так, фактически являющаяся великой державой Россия, обладающая статусом постоянного члена СБ ООН, в качестве попытки стигматизации со стороны стран Запада получает заниженные показатели с целью принизить ее влияние как актора системы и повлиять на общественное мнение других стран. Также наблюдаются противоположные попытки по искусственному завышению статуса международного сообщества: например, завышенные показатели Канады и

попадание в список некоторых стран-членов Европейского союза благодаря самому факту членства в организации, при этом их фактическое влияние без членства в организации оказывается ниже.

Представляется, что членство в «Группе двадцати» является одним из статусных маркеров международного признания в качестве как минимум державы среднего уровня (в том числе для поддержания статуса). Это обусловлено в том числе фактом существовавшего изначально гораздо большего влияния США и Великобритании в группе, чем в ООН[391]. Тем не менее, если сравнить список членов «Группы двадцати» со списком великих и средних держав в соответствии с индексом, то также прослеживаются некоторые «аномалии»: так, в «Группе двадцати» благодаря членству в ЕС представлены малые государства, при этом более влиятельные державы среднего уровня как ОАЭ, Катар, Сингапур членства в таких организациях не получают. Таким образом, получается, что членство во влиятельной группе или организации становится преимуществом для получения международного признания (например, в 2023 г. в «Группе двадцати» получил представление Африканский Союз), тогда как в одиночку государства оказываются фактически не представлены в международных институтах. Поэтому выбор кейсов из предложенных держав среднего уровня основывается на членстве в «Группе двадцати» (за исключением России ввиду ее принадлежности к великим державам и установленного факта занижения статуса): Аргентина, Австралия, Бразилия, Индия, Индонезия, Италия, Мексика, Республика Корея, Саудовская Аравия, Турция, ЮАР.

Здесь важно отметить, что внутри «Группы двадцати» большая часть государств использует присоединение к создаваемым трансрегиональным группам в качестве способа укрепления международного признания: например, Австралия, Индонезия, Мексика, Турция и Республика Корея сформировали

---

[391] Ларионова М.В. Краткая история институциональной динамики «Группы двадцати» (2008–2021 гг.). – С. 255. ; Ларионова М.В., Шелепов А.В. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. – №4. – С. 48–71.

группу МИКТА, а также Бразилия, Индия, Индонезия и ЮАР вступили в БРИКС, а Италия является частью ЕС. Этот факт может также восприниматься в качестве способа достижения альтернативного международного признания. При этом участие в трансрегиональных объединениях не является обязательным: альтернативной стратегией является отказ от вступления в группы стран, например, Аргентина и Саудовская Аравия не завершили свое вступление в БРИКС. В связи с отказом государств намечается некий тренд на восприятие этими государствами себя в качестве независимых, таким образом, это является поводом для исключения этих кейсов из рассмотрения. Италия имеет завышенное международное признание, чем другие представленные в списке государства: является членом «Группы семи». Это является серьезным поводом для исключения Италии из исследования как кейса.

Вывод к главе 1

В результате изучения теоретических подходов определено, что в качестве внешней системы действует мировая иерархия на системном уровне политики, являющаяся единственной, что приводит к необходимости определения каждого государства участника внутри этой иерархии через определенный статус. В качестве акта получения данного статуса определяется процесс социализации государства, а ответной деятельностью системы является признание государства или, наоборот, его стигматизация. В рамках исследования иерархия представляется состоящей из трех типов государств (при условии существования дополнительных негосударственных акторов): великие державы (без выделения сверхдержав), средние державы и малые государства.

Были даны определение державы среднего уровня в соответствии с ролевым подходом и отчасти иерархическим подходом, а также определение гуманитарной дипломатии.

При этом сформирована модель гуманитарной дипломатии для изучения особенностей гуманитарной дипломатии держав среднего уровня, состоящая

из шести характеристик: принципы гуманитарной дипломатии; подход к определению гуманитарной дипломатии; правовое-институциональное оформление; тематические направления гуманитарной дипломатии; географическая ориентация гуманитарной дипломатии; готовность к многостороннему сотрудничеству; основные конкуренты влияния в сфере.

На основе метода бенчмаркинга выявлено 8 кейсов держав среднего уровня, реализующих гуманитарную дипломатию, предлагаемых к анализу: Мексика, Индонезия, Республика Корея, Турция, Австралия, Индия, Бразилия, ЮАР.

ГЛАВА 2. ПРАКТИКА ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДЕРЖАВ СРЕДНЕГО УРОВНЯ

В академической литературе отмечается разнообразие подходов к использованию гуманитарной дипломатии во внешней политике[392]. Одним из ключевых различий подходов является существование объектной и субъектной стратегий. Согласно объектной стратегии, государства, на территории которых осуществляется гуманитарная деятельность, считаются реципиентами, т.е. им приписывается зависимая и подчиненная роль, а государство, осуществляющее гуманитарную деятельность, считает себя донором и определяет способы и виды гуманитарной деятельности. Формой гуманитарной деятельности преимущественно является официальная помощь развитию, которая часто является обусловленной и в случае невыполнения условий донора приводит к прекращению выделения средств. Субъектная стратегия предполагает систему обмена опытом, учитывающую партнерский статус государства, на территории которого осуществляется деятельность[393]. При этом академическая литература критически оценивает субъектную стратегию и считает ее неэффективной ввиду коррупционной составляющей помощи[394]. Таким образом, в исследованиях сравниваются подходы «старых» и «новых» доноров к осуществлению гуманитарной деятельности.

Помимо сравнения подходов двух групп государств в академической литературе исследуются кейсы: так, в книге Е. С. Громогласовой[395], в коллективной монографии «Практика современной гуманитарной

---

[392] Кузнецов Д.А. Сущность, становление и проблемы современной гуманитарной дипломатии // Практика современной гуманитарной дипломатии / Д.А. Кузнецов, Н.В. Гавриленко, С.М. Оболенцева и др.; под редакцией Д.А. Кузнецова. – М. : «Эдитус», 2022. – С. 21–32.

[393] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 95–97.

[394] Там же, С. 97.

[395] Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования.

дипломатии»[396] и материалах международной конференции по содействию международному развитию[397] рассматриваются примеры деятельности разных стран, в т.ч. новых доноров. Исследования кейсов позволили определить общие особенности гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга:

1) широкий подход к пониманию «гуманитарного»;
2) популярность дискурса о солидарности, лежащего в основе гуманитарной деятельности государств;
3) ненормативность предоставляемой помощи;
4) опоры на принципы суверенитета при осуществлении гуманитарной деятельности[398].

Также были определены причины использования гуманитарной дипломатии: необходимость реагирования на гуманитарные вызовы; стремление играть более активную роль в региональной и глобальной политике; реализация национальных амбиций; способ улучшения имиджа на международной арене[399]. Однако исследования гуманитарной дипломатии проводились в отрыве от статуса государств, в связи с чем отсутствуют выводы относительно использования инструмента гуманитарной дипломатии государствами одного статуса, что приводит к необходимости изучения нескольких кейсов с целью выявления возможности их кластеризации. В соответствии с разработанными определениями в данной главе анализируется восемь государств — Австралия, Бразилия, Индия, Индонезия, Республика Корея, Мексика, Турция, ЮАР. Анализ осуществляется в соответствии с критериями модели гуманитарной дипломатии, сформулированными в Главе 1:

1) принципы осуществления гуманитарной дипломатии;
2) подход к определению гуманитарной дипломатии;
3) институционально-правовое оформление гуманитарной дипломатии;

---

[396] Практика гуманитарной дипломатии.
[397] Современная система международной гуманитарной помощи : лучшие практики и вызовы : материалы международной конференции, Москва, 26 октября 2016 г.
[398] Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга : тенденции и дискурсы. – С. 111.
[399] Там же, С. 111–112.

4) тематические направления гуманитарной дипломатии;

5) географическая ориентация гуманитарной дипломатии;

6) готовность к многостороннему взаимодействию;

7) основные конкуренты в сферах влияния.

Исходя из этих критериев формулируется специфика гуманитарной дипломатии каждой средней державы, определенной для анализа.

§ 2.1. Мексика: борьба с социально-экономической неустойчивостью в Латинской Америке

Соединенные Штаты Мексики начали использовать гуманитарную дипломатию с 1970 г. в рамках доктрины Тельо[400] для увеличения престижа и влияния государства (при сохранении отношений с США), а также смягчения крупных гуманитарных вызовов — высокого уровня организованной преступности и наркоторговли; регионального и социально-экономического расслоения населения и, как следствие, роста бедности; миграционных потоков из Центральной Америки, вызывающих высокую нагрузку на инфраструктуру и усугубляемых жесткой миграционной политикой США[401]. Гуманитарная дипломатия (преимущественно стипендии, технические и научные обмены, экономическое сотрудничество) реализовывалась сначала внутри МИД, а впоследствии специально учрежденным институтом, оказалась эффективной для снижения притока беженцев, установления дружеских отношений и активно применялась в целях укрепления национальных интересов вплоть до начала XXI в. В 2000 г. внешняя политика была реформирована: на смену доктрине Тельо пришла доктрина Кастаньеды[402],

---

[400] Доктрина Тельо — внешнеполитическая доктрина, разработанная постоянным представителем Мексики при ООН Мануэлем Тельо Барраудом, согласно которой вхождение Мексики в Совет Безопасности ООН приведет к вовлечению страны в конфликты, которые будет порождать спорные моменты в отношениях с США.

[401] Calleja R., Prizzon A. Moving away from aid. The experience of Mexico. – L. : ODI, 2019. – 55 p.

[402] Доктрина Кастаньеды — внешнеполитическая доктрина министра иностранных дел Хорхе Кастаньеда Гутмана в 2000–2003 гг. Она заключалась в возросшей активности Мексики на международной арене и участии в международных форумах.

предполагавшая более активную деятельность на мировой арене [403], в результате чего гуманитарная дипломатия попала в полное ведение МИД Мексики. Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. показал необходимость изменения внешней политики и восстановления влияния в странах Центральной и Латинской Америки, с которыми смена доктрины вызвала ухудшение отношений[404], в связи с чем к 2011 г. Мексика вернулась к активному использованию гуманитарной дипломатии и обновила этот механизм до современного вида. В 2013–2019 гг. ввиду внутренних проблем и девальвации песо использование инструмента вновь сократилось (снизились объемы средств [405]), произошел отказ от инструмента безвозмездной финансовой помощи. Пандемия дала новый толчок инструменту для применения правительством в качестве способа восстановления отношений со странами континента [406] и мира, увеличился общий объем средств, в т.ч стипендии для иностранных студентов. Эти факторы эволюции гуманитарной дипломатии отражены в ключевых документах Мексики (см. Рисунок 1). Объемы средств, затрачиваемых на гуманитарную дипломатию Мексики, отражает Рисунок 2.

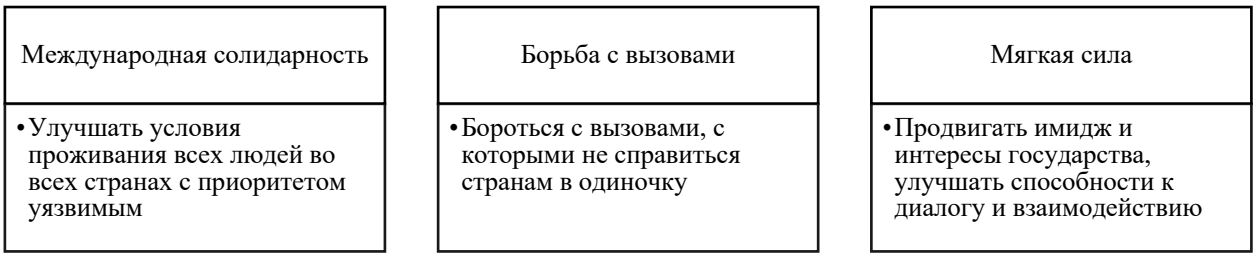

Рисунок 1 — Факторы эволюции гуманитарной дипломатии (Источник: составлено автором на основе Программы PROCID[407]).

---

[403] Мексика : парадоксы глобализации / Под ред. В.М. Давыдова. – М. : ИЛА РАН, 2013. – 336 с.

[404] Косевич Е.Ю. Новые подходы Мексики к интеграционным процессам в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2018. – №8. – С. 48–62.

[405] Cooperación Internacional para el Desarrollo otorgada por México en 2019 // Gobierno de México. 2019. URL: https://infoamexcid.sre.gob.mx/amexcid/ccid2019/index.html (Last accessed: 22.01.2022).

[406] Дмитриева В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе // Латинская Америка. – 2022. – №9. – С. 19–35.

[407] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.

Рисунок 2 — Объем гуманитарной дипломатии в 2011–2023 гг., млн долл. США (Источник: составлено автором на основе статистики AMEXCID[408]).

У Мексики субъектная гуманитарная дипломатия: учитываются потребности партнеров и существующие вызовы, проекты вырабатываются в двустороннем порядке в сотрудничестве с представителями государства в рамках многолетней программы сотрудничества. Дуальный характер Мексики как донора и реципиента гуманитарной дипломатии закреплен в законодательстве [409], обусловлен социально-экономическим расслоением в Мексике и неустойчивым сейсмическим положением [410] и подтверждается внешнеполитическими программами и отчетами, в которых закреплено получение средств для развития населения Мексики [411] для множества реализуемых проектов. Проекты преимущественно осуществляются странами Глобального Севера и Индией и посвящены адаптации к изменениям климата и развитию сельского хозяйства [412]. Принципы гуманитарной дипломатии закреплены в официальных документах (см. Рисунок 3).

---

[408] Cuantificación de la Cooperación Internacional para el Desarrollo de México.
[409] DECRETO por el que se expide la Ley de Cooperación Internacional para el Desarrollo.
[410] Дмитриева В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе. – С. 22.
[411] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.
[412] Secretaria de Relaciones Exteriores. Sexto Informe de Labores 2023-2024 de la SRE. – P. 99–118.

Заинтересованность и координация	• учет нужд партнера в соответствии с их приоритетами и планами развития
Гармонизация	• координация и обмен информацией с другими донорами с целью избежать фрагментации, с учетом преимуществ раз-нообразия и инноваций ввиду участия новых акторов в моделях осуществления сотрудничества
Соответствие Повестке дня-2030	• вклад деятельности в сфере международного развития, осуществляемой Мексикой и ее партнерами, в выполнение целей устойчивого развития, зафиксированных в Повестке дня-2030
Управление, нацеленное на результат	• управление и реализация с учетом желаемых результатов и использование информации для улучшения процесса принятия решений путем создания механизмов мониторинга
Взаимная ответственность	• ответственность донора и партнера за результаты развития, прозрачный и партиципаторный подход
Прозрачность и ответственность	• доступность четкой и актуальной информации
Права человека	• обеспечение полного уважения к правам человека, включая принципы равенства и отсутствия дискриминации, принимая во внимание маргинализированное и уязвимое население
Включенность и создание союзов между различными донорами	• выработка политического курса и проектов сотрудничества при участии различиных акторов (в т.ч. муниципальных правительств, гражданского общества, частного сектора и академического сообщества) в пределах их компетенций и релевантности
Комплементарность	• обязательство проведения проектов для поддержки усилий государства в развитии стран и отсутствие стремления соз-дать зависимость от сотрудничества
Устойчивость	• обязательство вносить вклад в создание эффективных и независимых процессов развития, нацеленных на создание собственных возможностей. Внешнее сотрудничество — катализатор развития и активного вовлечения акторов из стран-партнеров в процессы
Софинансирование	• обязательство при реализации проектов и действий по возможности предоставить возможность вовлеченным сторонам участвовать финансовыми, человеческими, техническими и специальными ресурсами для их развития, избегая схемы помощи

Рисунок 3 — 11 принципов международного сотрудничества для развития Мексики (Источник: составлено автором на основе Программы PROCID[413]).

В Мексике применяется широкий подход к определению гуманитарной дипломатии, получившей название системы международного сотрудничества в целях развития. Она включает в себя передачу, получение и обмен образовательными, культурными, техническими, научными, экономическими и финансовыми ресурсами, благами, знаниями и опытом [414] . Это

[413] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.
[414] DECRETO por el que se expide la Ley de Cooperación Internacional para el Desarrollo.

подтверждается данными о бюджете гуманитарной дипломатии, в котором на стипендии приходится значительный объем средств.

В Мексике гуманитарная дипломатия жестко оформлена в институционально-правовом плане (см. Рисунок 4). Международное сотрудничество в целях развития является одним из принципов, на которых основывается внешняя политика, и закреплено в Конституции Мексики в ст. 89 с 1988 г.[415] С 2011 г. действует Закон о международном сотрудничестве в целях развития (LCID), в котором закреплены основные принципы осуществления гуманитарной дипломатии. Основным органом гуманитарной дипломатии Мексики является Мексиканское агентство международного сотрудничества в целях развития (AMEXCID), децентрализованный орган, находящийся в ведении МИД Мексики и подотчетный межведомственному консультативному совету. AMEXCID координирует действия Мексики по международному сотрудничеству в целях развития и создает необходимые инструменты для планирования, мониторинга и оценки направленного на результат сотрудничества, которое является прозрачным и стремится быть эффективным [416] . Деятельность на четырехлетний период регулируется Программой международного сотрудничества в целях развития (PROCID), при этом основой для осуществления деятельности являются двусторонние программы сотрудничества, принимаемые на согласованный период совместно с правительством страны-партнера. Тем не менее, несмотря на использование реестра и средств фонда, отмечается устойчивый тренд взаимодействия на уровне министерств и ведомств, а участие AMEXCID в проектах сокращается: так, в 2020–2023 гг. на агентство приходилось около трети проектов (см. Рисунок 5). Вероятно, снижение участия AMEXCID связано с высокими расходами на привлечение экспертов и транспортными расходами. На деятельность агентства в этот период приходится до 10%

[415] Calleja R., Prizzon A. Moving away from aid. The experience of Mexico. – P. 22.
[416] AMEXCID – Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo.

(см. Рисунок 6). Снизилась роль агентства в распределении стипендий — в 2023 г. около 5% всех стипендий[417].

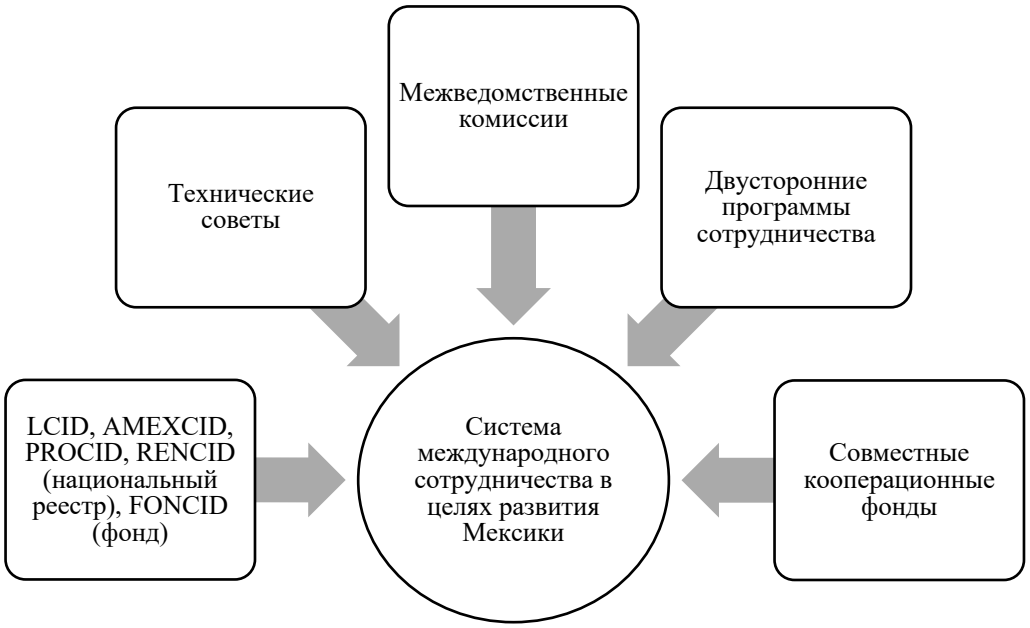

Рисунок 4 — Институциональное оформление гуманитарной дипломатии Мексики (Источник: составлено автором на основе Программы PROCID[418], отчета МИД[419]).

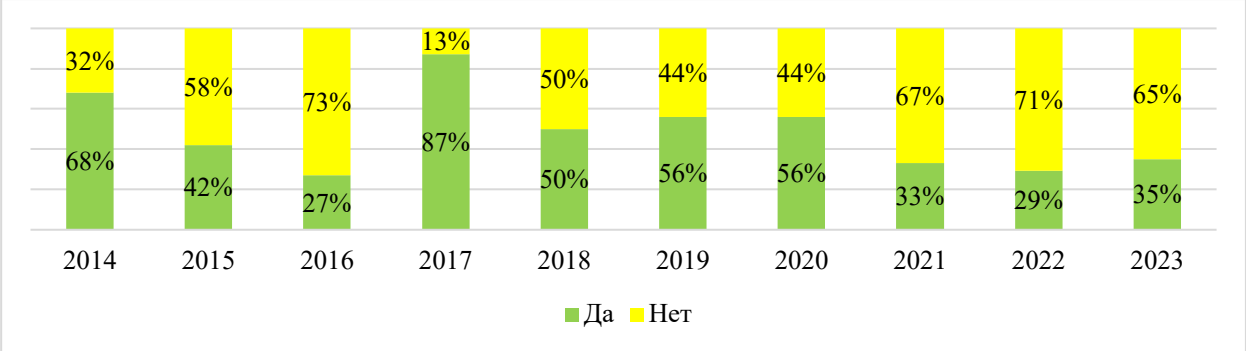

Рисунок 5 — Участие AMEXCID в проектах технического сотрудничества 2014–2023 гг., % (Источник: составлено автором на основе статистики AMEXCID[420]).

[417] Cuantificación de la Cooperación Internacional para el Desarrollo de México.
[418] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.
[419] Secretaria de Relaciones Exteriores. Sexto Informe de Labores 2023-2024 de la SRE. – P. 99–118.
[420] Cuantificación de la Cooperación Internacional para el Desarrollo de México.

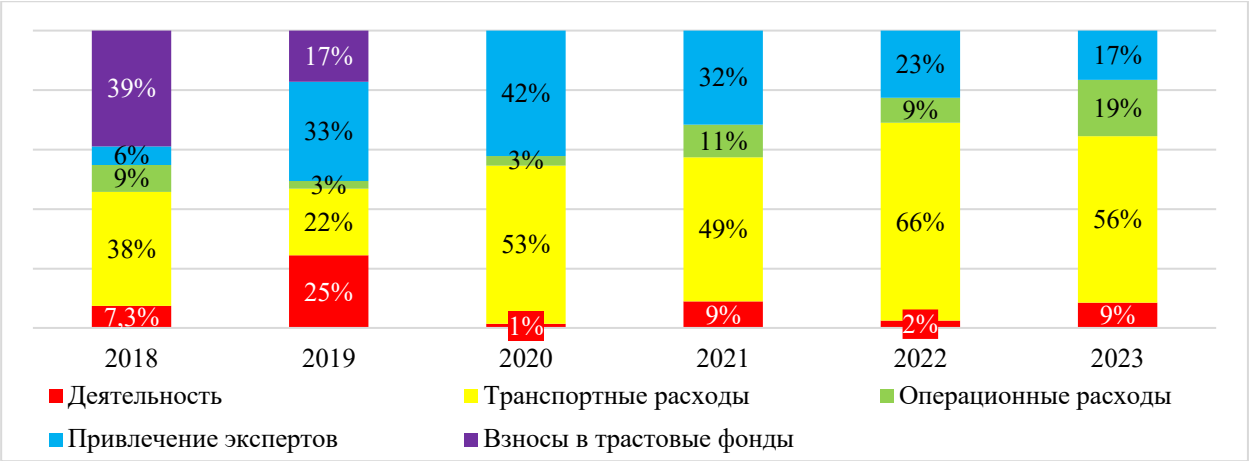

Рисунок 6 — Деление расходов на техническое сотрудничество в 2018–2023 гг., % (Источник: составлено автором на основе статистики AMEXCID[421]).

В 2023 г. крупнейшими статьями расходов гуманитарной дипломатии были взносы в международные организации (42%), программы сотрудничества (33%), стипендии для иностранных студентов (23%) [422]. Направления проектов определяются в соответствии с внешнеполитической линией, в 2020–2025 гг. в Мексике изменился подход к внешней политике, международному сотрудничеству в целях развития [423] и гуманистическому подходу[424]: одной из центральных тем стала модель миграции людей, где в качестве приоритета выбрана комплексная борьба с условиями, приводящими к увеличению миграционных потоков, и последствиями этих потоков [425], включая решение социально-экономических проблем, устойчивое человеческое развитие [426], борьбу с последствиями изменения климата. Проекты преимущественно сосредоточены в сфере сельского хозяйства, защиты окружающей среды, борьбы с последствиями природных катастроф. Небольшое количество проектов проводится в сфере здравоохранения, энергетики, водных ресурсов и гендерного равенства. Масштабные проекты,

[421] Cuantificación de la Cooperación Internacional para el Desarrollo de México.
[422] Ibid.
[423] Mexico's feminist foreign policy, one of three best in the world.
[424] Message from Secretary of Foreign Affairs Alicia Bárcena at the 79th UN general Debate.
[425] Memoria Documental “Estrategia Integral de Movilidad Humana”.
[426] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.

как Месоамериканский, содержат комплексное развитие территорий: экономическое (энергетика, телеком, транспорт и углубление торговли) и социальное (здравоохранение, окружающая среда, борьба с рисками и развитие городских территорий)[427]. Продолжается активное сотрудничество по линии школ — действует проект мексиканских школ, академического сотрудничества и продвижения мексиканских кафедр[428]. Также реализуется гуманитарная помощь после природных катастроф (Гаити, Турция, АТЭС, США)[429].

Гуманитарная дипломатия реализуется преимущественно в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (политика взгляда на юг)[430], при этом в программе закреплен приоритет страт Центральной Америки и Карибского бассейна[431], что осуществляется путем реализации программ (например, через Месоамериканский проект, «Вселяя жизнь» (Sembrando Vida))[432], направленных на решение проблем, связанных с социально-экономическим неравенством, высокой долей неформального сектора, внутренними конфликтами и особенностями сейсмоактивного региона[433]. Тем не менее, деятельность Мексики вышла за пределы региона: осуществляются проекты в Африке (ЮАР, Нигерия и Кения), Европе (совместно с Португалией), стипендии предоставляются в том числе студентам из стран Европы, Азии и Африки, хотя большая часть приходится на Латинскую Америку и страны Карибского бассейна. Планируется расширение на Ближнем Востоке и в Азии.

Для Мексики многостороннее сотрудничество является приоритетом[434]: реализуются многосторонние, региональные и трехсторонние проекты, хотя их количество в 2021–2023 гг. снижается (см. Рисунок 7). Трехсторонняя

---

[427] Secretaria de Relaciones Exteriores. Sexto Informe de Labores 2023-2024 de la SRE. – P. 99.
[428] Ibid., P. 105, 147.
[429] Ibid., P. 44–45.
[430] Ibid., P. 13–32.
[431] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.
[432] Дмитриева В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе. – С. 25.
[433] Memoria Documental “Estrategia Integral de Movilidad Humana”.
[434] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.

гуманитарная деятельность в Центральной и Латинской Америке осуществляется совместно с институтами гуманитарной дипломатии других стран — Турции, Южной Кореи, США и Японии[435]. Также в качестве способов реализации деятельности используются совместные кооперационные фонды с Иберо-Америкой, Европейским союзом, Испанией, Уругваем и Чили[436], совместные проекты с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН и Программой развития ООН[437], направленные на снижение воздействия изменения климата. Одним из видов гуманитарной дипломатии является активное участие в миротворческих миссиях, в т.ч. в подготовке персонала. Помимо этого Мексика является наблюдателем в Комитете по содействию развитию ОЭСР (КСР ОЭСР), куда направляет статистику и где была разработана методология отчетности для AMEXCID[438], тем не менее не присоединяется к КСР, вероятно, ввиду рекомендаций комитета[439].

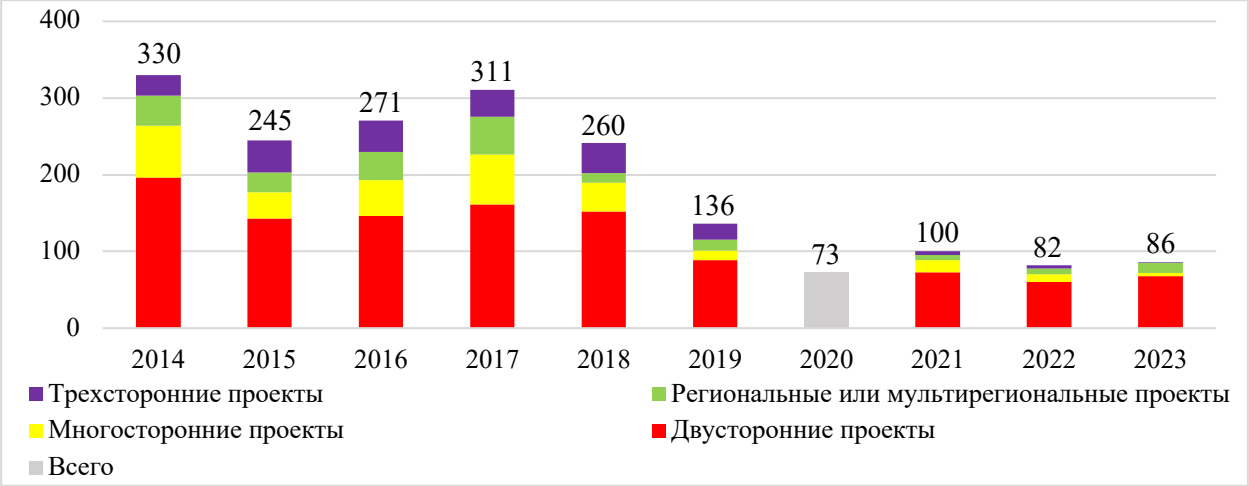

Рисунок 7 — Проекты технического сотрудничества по видам в 2014–2023 гг., шт. проектов (Источник: составлено автором на основе статистики AMEXCID[440]).

[435] Secretaria de Relaciones Exteriores. Sexto Informe de Labores 2023-2024 de la SRE. P. 100–107.
[436] Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024.
[437] Ibid.
[438] Development Co-operation Profiles : Mexico.
[439] Дмитриева В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе. – С. 29.
[440] Cuantificación de la Cooperación Internacional para el Desarrollo de México.

Основными конкурентами в сферах влияния являются США, Бразилия и КНР[441].

Итак, гуманитарная дипломатия Мексики является субъектной, включает в себя широкий набор видов деятельности, носит глобальный характер с региональным уклоном, преимущественно реализуется для решения внутренних проблем государства, вызванных миграционными потоками, укрепления имиджа государства в регионе и мире, нормализации и укрепления отношений с партнерами, не преследует целей достижения альтернативного признания. Сам инструмент реализуется децентрализованно, сопряжен с участием большого количества органов исполнительной власти, снижена координирующая функция специально созданного института. Эффективность инструмента снижена большим объемом взносов в международные организации и высокой стоимостью транспортных расходов, а также напряженной обстановкой в стране. Ввиду низкого объема средств большее количество проектов достигается Мексикой за счет привлечения других партнеров к реализации. Благодаря этому, отмечается рост выделяемых средств, как и увеличение числа двусторонних соглашений.

§ 2.2. Индонезия: независимый миротворец в Юго-Восточной Азии

С приобретения независимости в 1945 г. гуманитарная дипломатия Индонезии неразрывно связана с идеологией Панча Сила (принцип и основа внутренней и внешней политики, закрепленный в Конституции), стремлением к нейтралитету в мировых политических процессах и доктриной активной независимости Хатта[442],[443]. Большая роль в определении приоритетов внешней

---

[441] Montoya M.A., Lemus D., Kaltenecker E. The Geopolitical Factor of Belt and Road Initiative in Latin America : The cases of Brazil and Mexico // Latin American Journal of Trade Policy. – 2019. – Vol. 2. – No. 5. – P. 6–21.

[442] Доктрина Хатта — доктрина, предполагающая, что Индонезия самостоятельно определяет позицию в отношении мировых проблем и стремится к формированию образа миротворца и защитника.

[443] Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. – М. : Аспект-Пресс, 2023. – 152 с.

политики традиционно возложена на президента[444]. Реализация гуманитарной дипломатии началась с сотрудничества с Азией и Африкой. При генерале Сухарто с 1964 г. внешняя политика стала прагматичной: сотрудничество по линии Юг-Юг, строившееся на принципах гармонии и взаимовыгодного мирного сотрудничества, начало применяться для достижения геополитических целей страны (как способ достичь международного признания — организовать сотрудничество со странами Севера, легитимация оккупации Восточного Тимора), что повлекло развитие системы технического сотрудничества: в 1981 г. возникла Программа технического сотрудничества, в 1985 г. — Бюро по международному техническому сотрудничеству (Biro Kerja Sama Teknik Luar Negeri). В 1998 г. интенсивность технического сотрудничества снизилась, Индонезия участвовала в разрешении региональных конфликтов и оказывала содействие развитию стран с целью восстановления международного доверия к Индонезии и укрепления имиджа[445]. В 2004 г. сотрудничество возобновилось, Индонезия взяла на себя обязательства по содействию развитию при участии Агентства Японии по международному сотрудничеству (JICA) [446] , сохранив инструмент для увеличения глобального престижа и авторитета, а также продолжив участие в миротворческих операциях ООН. В 2014 г. Джоко Видодо провозгласил курс на «Индонезию — морскую ось мира», направленный на новый уровень самосознания страны, а также глобальные геоэкономические и геостратегические интересы [447] , в связи с чем было создано Агентство Индонезии по международному развитию (Indonesian AID). В настоящее время гуманитарная дипломатия продолжает реализовываться исключительно для усиления роли лидерства и влияния в мире (усиление международной дипломатии, активной роли в международных организациях и разрешение

[444] Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. – С. 10.
[445] Там же, С. 32–66.
[446] Сеньковская М.А., Сидьярто А.Т., Тышкевич А.И. Индонезия // Практика современной гуманитарной дипломатии / Д.А. Кузнецов, Н.В. Гавриленко, С.М. Оболенцева и др.; под редакцией Д.А. Кузнецова. – М. : «Эдитус», 2022. – С. 157–173.
[447] Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. – С. 113–114.

мировых вопросов, вхождение в топ-15 стран) [448] . Так, например, среднесрочный план (2025–2029 гг.), в отличие от 2020–2024 гг. [449] , не содержит планов по расширению сотрудничества по линии Юг-Юг и укреплению институтов развития для оказания помощи [450] . Принципы гуманитарной дипломатии основаны на идеологии Панча Сила (см. Рисунок 8).

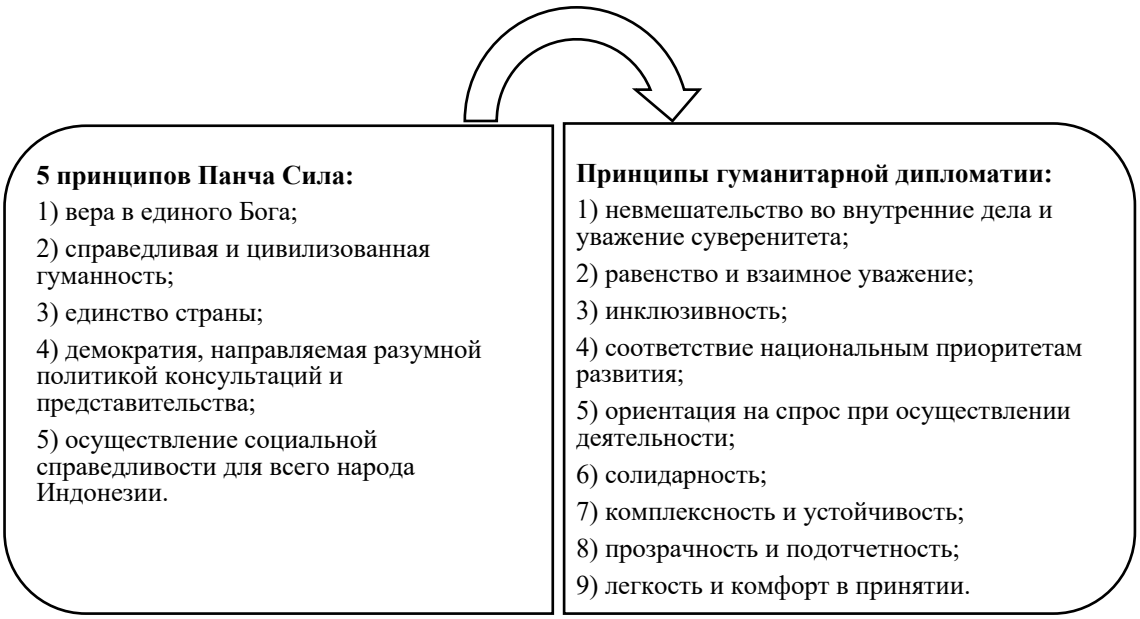

Рисунок 8 — Влияние принципов Панча Сила на формирование принципов гуманитарной дипломатии. (Источник: составлено автором на основе исследований Н.С. Куклина [451] , Д. Сато, А. Сантикаджайа [452] , Ф.К.Л. Пербавани[453], речей министра иностранных дел[454])

С точки зрения решения проблем гуманитарного характера Индонезия применяет субъектную стратегию, рассматривая своих партнеров как равноправных (это подтверждается идеологией Панча Сила и подходами к гуманитарной дипломатии). При этом сохраняется дуальный характер:

---

[448] Indonesia Emas 2045 : Rencana Pembangunan Jangka Panjang Nasional 2025-2045.
[449] Rancangan Teknokratik Rencana Pembangunan Jangka Menengah Nasional 2020-2024.
[450] Ringkasan Rencana Pembangunan Jangka Menengah Nasional Tahun 2025–2029.
[451] Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. – С. 24–25, 150.
[452] Sato J., Santikajaya A. Variety of Muddle-Income Donors : Comparing Foreign Aid Approaches by Thailand and Indonesia. JICA-RI Working Paper, January 2019. No. 180. – Tokyo : JICA Research Institute, 2019. – 40 p.
[453] Perbawani F.C.L. Indonesia’s Humanitarian Diplomacy under Jokowi’s Era : Non-Megaphone Diplomacy? // Proceedings of Airlangga Conference on International Relations – Volume I. – Surabaya : ACIR, 2018. – P. 250–257
[454] Transkrip Pernyataan Pers Tahunan Menteri Luar Negeri RI Tahun 2025.

Индонезия как получает, так и принимает гуманитарную помощь и помощь в целях содействия развитию. Гуманитарная дипломатия Индонезии по документам декларирует несколько целей (см. Рисунок 9). Помимо них, гуманитарная составляющая внешней политики основана на рациональных мотивах и вызвана отчасти стремлением минимизировать нетрадиционные угрозы безопасности[455], вызванные террористическими угрозами[456].

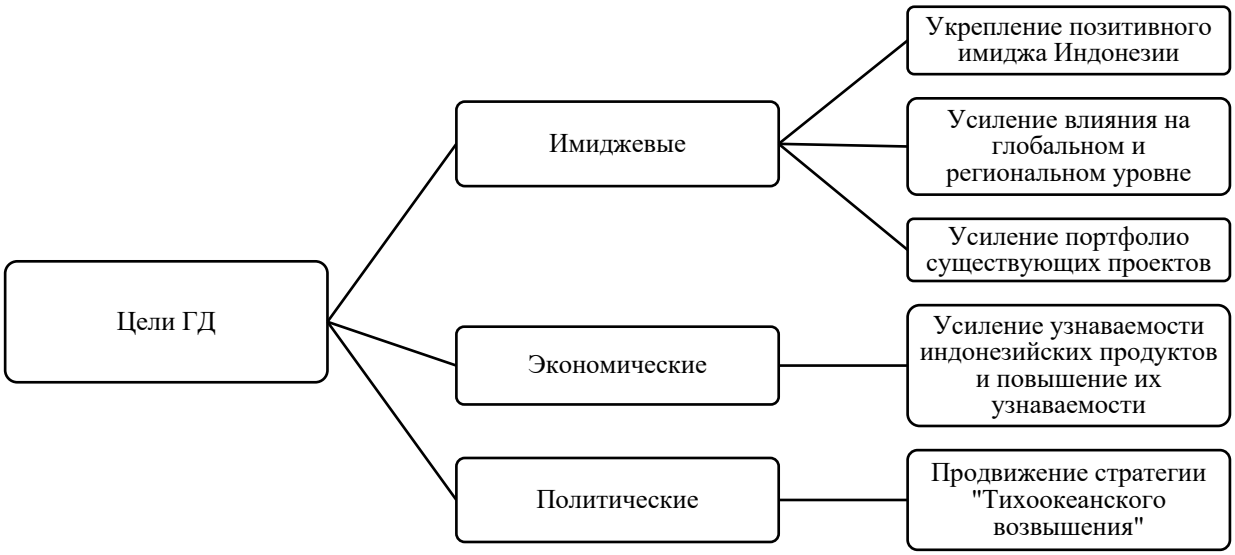

Рисунок 9 — Цели гуманитарной дипломатии. (Источник: составлено автором на основе заявленных целей проектов Indonesian AID[457])

Официально закрепленное определение гуманитарной дипломатии отсутствует, тем не менее, исходя из практики, можно говорить об использовании широкого определения: в проектах можно найти культурные проекты, а также применяются различные формы сотрудничества — техническое сотрудничество, гуманитарная помощь.

Институционально-правовое оформление является витиеватым в силу отсутствия единого закона для его регулирования [458] , но продолжает улучшаться: пару лет назад существовало несколько дублирующих задачи друг

[455] Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая во внешней политике. – С. 65.
[456] Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. – С. 85–86.
[457] Grant Recipient Country/Agency // Indonesian Agency for International Development (Indonesian AID). 2025. URL: https://ldkpi.kemenkeu.go.id/hibah/penerimaHibah (Last accessed: 19.05.2025).
[458] Так, например, для регулирования деятельности Агентства Индонезии по международному сотрудничеству действует несколько постановлений правительства и нормативно-правовых актов на уровне органов исполнительной власти.

друга организаций, но за последние несколько лет правительству Индонезии удалось доработать существующую систему и разделить задачи между институтами, фактически убрав дублирование функций. Всю исходящую деятельность осуществляет Indonesian AID, созданное в 2019 г. под четырьмя ведомствами — Министерством финансов, Министерством иностранных дел, Министерством планирования развития и Государственным секретариатом — для объединения системы гуманитарной дипломатии [459] . Его создание фактически привело к закрытию Национальной координационной группы по сотрудничеству Индонезии по линии Юг-Юг и трехстороннему сотрудничеству (Tim Kornas KSST). В задачи Indonesian AID входит управление грантами и распределение бюджета на техническое сотрудничество для достижения целей устойчивого развития, прозрачности оказания помощи, независимости средств и поддержки лидерства Индонезии на мировой арене. Заявки на гранты может подать любое министерство или представительство Индонезии за рубежом, возможно как плановое, так и внеплановое предоставление грантов [460] . Всю входящую деятельность регулирует Бюро иностранного технического сотрудничества в ведении Государственного секретариата (Biro KTLN), которое занимается предоставлением услуг для упрощения технического сотрудничества в Индонезии, распределением стипендий и работой с иностранными сотрудниками [461] . Помимо этого, в качестве государственного института действует Национальное агентство по противодействию катастрофам (BNPB).

Гуманитарная дипломатия Индонезии не ограничивается только государственными институтами (см. Рисунок 10)[462], отчасти это может быть

[459] Strurktur Manajemen.
[460] The Business Process of Grant Provision.
[461] Tentang Biro KTLN.
[462] Kusuma A.J., Sitorus F.E.M. Strategi Diplomasi Kemanusiaan Pemerintah Indonesia dalam Kasus Krisis Kemanusiaan Yang Dialami Etnis Rohingya di Myanmar Tahun 2017 // Mandala. Jurnal Ilmu Hubungan Internasional. – 2019. – Vol. 2 – No. 2. – P. 151–168. Cit. in Zakaria A., Widodo P., Kertopati S.N.H., Firdaus M.F. Indonesia’s Humanitarian Diplomacy Contribution to ASEAN Security Stability through the Provision of Cyclone Mocha Disaster Relief in Myanmar

связано со стремлением вывести финансирование гуманитарной дипломатии за пределы государственного бюджета, а отчасти обуславливается высокой подготовленностью неправительственных организаций, среди которых активно вовлечены в гуманитарную дипломатию негосударственные религиозные организации. Например, Мухаммадия — одна из 18 НПО, работающих за рубежом в сфере борьбы с последствиями природных бедствий, активно участвует в гуманитарных миссиях, в т.ч. распределяет помощь самостоятельно. В отличие от Минздрава Индонезии НПО обладает аккредитованной по международным стандартам ВОЗ медицинской командой и направляет ее в общегосударственные миссии при участии правительства. НПО самостоятельно выделяет стипендии на обучение и помогает в развитии школ [463] . Дополнительным источником финансирования гуманитарной деятельности являются мусульманские пожертвования, которые собираются специальными национальными институтами сбора пожертвований и могут передаваться для гуманитарной деятельности. Статусом национального института сбора закята обладают многие организации, тем не менее, такой вид гуманитарной дипломатии не отражается в отчетах, полностью отличается от национального распределения пожертвований в странах Ближнего Востока и фактически приводится автором исследования в качестве части гуманитарной дипломатии ввиду его значения для мусульманских стран-партнеров. Отсутствие этой формы гуманитарной дипломатии в официальных документах и внешнеполитических отчетах может быть связано с нежеланием Индонезии делать дипломатию полностью государственной, а также желанием избежать чрезмерного внимания к мусульманской благотворительности ввиду религиозного равенства и отказа от единого имиджа с ближневосточными странами в пользу имиджа исламской демократии.

// International Journal of Humanities Education and Social Sciences. – 2024. – Vol. 3. – No. 5. – P. 2392–2404.

[463] Husein R., Kurniawan B.D., Kurniawati N. Humanitarian Diplomacy in Action : Examining Muhammadiyah as a Model for Faith-Based Organizational Engagement // Jurnal Hubungan Internasional. – 2024. – Vol. 13. – No. 1. – P. 1–16.

Рисунок 10 — Состав гуманитарной дипломатии Индонезии (Источник: составлено автором)

Основными тематическими направлениями гуманитарной дипломатии Индонезии в 2020–2025 гг. являются борьба с последствиями стихийных бедствий, последствиями пандемии, кризисами и голодом (продовольственная безопасность). Также направлялись средства на техническое обеспечение здравоохранения и образования, обучение молодежи и иных представителей по разным вопросам (аквариумистика, контртеррористические меры, женское здоровье, дипломатические курсы)[464].

Благодаря стремлению Индонезии расширяться за пределы Азиатско-тихоокеанского региона, гуманитарная дипломатия Индонезии носит глобальный характер: партнерами являются не только тихоокеанские страны (Фиджи и Восточный Тимор), но и африканские страны (Мозамбик, Зимбабве), страны Карибского бассейна (Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины), европейские страны (Украина), азиатские страны (Афганистан, Индия) [465].

Индонезия демонстрирует готовность к многостороннему взаимодействию: осуществляются миротворческие миссии под эгидой ООН, поддерживаются международные проекты и трехстороннее сотрудничество (особенно с Японией). Индонезия не является членом ОЭСР, но планирует присоединиться к 2027 г.[466], и не является членом КСР ОЭСР.

[464] Grant Recipient Country/Agency.
[465] Ibid.
[466] Indonesia Seeks to Become OECD Member State by 2027.

Основные конкуренты в тихоокеанских странах — США, КНР, Новая Зеландия, Великобритания, Франция и Австралия[467], в Африке — Индия, Япония и КНР[468].

Гуманитарная дипломатия Индонезии является субъектной, включает в себя широкий набор видов деятельности, носит глобальный характер, преимущественно реализуется с целью укрепления имиджа государства в регионе и за его пределами, достижения признания легитимности внешней политики, нормализации и укрепления отношений с партнерами, укрепления безопасности и повышения экономической активности, не преследует целей достижения альтернативного признания. Сам инструмент реализуется несколькими органами исполнительной власти, сопряжен с участием большого количества государственных органов, специализированных агентств и религиозных НПО, специализированный институт частично координирует деятельность. Эффективность инструмента снижена стремлением сократить бюджет на реализацию и привлечь средства извне. Ввиду регионального положения большая часть проектов реализуется в тихоокеанских странах.

§ 2.3. Южная Корея: признанный донор с уникальным опытом

Гуманитарная дипломатия как инструмент внешней политики начала применяться еще в период получения помощи от крупных северных доноров в качестве способа получения международного признания раньше КНДР[469]: в 1963 г. запустились программы обучения иностранных специалистов по линии Юг-Юг на средства США, впоследствии расширенные до обучения, командировок экспертов и технического сотрудничества. С 1970-х гг. сфера институционализировалась (Корейский институт развития для поддержки

---

[467] Herindrati S., Fernando J., Hop T.M. Pacific Elevation : Indonesia’s Vision for Strategic Engagement and Regional Diplomacy // Jurnal Asia Pacific Studies. – 2025. – Vol. 9. – No. 1. – P. 98–131.

[468] Dorigné-Thomson C. Indonesia’s African Foreign Policy Shift under President Jokowi // Journal of Social and Political Sciences. – 2021. – Vol. 4. – No. 3. – P. 36–46.

[469] Atkinson J. Comparing Taiwan’s foreign aid to Japan, South Korea and DAC // Journal of the Asia Pacific Economy. – 2017. – Vol. 22. – No. 2. – P. 253–272.

пятилетних экономических программ, Программа по обмену по международному развитию для обучения чиновников развивающихся стран)[470], осуществлялись поставки оборудования и программы в сфере строительства[471]. С конца 1980-х гг. Корея начала использовать в своих интересах социально-гуманитарный фактор[472]: для усиления международной позиции созданы институты развития — Фонд экономического сотрудничества и развития в рамках Экспортно-импортного банка Кореи (1987 г.) и Корейское агентство по международному сотрудничеству (1992 г.), преимущественно осуществляющие региональную деятельность; направлены миротворцы[473]. До 2008 г. сохранялась региональная направленность (в Северо-Восточной Азии)[474], в том числе ввиду ограничений внешнеполитической деятельности из-за стратегического союза с США[475], увеличение средств осуществлялось в целях соответствия статусу государства[476]. После 2008 г. произошел парадигмальный сдвиг: стремление к глобальной роли Кореи с отказом от традиционной политики, сфокусированной на Корейском полуострове[477] и взаимодействии с крупными державами[478]. Помощь в целях развития начала

---

[470] Lim S. The evolution story of South Korea from a fragile state to an international actor // Routledge Handbook of Contemporary South Korea / Ed-s S. Lim, N.J.P. Alsford. – L. : Routledge, 2021. – P. 118–136.

[471] Laporte C. Emerging Donors on the Field…

[472] Пугачева О.С. Роль социально-гуманитарного фактора во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского регулирования // Вестник МГИМО. – 2020. – Т. 13. – №1(70). – С. 147–168.

[473] Milani M. Continuity and Changes in South Korea's middle power diplomacy // Routledge Handbook of Contemporary South Korea / Ed-s S. Lim, N.J.P. Alsford. – L. : Routledge, 2021. – P. 345–358.

[474] John J.V. Becoming and being a middle power : Exploring new Dimension of South Korea's foreign policy // China Report. – 2014. – Vol. 50. – No. 4. – P. 325–341. ; Milani M. Continuity and Changes in South Korea's middle power diplomacy. – P. 346, 352.

[475] John J.V. Becoming and being a middle power : Exploring new Dimension of South Korea's foreign policy. – P. 332.

[476] Ayhan K.J. Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project // Korea Observer – Institute of Korean Studies. – 2019. – Vol. 50. – No. 1. – P. 1–24.

[477] Global Korea: The National Security Strategy of the Republic of Korea : the Lee Myung-bak administration's foreign policy and national security vision. – Seoul : Office of the President, 2009. – 37 p. Cit. in John J.V. Becoming and being a middle power : Exploring new Dimension of South Korea's foreign policy. – P. 334.

[478] Moon C.-I., Kim T. South Korea's International Relations : Challenges of Developmental realism? // International Relations of Northeast Asia / Ed. S.S. Kim. – Lanham, Maryland :

восприниматься как показатель международного положения страны и потенциала влияния за рубежом[479], так в 2009 г. институционализировалась миротворческая деятельность[480], а в 2010 г. после вступления в КСР ОЭСР[481] Корея прекратила получать помощь. Возвращение к региональному подходу и фокус на программах деревень[482] и в сфере образования[483] вновь были вытеснены в 2018 г. с целью расширить внешнеполитические направления[484], в частности, с активным использованием инфраструктурных проектов[485]. К 2022 г. возникло стремление оказывать влияние как можно в большем количестве сфер, установить сотрудничество с похожими по взглядам и ценностям государствами, расширить сети в Центральной Азии и Африке[486].

Ввиду вступления в КСР ОЭСР гуманитарная дипломатия Южной Кореи превратилась в объектную, а средства перестали поступать. При этом некоторые эксперты считают, что у государства ограниченные возможности по развитию собственного подхода к гуманитарной дипломатии ввиду отсутствия опыта оказания помощи и знаний страны-донора[487] (а предлагаемый опыт напоминает Вашингтонский консенсус и продвигает неолиберальные

Rowman and Littlefield Publishers, 2004. – P. 251–280. Cit. in John J.V. Becoming and being a middle power : Exploring new Dimension of South Korea's foreign policy. – P. 326.

[479] Global Korea: The National Security Strategy of the Republic of Korea : the Lee Myung-bak administration's foreign policy and national security vision.

[480] Roehrig T. South Korea, Foreign Aid, and UN Peacekeeping : Contributing to International Peace and Security as a Middle Power // Korea Observer. – 2013. – Vol. 44. – No. 4. – P. 623–645.

[481] Lim S. The evolution story of South Korea from a fragile state to an international actor. – P. 125–126.

[482] Ayhan K.J. Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. – P. 10.

[483] Varpahovskis E. Generating Soft Power through Education: How South Korea approaches Central Asia with its Education Diplomacy // Contemporary Issues of International Relations : The Problems of International Community / Ed-s. M. Erendor, M. Öztarsu. – Cambridge : Camridge Scholars Publishing, 2020. – 420 p. Cit. in Воронцов А., Понька Т., Варпаховскис Э. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея : теория и практика // Международные процессы. – 2020. – Т. 18. – №1(60). – С. 89–105.

[484] Hyunh T.-S. Bolstering middle power standing : South Korea's response to U.S. Indo-Pacific strategy from Trump to Biden // The Pacific Review. – 2023. – Vol. 36. – No. 1. – P. 32–60.

[485] Green M.J. Is the Era of Korean Middle Power diplomacy over? // The Korean Journal of Defense Analysis. – 2019. – Vol. 31. – No. 1. – P. 1–20.

[486] OECD Development Co-operation Peer Reviews : Korea 2024.

[487] Jung T.Y., Sohn J. Joint crediting mechanism under the Paris agreement and its implication to the climate policy in Korea // Journal of Climate Change Research. – 2016. – Vol. 7. – No. 4. – P. 373–381.

политические курсы развития[488]), хотя скорее это обуславливается членством в КСР ОЭСР и необходимостью подстраиваться под особенности организации. Несмотря на этот факт, кредиты продолжают преобладать над грантами[489]. Ключевые принципы оказания помощи отражает Рисунок 11.

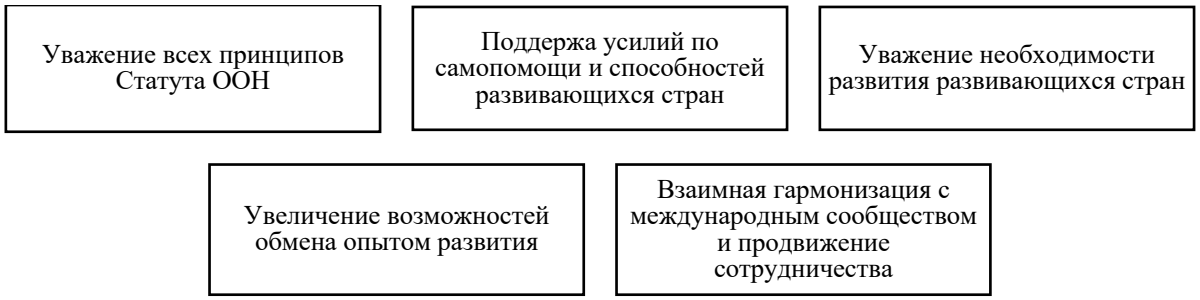

Рисунок 11 — Принципы оказания помощи в целях развития Южной Кореей (Источник: составлено автором на основе Рамочного закона о международном развитии и сотрудничестве[490])

Южная Корея использует узкий подход к пониманию гуманитарной дипломатии: деятельность ограничена сферами официальной помощи в целях развития, миротворческими операциями и гуманитарной помощью. Официально используются указанные термины, гуманитарная дипломатия как термин не употребляется.

Институционально-правовое оформление гуманитарной дипломатии Южной Кореи модифицировалось после вступления страны в КСР ОЭСР. До 2009 г. фактически действовала дуальная структура под управлением Министерства экономики и финансов и МИД. В связи со вступлением страны в КСР ОЭСР был принят Рамочный закон по международному сотрудничеству и развитию[491] в 2010 г., а структура была реформирована (см. Рисунок 12).

---

[488] Kalinowski T., Cho H. Korea's Search for a Global Role between Hard Economic Interests and Soft Power // The European Journal of Development Research. – 2012. – Vol. 24. – No. 2. – P. 242–260.

[489] South Korea : Rejuvenating the traditional aid // Italian Institute for International Political Studies. 14.04.2024. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/south-korea-rejuvenating-traditional-aid-10211 (last accessed: 22.05.2025).

[490] Framework on International Development Cooperation : Wholly Amended by Act No. 17302, May 26, 2020.

[491] Ibid.

Рисунок 12 — Институциональная система Республики Корея оказания официальной помощи в целях развития (Источник: перевод с сайта ОПР Кореи[492]).

[492] Organization.

Реформа институциональной структуры означала создание органа над министерствами, который бы позволял координировать гуманитарную деятельность Кореи, тем не менее, дуальная система сохранилась. Отчасти такая структура обусловлена длительным противостоянием двух министерств и их восприятий идентичности гуманитарной дипломатии Южной Кореи: Министерство финансов и экономики Кореи продвигало идею развивающегося донора, предоставляющего странам эффективные решения по развитию и работающего на основе взаимных преимуществ при сотрудничестве, а Министерство иностранных дел — «среднедержавность» и роль глобального гражданина, являющегося устоявшимся донором[493]. Фонд экономического развития и сотрудничества занимается долгосрочными льготными займами, а Корейское агентство по международному сотрудничеству предоставляет гранты. При участии других министерств в деятельности Южная Корея работает с правительствами, государственными организациями и негосударственными акторами[494].

Больше всего средств выделяется на содействие развитию (88%), а на миротворчество и гуманитарную помощь выделяется 5% и 7% соответственно [495] . В сфере содействия развитию выделено несколько приоритетных направлений: наибольший объем средств направляется на сферы зеленого роста (использование возобновляемых источников энергии), а также вопросы экономической (транспорт, энергетика, сельское хозяйство) и социальной (образование, здравоохранение, управление) инфраструктуры[496]. В 2021–2025 гг. представлено 12 направлений развития, определенных в 4 столпа стратегии (сфера зеленого роста, инклюзивность, инновационные

---

[493] Kim S.-M. The domestic politics of international development in South Korea : stakeholders and competing policy discourses // The Pacific Review. – 2015. – Vol. 29. – No. 1. – P. 67–91.

[494] Liao J.C. US-Japan-ROK Trilateral Cooperation in international development: Global trends, national variations, opportunities and challenges // Korea Policy. – 2024. – Vol. 2. – No. 1 – P. 1–21.

[495] OECD Development Co-operation Peer Reviews : Korea 2024. – P. 13.

[496] 주요정책문서 // ODA Korea. 05.06.2024. URL: https://www.odakorea.go.kr/kor/cont/ContShow?cont_seq=21 (Last accessed: 19.05.2025).

направления, в т.ч. умные города, и здравоохранение), которые отражает Рисунок 13.

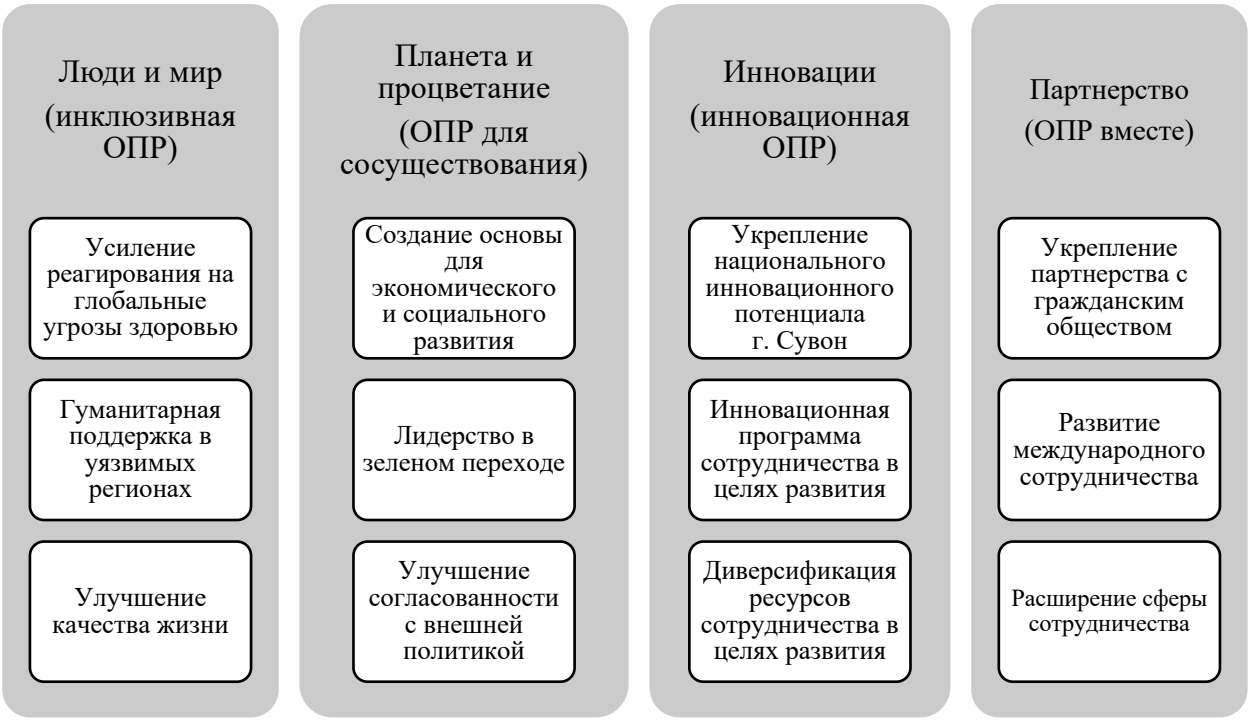

Рисунок 13 — Тематические приоритеты ОПР Южной Кореи (Источник: составлено автором на основе Третьей среднесрочной стратегии[497])

Гуманитарная дипломатия Южной Кореи носит глобальный характер с фокусом на азиатские и африканские страны (по данным ОЭСР, большая часть средств направляется в Юго-Восточную и Южную Азию[498]). В качестве одной из мер определения географических направлений реализуется заключение стратегии партнерства с странами-реципиентами, при этом состав стран пересматривается после каждые пять лет (так, в 2011 г. было 26 стран, в 2015 г. стало 24, а в 2021 г. — 27). Текущих партнеров отражает Рисунок 14. Также Корея сотрудничает и с другими странами, не являющимися стратегическими партнерами, например, в Океании, а помощь КНДР осуществляется вне статистики[499]. Программы различаются по тематическим потребностям стран-партнеров (см. Таблица 3).

---

[497] 주요정책문서.

[498] OECD Development Co-operation Peer Reviews : Korea 2024. – P. 13.

[499] Lim S. The evolution story of South Korea from a fragile state to an international actor. – P. 130.

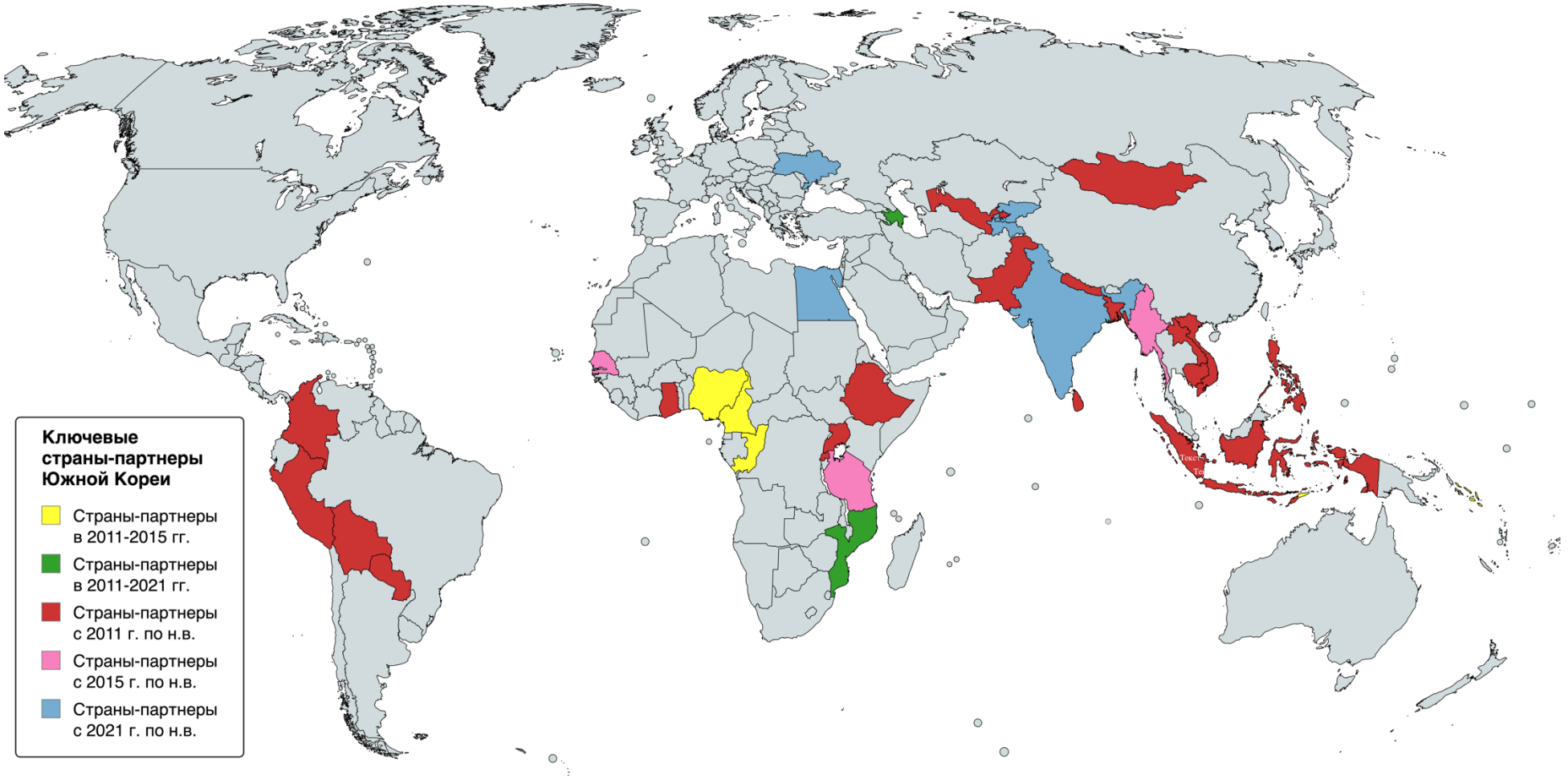

Рисунок 14 — Ключевые страны-партнеры Южной Кореи в 2011–2025 гг. (Источник: составлено автором на основе 2 среднесрочной стратегии 2016–2020 гг.[500] и опубликованных данных[501])

[500] 주요정책문서.

[501] Country Partnership Strategy.

Таблица 3 — Географическое и тематическое направления сотрудничества

Тематическое направление	Географическое направление реализации программы
Государственное управление	Бангладеш, Вьетнам, Египет, Индонезия, Кыргызстан, Монголия, Парагвай, Перу (ИКТ), Узбекистан (ИКТ), Украина
Защита окружающей среды	Индонезия, Перу
Здравоохранение	Гана, Парагвай, Сенегал, Узбекистан
Здравоохранение и гигиена	Боливия, Вьетнам, Кыргызстан, Лаос, Перу, Уганда, Украина
Зеленая энергетика	Индия
ИКТ	Египет (коммуникации), Индия, Руанда, Филиппины
Мир	Колумбия
Климат и окружающая среда	Вьетнам, Египет (энергетика), Индия, Кыргызстан, Монголия, Филиппины
Образование	Бангладеш, Вьетнам, Гана, Египет, Камбоджа, Лаос, Монголия, Непал, Руанда, Сенегал, Таджикистан, Танзания, Уганда, Узбекистан, Шри-Ланка, Эфиопия
Промышленность	Колумбия, Таджикистан, Украина
Развитие сельской местности	Камбоджа, Мьянма
Региональное развитие	Боливия, Гана, Индия (умные города), Колумбия, Лаос, Непал, Пакистан, Парагвай, Сенегал (с/х), Танзания, Уганда, Узбекистан, Филиппины (продовольственная безопасность), Шри-Ланка, Эфиопия
Сельское хозяйство	Кыргызстан, Руанда, Таджикистан
Транспорт	Бангладеш, Боливия, Вьетнам, Гана, Египет, Индия, Индонезия, Камбоджа, Колумбия, Монголия, Мьянма, Пакистан, Парагвай, Перу, Сенегал, Таджикистан, Танзания, Украина, Филиппины, Шри-Ланка, Эфиопия (энергетика)
Управление	Мьянма
Управление водными ресурсами, здравоохранение и гигиена	Бангладеш, Индия, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Монголия, Непал, Пакистан, Танзания, Филиппины, Шри-Ланка, Эфиопия
Энергетика	Боливия, Гана, Лаос, Мьянма, Непал, Пакистан, Таджикистан, Танзания

Источник: составлено автором на основе стратегий партнерства со странами-реципиентами[502]

[502] Country Partnership Strategy.

Южная Корея демонстрирует активную приверженность многостороннему взаимодействию и формирует повестку дня об эффективности помощи в КСР ОЭСР [503] : осуществляет миротворческие миссии под эгидой ООН (хотя и недостаточно активно [504]), поддерживает международные проекты и трехстороннее сотрудничество, например, с США и Японией в районе реки Меконг, Тихоокеанских островов в сферах сельского хозяйства, здравоохранения, гендерного равенства, климата, водоснабжения, энергетики, цифрового сотрудничества, качественной инфраструктуры, прозрачного и честного финансирования в целях развития. При этом сотрудничество осуществляется с агентствами по развитию и агентствами по финансированию в целях развития[505].

Основные конкуренты в азиатских странах — КНР, США и Япония[506], в Африке — Индия и КНР[507].

Гуманитарная дипломатия Южной Кореи является объектной, включает в себя ограниченный набор видов деятельности, носит глобальный характер с региональным уклоном, преимущественно реализуется с целью улучшения имиджа государства в собственном регионе и за его пределами, достижения безопасности в регионе, нормализации и укрепления отношений с партнерами и повышения авторитета внутри страны [508] , ранее преследовала цель альтернативного признания, сейчас может считаться только способом получения признания среди лидеров иерархии. Сам инструмент реализуется преимущественно дуально. Эффективность инструмента снижена необходимостью направлять средства в том числе в КНДР.

---

[503] Watson I., Pandey C.L. Environmental Security and New Middle Powers : The Case of South Korea // Asian Security. – 2014. – Vol. 10. – No. 1. – P. 70–95.
[504] Ayhan K.J. Rethinking Korea’s Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. – P. 10.
[505] Liao J.C. US-Japan-ROK Trilateral Cooperation in international development : Global trends, national variations, opportunities and challenges. – P. 76, 78.
[506] Abbondanza G. Whither the Indo-Pacific? Middle power strategies from Australia, South Korea and Indonesia // International Affairs. – 2022. – Vol. 9. – No. 2. – P. 403–421.
[507] Owusu V.A Comparative Analysis of South Korean vs. Indian ODA Strategy in Africa : The Case of South Korean Engagement in Ghana and Rwanda // SNU Journal of International Affairs. – 2019. – Vol. 3. – No. 2. – P. 71–98.
[508] Ayhan K.J. Rethinking Korea’s Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. – P. 10.

§ 2.4. Турция: исламский актор в поисках мирового влияния

Внешнеполитическая ориентация Турции на страны Запада в XX в.[509] и дистанция от Глобального Юга [510] и Ближнего Востока [511] обусловили использование гуманитарной дипломатии для достижения признания со стороны западных стран: так, в 1950-е гг. Турция направила свой контингент войск для участия на стороне будущей Южной Кореи в Корейской войне[512] для вступления в НАТО[513]. Западная ориентация препятствовала успешному применению инструмента при налаживании отношений со странами Юга: в середине 1980-х гг. Турция безуспешно использовала гуманитарную дипломатию в африканских странах [514] для получения поддержки по кипрскому вопросу [515] . После распада СССР и ослабления Ирана в Центральной Азии Турция обратила внимание на получившие независимость тюркские республики и начала осуществлять гуманитарную дипломатию в регионе [516] , создав в 1992 г. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA) для формирования тюркоязычного блока стран как часть политики пантюркизма и неоосманизма[517]. В 1993–2002 гг. гуманитарная дипломатия расширилась на

---

[509] Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений. – С. 69.

[510] Arda M.E.A Heuristic History of Global Development Governance Strategies Since the 1960s and Turkey : The G20 Example // Middle Powers in Global Governance : The Rise of Turkey / Ed. E. Parlar Dal. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 187–212.

[511] Parlar Dal E. The Transformation of Turkey's Relations with the Middle East : Illusion or Awakening? // Turkish Studies. – 2012. – Vol. 13. – No. 2. – P. 245–267.

[512] Relations between Türkiye and South Korea.

[513] Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. – М. : Квадрига, 2017. – 376 с.

[514] Turhan Y. Turkey's Foreign Aid to Africa : An Analysis of the Post-July 15 Era // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – 2021. – Vol. 23. – No. 5. – P. 795–812.

[515] Belder F., Dipama S. A Comparative Analysis of China and Turkey's Development Aid Activities in Sub-Saharan Africa // Middle Powers in Global Governance : The Rise of Turkey / Ed. E. Parlar Dal. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 231–254.

[516] Ustun K., Kanat K. Shaping Foreign Policy debates in Turkey: the SETA Foundation for Political, Economic, and Social Studies // Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers / Ed. J. G. McGann. – Cham : Palgrave Macmillan Cham, 2019. – P. 405–417.

[517] Пестрецов А.Р., Бабиров И.М. Азербайджано-турецкие отношения : достижения и проблемы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2017. – №1(41). – С. 104–110.

мусульманские и африканские страны. С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. и постепенным отходом от западноцентричной политики[518] гуманитарная дипломатия стала одним из основных внешнеполитических инструментов Турции: расширилась география и тематика деятельности[519], началось активное участие в ликвидации последствий кризисов, в т.ч. для повышения регионального веса через двусторонние и многосторонние механизмы[520] на фоне доктрины «Ноль проблем с соседями»[521] (а каждое государство-сосед выступало в качестве гуманитарного вызова для Турции[522]). В 2011 г. после Арабской весны Турция фактически отказалась от доктрины[523], а после попытки государственного переворота 15.07.2016 г., а также снижения авторитета на фоне внутренних реформ[524] перешла к более активной политике[525], усилилось мусульманское направление гуманитарной дипломатии Турции. В 2018 г. концепция гуманитарной дипломатии А. Давутоглу была частично пересмотрена, но по большей части сохранена: Турция стала подчеркивать важность других многосторонних институтов наравне с ООН — G20, Организации исламского

---

[518] Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – №2 (47). – С. 32–39.

[519] Гузаеров Р.И. Турция как средняя держава в системе международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – №3 (3). – С. 97–112.

[520] Süsler B. Turkey : an emerging power in a changing world? – L. : LSE Ideas, 2019. – 20 p.

[521] Доктрина, предложенная министром иностранных дел Турции А. Давутоглу и принятая в 2008 г., в соответствии с которой Турция представляет свою роль на глобальной арене как посредника, миротворца и активного участника многосторонних форматов, ориентированного на справедливое мироустройство и системный характер проведения внешней политики. Источник: Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений. – С. 86.

[522] Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция // Практика современной гуманитарной дипломатии / под ред. ДА. Кузнецова. – М. : «Эдитус», 2022. – С. 182-193.

[523] Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений. – С. 88.

[524] Шлыков П. В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – №2. – С. 65–106.

[525] Гузаеров Р.И. Турция как средняя держава в системе международных отношений. – С. 109.

сотрудничества, ОБСЕ, МИКТА, Тюркского совета[526]. Текущая внешняя политика характеризуется лозунгом «Мир больше пяти», нацелена на расширение сферы влияния[527].

Будучи министром иностранных дел Турции, А. Давутоглу назвал гуманитарную дипломатию — концепцию[528], основанную на балансе между «совестью» (мягкой силой) и «силой» (жесткой силой)[529], — ключевым принципом, объясняющим суть внешней политики Турции (видение гуманитарной дипломатии А. Давутоглу отражает Рисунок 15). Турция позиционировалась как способное к сопереживанию сильное государство, которому подсказывает совесть, куда направить свою помощь, а сила дает возможность достигнуть поставленных совестью задач[530]. Ранее на официальной странице МИД было закреплено, что внешняя политика становится инициативной и гуманитарной (человеко-ориентированной)[531], а выступление министра иностранных дел в парламенте тоже носило такое название[532]. На 2025 г. Турция позиционирует себя «сострадательной державой» с человеко-ориентированными традициями, что нашло отражение в гуманитарной дипломатии страны (при этом сам термин на официальной странице МИД не упоминается)[533]. Принципы гуманитарной дипломатии отражает Рисунок 16.

---

[526] Turkish Emergency Humanitarian Assistance.

[527] Аватков В.А. Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020 г. // Свободная мысль. – 2021. – №1 (1685). – С. 81–90.

[528] Davutoğlu A. Turkey's humanitarian diplomacy : objectives, challenges and prospects // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2013. – Vol. 41. – No. 6. – P. 865-870.

[529] В оригинале А. Давутоглу пишет о сочетании “conscience” и “power”, что может быть переведено не только как совесть, но и как сознательность и власть.

[530] Davutoğlu A. Op.cit. – P. 867.

[531] Аватков В.А. Идейно-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – Т. 12. – №4. – С. 113–129. ; Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция. – С. 183.

[532] Свистунова И.А. Гуманитарная политика Турции в странах постсоветского пространства // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – №2 (55). – С. 125–135.

[533] Национальная внешняя политика в «Век Турции» // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. 2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy-ru.ru.mfa (дата обращения: 25.04.2025 г.)

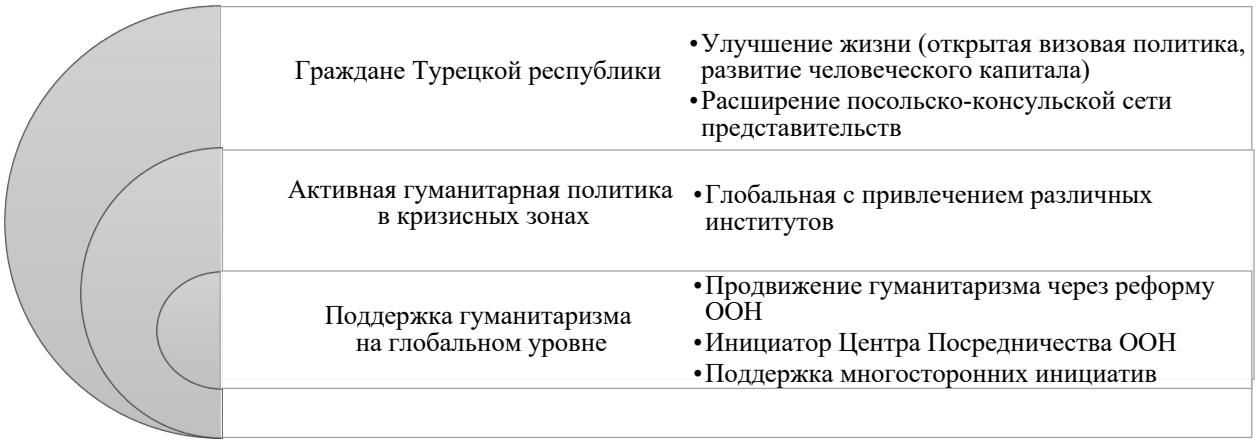

Рисунок 15 — Три компонента гуманитарной дипломатии Турции (Источник: составлено автором на основе исследования А. Давутоглу[534])

Рисунок 16 — Принципы гуманитарной дипломатии Турции (Источник: составлено автором на основе информации с сайта TİKA[535])

Турция применяет широкий субъектный подход к гуманитарной дипломатии, используя разнообразные инструменты для решения широкого набора задач (от содействия международному развитию до поддержки граждан Турции, образовательных и туристических инициатив [536] ,

[534] Davutoğlu A. Turkey's humanitarian diplomacy : objectives, challenges and prospects. – P. 867–868.
[535] About Us // TİKA. 2024. URL: https://tika.gov.tr/en/institutional/about-us/ (Last accessed: 20.05.2025).
[536] Ibid.

продвижения турецкой культуры[537]). Турция не выделяет сотрудничество по линии Юг-Юг как направление, но сочетает его и традиционный западный подход к реализации деятельности[538]: например, не связывает предоставление помощи с политическими реформами [539] и оказывает помощь Сирии преимущественно на своей территории [540] , но активно применяет вмешательство во внутренние дела государства[541] и использует терминологию КСР ОЭСР. Так, существует «турецкая модель помощи развитию» [542] , заключающаяся в безвозмездных проектах в образовании, здравоохранении, культурной и других сферах [543] . Носит дуальный характер: продолжает получать средства в качестве реципиента, например, в результате гуманитарных катастроф[544]. Целями реализации гуманитарной дипломатии являются повышение статуса в мировой политике, укрепление влияния и создание позитивного имиджа[545].

Внешнеполитические документы Турции почти не размещены в открытом доступе, поэтому приходится ориентироваться на доступные законы, доктринальные статьи и публикации внешнеполитических институтов. Так, МИД стремится создать условия для справедливости и

---

[537] Свистунова И.А. Гуманитарная политика Турции в странах постсоветского пространства. – С. 128.

[538] Sucuoglu G., Strams J. Turkey in Somalia : Shifting Paradigms of aid. – Johannesburg : South African Institute of International Affairs, 2016. – 52 p. URL: https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2016/11/Turkey-In-Somalia-Shifting-Paradigms-of-Aid.pdf (Last accessed: 20.05.2025).

[539] Tüyloğlu Y. Turkish Development Assistance as a Foreign Policy Tool and Its Discordant Locations. SWP Working Paper. April, 2021. – Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2021. – 28 p. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/CATS_Working_Paper_Nr_2_2021_Turkish_Development_Assistance_as_a_Foreign_Policy_Tool.pdf (Last accessed: 20.05.2025).

[540] Sucuoglu G., Strams J. Turkey in Somalia : Shifting Paradigms of aid. – P.11.

[541] Altunisik M.B. Humanitarian diplomacy as Turkey’s national role conception and performance : evidence from Somalia and Afghanistan // Southeast European and Black Sea Studies. – 2023. – Vol. 23. – No. 3. – P. 657–673.

[542] TİKA 1992'den Bu Yana 5 kıtada Yaklaşık 30 bin Proje Gerçekleştirdi.

[543] Свистунова И.А. Гуманитарная политика Турции в странах постсоветского пространства. – С. 127.

[544] Kavak G. Aid from African Countries to Türkiye After the Kahramanmaraş Earthquakes // Olgu Sosyoloji Dergisi. – 2023. – Vol. 2. – No. 1. – P. 20–35.

[545] Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция. – С. 185.

развития[546]. Определение гуманитарной дипломатии ранее было размещено на странице МИД Турции[547] и в статье А. Давутоглу в журнале Nationalities Papers. Также опубликован доклад с ключевыми определениями, понятиями и подходами, используемыми в гуманитарной дипломатии[548]. Исследователи подчеркивают, что на деле система Турции является разветвленной и отличается от заявленного в программных документах большим количеством акторов, определяющей ролью партии и финансированием из внебюджетного фонда правительства, расходы которого скрыты[549] (см. Рисунок 17).

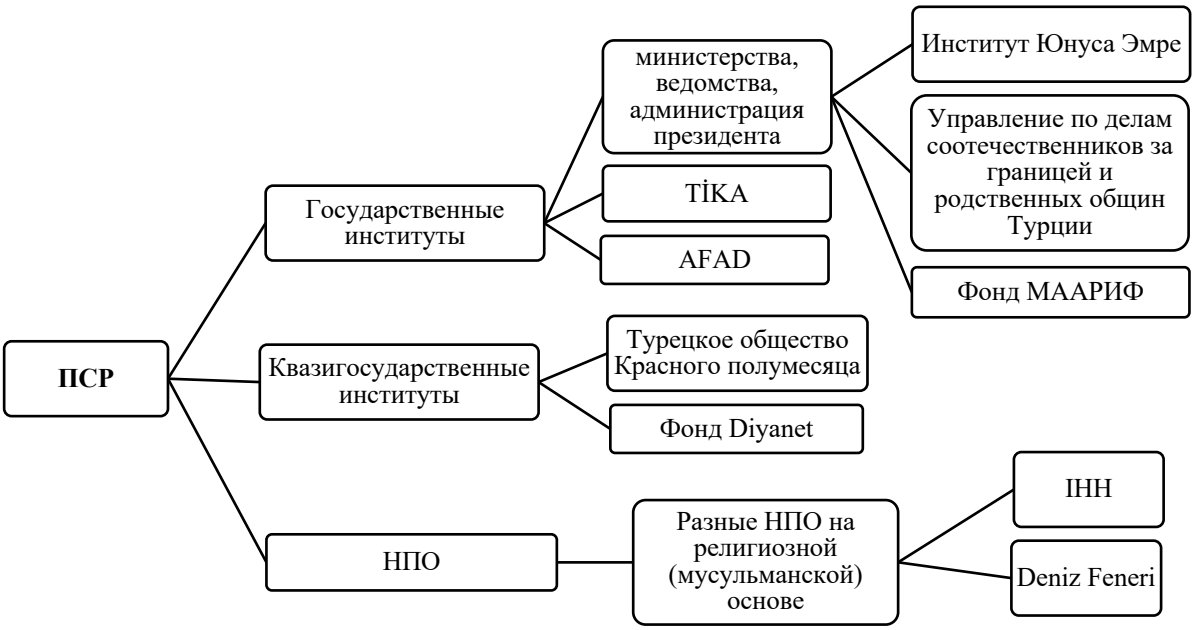

Рисунок 17 — Система гуманитарной дипломатии Турции (Источник: составлено автором на основе исследований С.А. Шерстюкова[550], В. Шейшане и Г. Танриверди-Шейшане[551])

---

[546] Аватков В.А. Внешняя политика Турции 2002–2018. – М. : Издательство Юрайт, 2020. – 145 с.

[547] Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. 2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/ (Last accessed: 20.05.2025).

[548] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları.

[549] Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция. – С. 191. ; Шерстюков С.А. Гуманитарная политика Турции : изменение концептов, масштабов и целей // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – №6. – С. 101–111.

[550] Шерстюков С.А. Гуманитарная политика Турции : изменение концептов, масштабов и целей. – С. 107–108.

[551] Şeyşane V., Tanriverdi-Şeyşane G. States as ‘Humanitarians’: the Turkish Brand of Humanitarian Diplomacy // Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi. – Vol. 10. – No. 1. – P. 153–178.

Крупнейшим институтом Турции в сфере гуманитарной дипломатии является TİKA. С 2018 г. TİKA находится в ведении Министерства культуры и туризма Турции[552] (перед этим побывав в ведении МИД, а затем управления премьер-министра[553]). Институт занимается оказанием официальной помощи в целях развития (ОПР). Другим важным институтом является Управление по предотвращению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций при правительстве Турции (Afet ve Acil Durum Yönetimi Başkanlığı, AFAD), которое содействует гуманитарным и поисково-спасательным операциям, проходившим в 58 странах мира[554]. AFAD изначально было организацией, осуществлявшей деятельность на национальном уровне, но после 2009 г. начало заниматься международной деятельностью[555].

Большую роль в гуманитарной дипломатии Турции играют религиозные НПО, деятельность которых основывается на закяте[556]. Они активно взаимодействуют с партией и с другими организациями[557], поддерживают внешнюю политику Турции[558] и участвуют в международном развитии, например, в Африке[559]. Для НПО характерны условные пожертвования (в т.ч.

---

[552] Organization Chart.

[553] Çevik S.B. Narrating Turkey's Story : Communicating its Nation Brand through Public Diplomacy // Middle Powers in Global Governance : The Rise of Turkey / Ed. E. Parlar Dal. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 213–230.

[554] AFAD — 10 лет.

[555] Çevik S.B. Narrating Turkey's Story : Communicating its Nation Brand through Public Diplomacy. – P. 225.

[556] Çevik S.B., Sevin E., Baybars-Hawks B. State–Civil Society Partnerships in International Aid and Public Diplomacy : the Case of Turkey and Somalia // Communicating National Image through Development and Diplomacy. / Ed-s. J. Pamment, K.G. Wilkins. – Cham : Palgrave Macmillan Cham, 2018. – P. 169–192. Cit. in Altunisik M.B. Humanitarian diplomacy as Turkey's national role conception and performance : evidence from Somalia and Afghanistan. – P. 664.

[557] Шерстюков С.А. Гуманитарная политика Турции : изменение концептов, масштабов и целей. – С. 108.

[558] Turhan Y., Bahçesik Ş.O. The agency of faith-based NGOs in Turkish humanitarian policy and practice // Turkish Studies. – 2021. – Vol. 22. – No. 1. – P. 141–159.

[559] Siradag A. Benevolence or Selfishness: Understanding the Increasing Role of Turkish NGOs and Civil Society in Africa // Insight on Africa. – 2015. – Vol. 7. – No. 1. – P. 1–20. ; Donelli F. Turkey's Presence in Somalia : a humanitarian approach // The Depth of Turkish geopolitics in the AKP's foreign policy : From Europe to an extended neighbourhood / Ed-s. A. Chiratti, E. Diodatom, S. Doğan, F. Donelli, B. Yılmaz. – Perugia : Università per Stranieri di Perugia, 2014. – P. 35–51. ; Donelli F., Levaggi A.G. From Mogadishu to Buenos Aires: the Global South in the Turkish Foreign Policy in the Late JDP Period (2011-2017) // Middle Powers in Global

животных — курбаны[560]), доноры которых определяют направление и способ траты их денег[561]. С 2004 г. НПО получают налоговые льготы за свою благотворительную деятельность[562]. Закят обрабатывают не только НПО, но и квазигосударственные организации (Общество Красного полумесяца, Фонд Diyanet)[563].

Турция реализует проекты в различных направлениях от льготных займов до программ репродуктивного здоровья (см. Рисунок 18). Согласно докладам TİKA, наиболее популярным направлением деятельности гуманитарной дипломатии является помощь в чрезвычайных ситуациях и гуманитарная помощь (объем расходов на них отражает Рисунок 19). Также важное место занимает образование, помощь беженцам и административные расходы.

Governance : The Rise of Turkey / Ed. E. Parlar Dal. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 53–73.

[560] Курбан — жертвоприношение животного в исламе. В данной практике жертвуются деньги на осуществление жертвоприношения животного в стране, в которой требуется помощь.

[561] Donelli F. Features, Aims and Limits of Turkey's Humanitarian Diplomacy // Central European Journal of International and Security Studies. – 2017. – Vol. 11. – No. 3. – P. 59–83.

[562] Çelik N., Işeri E. Islamically oriented humanitarian NGOs in Turkey : AKP foreign policy parallelism // Turkish Studies. – 2016. – Vol. 17. – No. 3. – P. 429–448.

[563] About the project. ; Zakat.

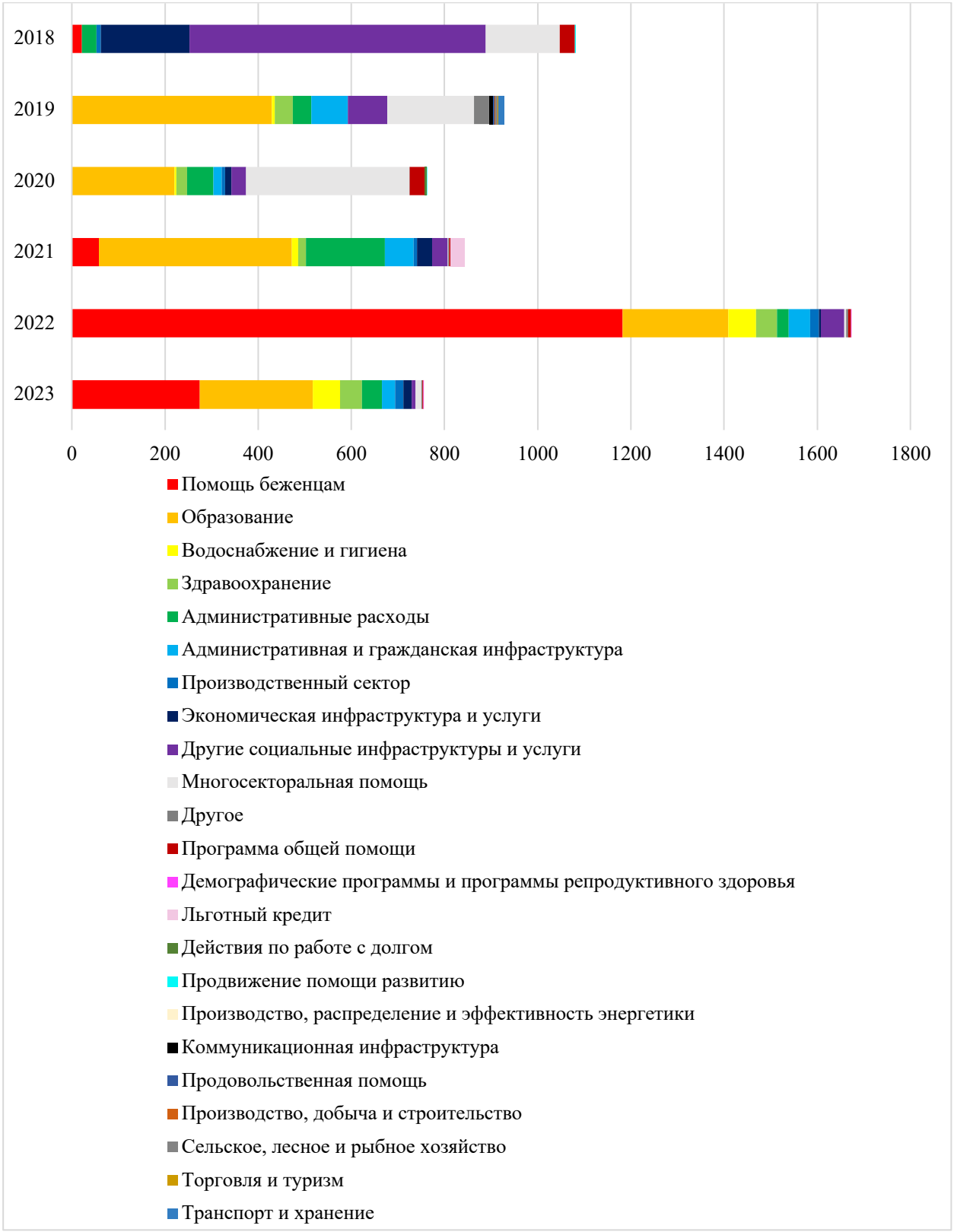

Рисунок 18 — Направления гуманитарной дипломатии Турции, за исключением гуманитарной помощи, млн долл. США (Источник: составлено автором на основе Докладов TİKA[564])

[564] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları.

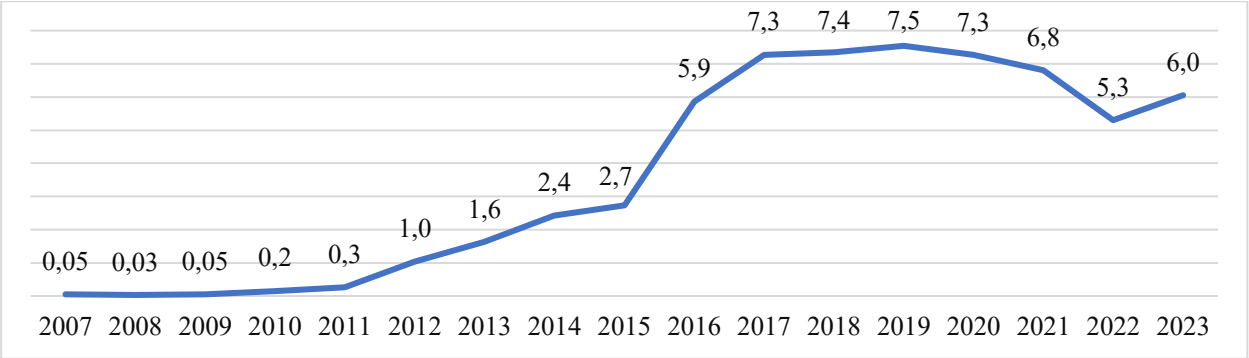

Рисунок 19 — Расходы на гуманитарную помощь Турции, млрд долл. США (Источник: составлено автором на основе Доклада TİKA[565])

Гуманитарная дипломатия Турции носит глобальный характер с региональным уклоном: наибольшее количество средств по двусторонним каналам направляется в Азию (см. Рисунок 20). Такой объем связан с большим объемом помощи Сирии — более 80% (в 2023 г. на нее пришлось 5,9 млрд долл. США[566]), причем, согласно исследователям, большая ее часть остается на территории Турции [567], что основано на стремлении к достижению безопасности региона.

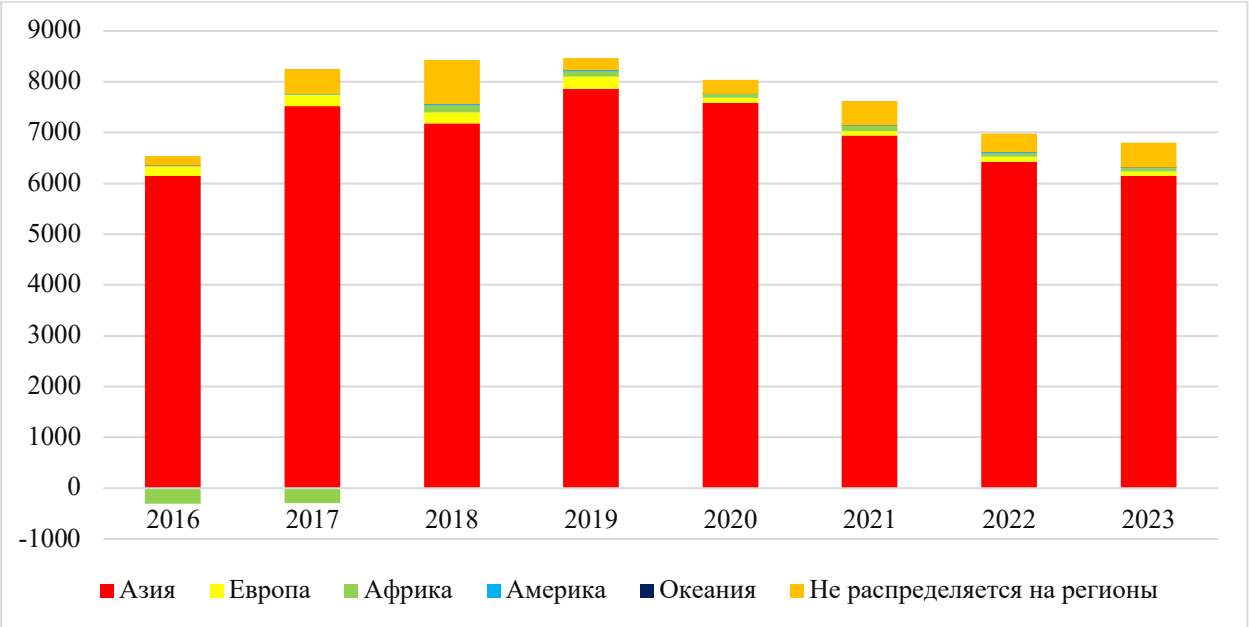

Рисунок 20 — Региональные направления двусторонней ОПР, млн долл. США (Источник: составлено автором на основе Доклада TİKA[568])

[565] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları.
[566] Ibid.
[567] Sucuoglu G., Strams J. Turkey in Somalia : Shifting Paradigms of aid. – P. 11.
[568] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları.

Без учета Сирии помощь носит достаточно сбалансированный характер, больше всего средств получают мусульманские страны Азии, Европы и Африки (см. Приложение Б, Рисунок 21). Это связано отчасти с тем, что гуманитарная дипломатия Турции на современном этапе основывается на трех факторах: османское прошлое (для Африки — отсутствие колониального прошлого[569] и существование исторических[570] связей), этнический фактор и религия[571], а новый принцип внешней политики Турции: действовать в соответствии с принципом оказания услуг всем мусульманам мира, всем подавленным государствам и всем мусульманским меньшинствам[572]. Латиноамериканское направление реализуется, но недостаточно активно.

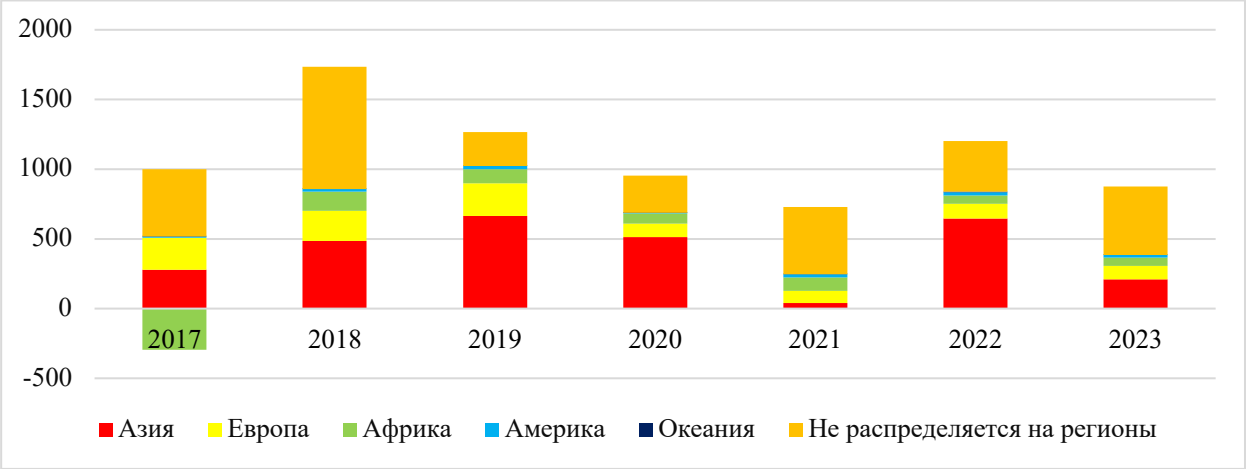

Рисунок 21 — Региональные направления двусторонней ОПР (без Сирии), млн долл. США (Источник: составлено автором на основе Доклада TİKA[573])

[569] Abdirahman A. Turkey's Foray into Africa: A New Humanitarian Power? // Insight Turkey Fall. – 2011. – Vol. 13. – No. 4. – P. 65–73. ; İpek V., Biletkin G. Turkey's Foreign Policy Implementation in Sub-Saharan Africa: A Post-International Approach // New perspectives on Turkey. – 2013. – No. 49. – P. 121–156.

[570] Rudincová K. New player on the scene: Turkish engagement in Africa // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. – 2014. – No. 25. – P. 197–213.

[571] Алиева А.И.к. Специфика современных подходов Турецкой Республики к оказанию помощи зарубежным государствам // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2017. – №1. – С. 56–92. ; Özkan M. Does "rising power" mean "rising donor"? Turkey's development aid in Africa // Africa Review. – 2013. – Vol. 5. – No. 2. – P. 139–147. ; Siradag A. Benevolence or Selfishness: Understanding the Increasing Role of Turkish NGOs and Civil Society in Africa. – P. 17.

[572] Gunter M.M. Turkey and the Middle East // The Routledge Handbook on Contemporary Turkey / Ed. J. Jondergen. – L. and N.Y. : Routledge, 2022. – P. 480–494.

[573] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları.

Турция взаимодействует по многосторонним каналам, участвует в миротворческих операциях, направляет средства в международные организации, подчеркивает важность многосторонних институтов[574], однако многостороннее сотрудничество не является популярным направлением дипломатии. Отчасти это может быть связано с желанием Турции самостоятельно устанавливать связи и укреплять свой имидж как страны с особым подходом. Несмотря на принятие терминологии, Турция не является членом КСР ОЭСР, но регулярно отправляет в КСР свои отчеты и отмечается организацией в качестве одного из крупнейших доноров современности[575].

Основными конкурентами в зонах интересов являются Иран [576] , Россия[577], США, КНР, Индия, Япония[578].

Гуманитарная дипломатия Турции является субъектной, включает в себя широкий набор видов деятельности, носит глобальный характер с региональным уклоном, преимущественно реализуется с целью укрепления глобального влияния, достижения безопасности в регионе и улучшения имиджа государства в регионе, периодически применялась для достижения признания, в т.ч. альтернативного. Сам инструмент реализуется децентрализованно, сопряжен с участием большого количества государственных органов, специализированных и квазигосударственных агентств и религиозных НПО, координирующая функция формально закреплена за МИД, но фактически осуществляется правящей партией. Эффективность инструмента снижена тяжелой гуманитарной обстановкой в стране и необходимостью содержать большое количество сирийских беженцев.

---

[574] Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция. – С. 186.
[575] Development Co-operation Profiles : Türkiye.
[576] Джилавян А.С. Неоосманская доктрина и геополитические интересы Турции в Закавказье и Центральной Азии // Вестник Российско-армянского (славянского) университета : гуманитарные и общественные науки. – 2014. – №2 (17). – С. 79–90.
[577] Parlar Dal E. Conceptualizing and testing the ‘emerging regional power’ of Turkey in the shifting international order // Third Word Quarterly. – 2016. – Vol. 37. – No. 8. – P. 1425–1453.
[578] Mehmetcik H. Turkey and India in the Context of Foreign aid to Africa // Middle Powers in Global Governance : The Rise of Turkey / Ed. E. Parlar Dal. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 255–275.

§ 2.5. Австралия: тихоокеанский актор

Гуманитарная дипломатия Австралии имеет длительную историю, отдельные эпизоды которой датируются XIX в.[579]. Воспринимая себя в качестве регионального игрока с глобальными интересами, которому требуется стабилизировать свое место в регионе и обеспечить внутреннюю безопасность страны[580], Австралия с самого начала отдает центральное место в своей гуманитарной деятельности Океании: совместно с союзниками — странами Севера — Австралия реализовывала программу на основе Плана Коломбо[581], направляя средства преимущественно в страны Океании[582] под руководством МИД Австралии для достижения региональной безопасности[583]. В 1973 г. было создано Агентство по содействию развитию Австралии (ADAA) как независимый орган помощи, которое впоследствии неоднократно переименовывалось и в 1993 г. превратилось в Агентство Австралии по международному развитию (AusAID)[584]. В конце 1990-х гг. Австралия начала участвовать в миротворческих миссиях, что ухудшило отношения с Индонезией, которые удалось восстановить только после оказания помощи в 2004 г. после цунами. В 2006 г. гуманитарная дипломатия Австралии получила закрепление в Белой книге по оказанию Австралией помощи в качестве неотъемлемой части внешней политики[585]. После получения непостоянного места в СБ ООН география деятельности расширилась:

---

[579] Twomey C., May A.J. Australian Responses to the Indian Famine, 1876–78: Sympathy, Photography and the British Empire // Australian Historical Studies. – 2012. – Vol. 43. – No. 2. – P. 233–252.

[580] Byrne C. Australia's pursuit of place in the world // The Oxford Handbook of Australian Politics / Ed-s. J.M. Lewis, A. Tiernan. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – P. 241–262.

[581] Davis T.W.D. Foreign Aid in Australia's Relationship with the South : Institutional Narratives // The Round Table : The Commonwealth Journal of International Affairs. – 2011. – Vol. 100. – No. 415. – P. 389–406.

[582] Eldridge P.J. Indonesia and Australia : the politics of aid and development since 1966 / Ed. R.T. Shand. – Canberra : The Australian National University, 1979. – 233 p.

[583] Cassity E. Cast the net a little wider : Australian aid in the South Pacific // International Journal of Educational Development. – 2008. – Vol. 28. – No. 3. – P. 246–258.

[584] Davis T.W.D. Op.cit. – P. 397.

[585] Garett B., Wanner T. Aid for trade and ecologically sustainable development in Australia's international aid // Australian Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 17. – No. 6. – P. 661–677.

появились направления Африки и Латинской Америки [586], что было обусловлено необходимостью поддержания статуса Австралии. В 2014–2017 гг. ввиду негативного восприятия населением гуманитарная деятельность была свернута: AusAID было ликвидировано и передано в структуру МИД Австралии, бюджет урезан, эксперты распущены [587], а мировая репутация государства ухудшилась [588], среди получателей сохранились только страны Океании ввиду стратегической ценности для Австралии[589]. В 2017 г. ввиду усиления КНР в Индо-Тихоокеанском регионе и нарастающего противостояния США и КНР возникла необходимость в восстановлении гуманитарной дипломатии на традиционных территориях влияния, была выпущена Белая книга по внешней политике Австралии, где подчеркивалась роль гуманитарной деятельности[590]. Пандемия коронавируса стимулировала усиление гуманитарной дипломатии, а новое правительство Лейбористской партии способствовало возобновлению использования инструмента[591]. В 2023 и 2024 гг. продолжилось развитие направления: были выпущены обновленные документы по двум ключевым направлениям — международное развитие и гуманитарная помощь, а также запущен AusDevPortal для отслеживания актуальной информации об ОПР Австралии. При этом правительство не придает гуманитарной дипломатии как политическому инструменту большой важности: подчеркивается низкий интерес к этой тематике[592].

---

[586] Rosser A. Asia's rise and the politics of Australian aid policy // The Pacific Review. – 2016. – Vol. 29. – No. 1. – P. 115–136.
[587] Day B., Wells T. The Elite Paradigm Driving Australian Aid Policy : Learning to Live With the 'Cautious' Consensus // Asia and the Pacific Studies. – 2025. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1–11.
[588] McDonald M. Australian Foreign Policy under the Abbott Government: Foreign Policy as Domestic Policies? // Australian Journal of International Affairs. – 2015. – Vol. 69. – No. 6. – P. 651–669.
[589] Abbondanza G. Australia the 'good international citizen'? The limits of a traditional middle power // Australian Journal of International Affairs. – 2021. – Vol. 75. – No. 2. – P. 178–196.
[590] 2017 Foreign Policy White Paper. – Barton : Department of Foreign Affairs, 2017. – 136 p. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf (Last accessed: 21.05.2025).
[591] Day B., Wells T. The Elite Paradigm Driving Australian Aid Policy : Learning to Live With the 'Cautious' Consensus. – P. 1.
[592] Ibid., P. 7.

Гуманитарная дипломатия как термин не употребляется в практике Австралии, однако в нее входит два элемента: содействие международному развитию (СМР) и гуманитарная помощь (см. Рисунок 22). В официальных документах СМР полностью соответствует терминам ОЭСР[593]. Исходя из особенностей подхода можно говорить об объектной узконаправленной гуманитарной дипломатии. Отдельные исследования отмечают постепенный сдвиг подхода Австралии в сторону субъектного из-за риторики новых доноров[594], но направления деятельности все еще демонстрируют несколько объектный характер стран.

[593] Australia's International Development Policy.

[594] Yoshimatsu H., Maso R. Maintaining influence through economic statecraft: Australia's response to China's presence in the Pacific region // Asian Politics & Policy. – 2024. – Vol. 16. – No. 2. – P. 145–164.

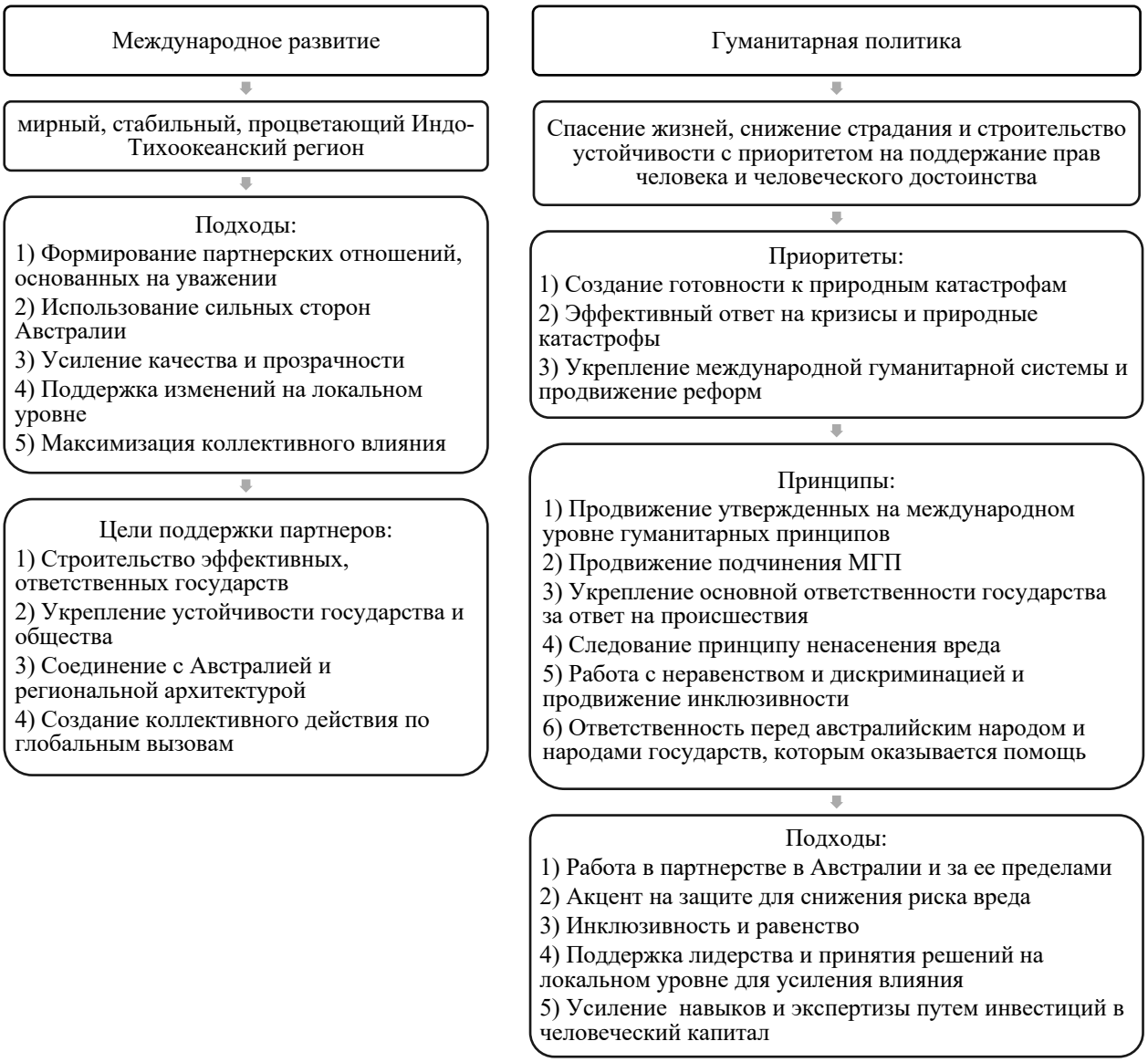

Рисунок 22 — Два компонента гуманитарной дипломатии Австралии (Источник: составлено автором на основе стратегических документов[595]*)*

Гуманитарная дипломатия реализуется МИД Австралии при поддержке других министерств, ведомств, бизнес-сообщества и НПО [596] под единым брендом Australian Aid (официально называющимся Программа Австралии по развитию), а гуманитарная помощь реализуется под программой Australia

[595] Australia's International Development Policy ; Australia's Humanitarian Policy.
[596] Who we work with.

Assists [597] . Деятельность регулируется несколькими документами: Белой книгой по внешней политике 2017 г. [598] , Политикой Австралии в международном развитии 2023 г. [599] и Гуманитарной политикой Австралии 2024 г.[600]

Направления оказания помощи выбираются с учетом следующих параметров: соответствие национальным интересам Австралии, продвижение инклюзивного развития и снижение уровня бедности, вклад в повышение ценности проекта и привлечение финансирования от партнеров, деятельность приведет к результатам и соотносится в цене и качестве[601].

Тематические направления гуманитарной дипломатии Австралии отличаются относительной стабильностью: наибольший объем средств направляется на проекты в сфере управления (эффективного управления до 2020 г.), также до 2020 г. большой объем средств направлялся на проекты в секторе гуманитарной помощи, однако после начала пандемии гуманитарные проекты уступили в финансировании сфере здравоохранения (см. Рисунок 23).

[597] Australia Assists.
[598] 2017 Foreign Policy White Paper.
[599] Australia’s International Development Policy.
[600] Australia’s Humanitarian Policy.
[601] 2017 Foreign Policy White Paper. – P. 90.

Рисунок 23 — Тематические направления гуманитарной дипломатии Австралии в 2017–2023 гг., млн австр. долларов (Источник: составлено автором на основе отчетных документов[602])

Гуманитарная дипломатия Австралии носит глобальный характер с региональным уклоном (см. Рисунок 24, Приложение В). Крупнейшим направлением двусторонней помощи являются страны Тихоокеанского региона, получающие регулярно около 30–40% средств гуманитарной дипломатии Австралии (причем, около 30% этих средств направляются на проекты по улучшению управления территорий), больше всего получают Папуа-Новая Гвинея и Соломоновы острова. Вторым направлением по объему средств являются страны Юго-Восточной Азии (около четверти средств, большая часть которых идет на управление и образование), где большая часть направляется в Индонезию и Восточный Тимор[603]. Эти страны относятся к приоритетному для Австралии Индо-Тихоокеанскому региону. Тем не менее, в

[602] Statistical Summaries — Australia's International Development Cooperation 1999–2000 to 2023–2024.
[603] Ibid.

другие регионы также направляются средства: так, их получают страны Ближнего Востока и Африки. Доля латиноамериканских стран является низкой (менее 1%). Исследования показывают, что страны, поддерживающие Австралию в Международном валютном фонде, получают гораздо больше средств, чем другие. То есть Австралия использует этот инструмент для поддержания своей позиции в международных институтах[604].

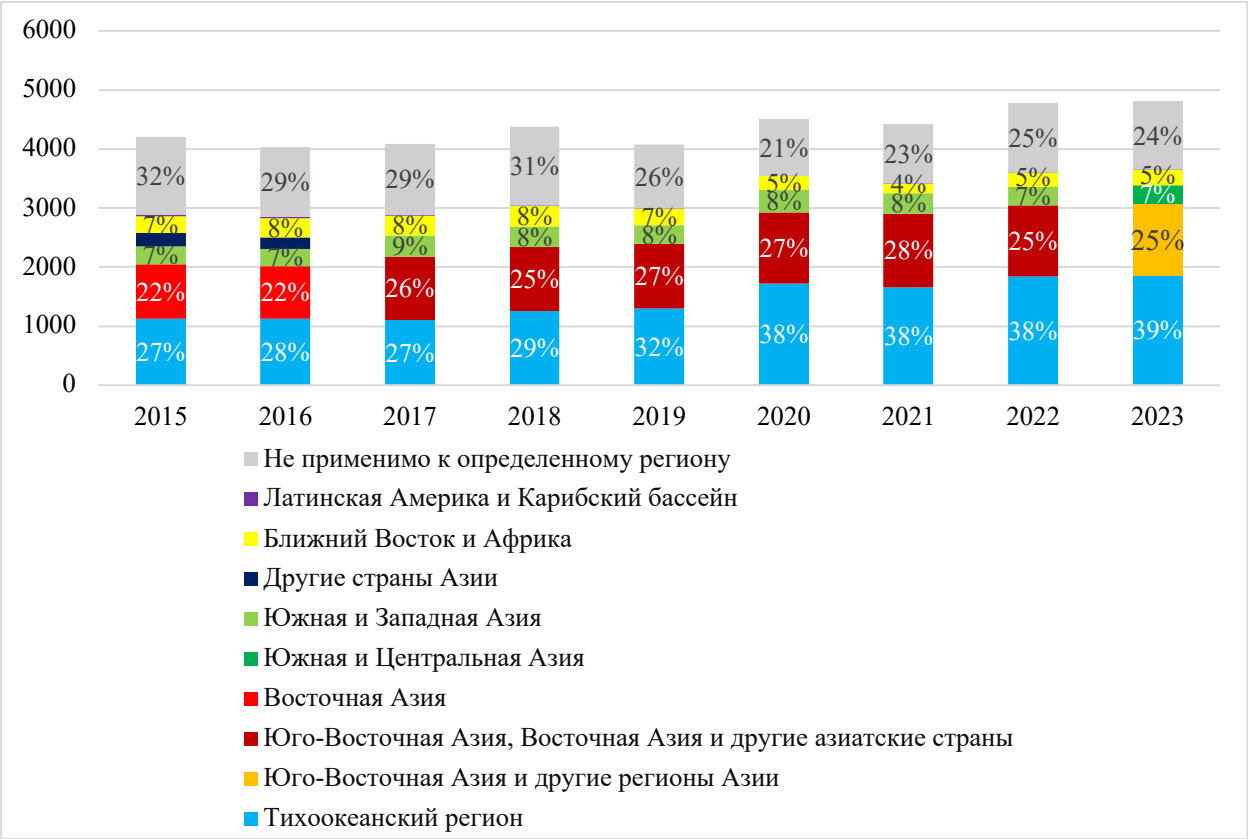

Рисунок 24 — Географические направления гуманитарной дипломатии Австралии в 2017–2023 гг., млн австр. долларов (Источник: составлено автором на основе отчетных документов[605])

Австралия не является изолированным актором: будучи членом КСР ОЭСР, она использует установленные стандарты[606], которым вынуждена соответствовать для получения признания в качестве члена организации. Она

[604] Lawrimore T.M., Vreeland J.R. Aid as a building bloc: Australia and the Bretton Woods Institutions // Australian Journal of Political Science. – 2018. – Vol. 53. – No. 4. – P. 463–479.
[605] Statistical Summaries — Australia's International Development Cooperation 1999–2000 to 2023–2024.
[606] Development Co-operation Profiles : Australia.

также активно принимает участие в миротворческих операциях с 1947 г.[607]. Сотрудничество с международными организациями осуществляется путем перечисления средств на их счет. В официальных отчетах Австралии не встречается термин «трехстороннее сотрудничество», а в приведенных гуманитарных мероприятиях отсутствует информация об участии иного государства. При этом в сети находятся отдельные примеры трехстороннего сотрудничества: с КНР в сфере малярии[608], с Францией и Новой Зеландией в гуманитарной сфере[609]. Таким образом, инструмент используется, но не является распространенным.

Главным конкурентом Австралии в Индо-Тихоокеанском регионе является КНР[610].

Гуманитарная дипломатия Австралии является объектной с ограниченным набором видов деятельности, носит глобальный характер с региональным уклоном («азиатско-тихоокеанский регионализм»[611]), преимущественно реализуется с целью укрепления глобального влияния, противостояния конкурентам, достижения признания, нормализации и укрепления отношений с партнерами и улучшения имиджа государства в регионе, не использовалась для достижения альтернативного признания. Сам инструмент реализуется централизованно, сопряжен с участием большого

---

[607] Scott D. Australia as a Middle Power : Ambiguities of Role and Identity // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. – 2013. – Vol. 14.– No. 2. – P. 111–122.

[608] Zhang D. China–Australia–Papua New Guinea Trilateral Aid Cooperation on Malaria Control // Australian National University. In Brief. 2015. No. 14. – 2 p. URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/server/api/core/bitstreams/5a1075a3-da1a-4a6c-b802-65d71d47242a/content (Last accessed: 28.05.2025).

[609] 30th anniversary of the FRANZ trilateral cooperation arrangement.

[610] Wallis J. Is it time for Australia to Adopt a “Free and Open” Middle-power Foreign Policy? // Asia Policy. – 2020. – Vol. 15. – No. 4. – P. 7–20. ; Pennington L. Partner of Choice : Australian National Interest in Infrastructure Development Programs in Papua New Guinea // Asia and the Pacific Policy Studies. – 2024. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1–9.

[611] Wilkins T. Australia and middle power approaches to Asia Pacific regionalism // Australian Journal of Political Science. – 2017. – Vol. 52. – No. 1. – P. 110–125.

количества государственных органов, зависит от правящей партии, действия которой зависят от общественного мнения[612].

§ 2.6. Индия: региональный партнер-кредитор, стимулирующий развитие человеческого потенциала партнеров

Гуманитарная дипломатия Индии возникла после окончания Второй мировой войны в качестве инструмента повышения экспертизы ученых, преодоления барьеров развития и предоставления доступа гражданам Индии к мировым университетам[613] путем приглашения иностранных граждан на обучение в Индию для обмена знаниями[614], что потом привело к вовлечению Индии в международный План Коломбо[615]. Индия, оставаясь реципиентом помощи, активно осуществляла свою деятельность в странах-соседях по нескольким направлениям, что привело к началу институционализации инструмента: первым институтом для координации и мониторинга помощи стала Миссия помощи Индии в Катманду (India Aid Mission), позднее получившая название Миссии сотрудничества Индии. В 1960-х гг. в качестве институтов начали организовываться двусторонние комиссии для реализации совместных проектов с партнерами[616], в 1964 г. была создана Программа Индии по техническому и экономическому сотрудничеству (Indian Technical and Economic Cooperation)[617], в 1966 г. появился инструмент кредитных линий

---

[612] McDonald M. Australian Foreign Policy under the Abbott Government : Foreign Policy as Domestic Policies? – P. 664.
[613] Agarwal M. The role of aid in India's economic development cooperation : Finance, capacity building and police advice // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. 14–28.
[614] Introduction // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. xxxi–xxxv.
[615] Oakman D. Facing Asia : A history of the Colombo Plan. – Canberra : ANU Press, 2010. – 323 p.
[616] Introduction // India's Approach to Development Cooperation. – P. xxxii.
[617] Tuhin K. India's development cooperation through capacity building // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. 29–44.

для предоставления займов партнерам [618]. Всё это осуществлялось под доктринами Неру и Индиры, согласно которым важное значение уделялось региону Южной Азии [619]. В 1990 г. произошел переход к принципу невзаимности в отношениях с соседями[620]. В 2003 г. подход к гуманитарной дипломатии был пересмотрен: Индия частично отказалась от получения помощи и выразила готовность выплатить свой долг перед странами-донорами, появились льготные кредитные линии через Экспортно-импортный банк Индии[621], где проценты на себя взяло Правительство Индии, также была организована Инициатива по международному развитию (позднее получила название Индийская схема помощи в сфере развития и экономики, the Indian Development and Economic Assistance Scheme, IDEAS) [622]. В 2007 г. возникла идея создать единое агентство — Агентство Индии по сотрудничеству в сфере международного развития, но из-за длительных задержек и отсутствия консенсуса между министерствами было принято решение отказаться от этой идеи[623]. В 2012 г. было создано Управление по делам развития и партнерства (Development Partnership Administration) в составе МИД [624]. В целом, гуманитарная дипломатия как инструмент применялась и продолжает применяться для реализации одной из главных целей внешней политики Индии — достижения мирового статуса[625].

---

[618] Saxena P. India's credit lines: Instrument of economic diplomacy // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. 60–78.

[619] Wagner C. India's New Regional Environment : South Asia 2.0 // Global India : The Pursuit of Influence and Status / Ed. C. Ogden. – L. and N.Y. : Routledge, 2023. – P. 13–29.

[620] Ibid., P. 16.

[621] Fuchs A., Vadlamannati K.C. The Needy Donor : An Empirical Analysis of India's Aid Motives // World Development. – 2013. – Vol. 44. – No 1. – P. 110–128.

[622] Saxena P. India's credit lines : Instrument of economic diplomacy. – P. 61–62.

[623] Quadir F. Rising donors and the new narrative of 'South-South' cooperation : What prospects for changing the landscape of development assistance programmes? – Third World Quarterly. – 2013. – Vol. 34. – No. 2. – P. 321–338

[624] Шикин В.В., Дегтерева Е.А. Участие Индии в содействии международному развитию // Вестник Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – №1. – С. 32–40.

[625] Mohanty S.K. Shaping Indian development cooperation : India's mission approach in a theoretical framework // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. 1–13.

Принципы осуществления гуманитарной дипломатии Индии обусловлены ее историческим опытом поиска независимости[626] и получения помощи[627], основаны на индуизме и буддизме (см. Рисунок 25). Из формулы «Панча Шила», заимствованной из буддизма и содержащей пять основных принципов внешней политики, Индия переняла прежде всего политику антиколониализма, которая во многом определила стремление к деколонизации в азиатских и африканских странах[628], где реализовывались проекты в соответствии с нуждами этих стран[629]. Помимо этого, важен дух «Васудхайва Кутумбакам» (Vasudhaiva Kutumbakam), согласно которому мир является одной целой семьей[630],[631]. Также из буддизма заимствуются такие понятия как «каруна» (karuna) — «сострадание», а из индуизма «дана» (dāna) — акт доброты в отношении нуждающихся, «дхарма» (dharma) — праведный путь. Благотворительность в индуизме считается необходимой для поддержания космического порядка[632].

[626] Overview of India’s Development Partnership.
[627] Agarwal M. The role of aid in India’s economic development cooperation : Finance, capacity building and police advice. – P. 20.
[628] Оболенцева С.М., Тимофеева А.В., Усубова А.Р. Индия // Практика современной гуманитарной дипломатии / Д.А. Кузнецов, Н.В. Гавриленко, С.М. Оболенцева и др.; под редакцией Д.А. Кузнецова. – М. : «Эдитус», 2022. – С. 102–114.
[629] Mohanty S.K. Shaping Indian development cooperation : India’s mission approach in a theoretical framework. – P. 9.
[630] Overview of India’s Development Partnership.
[631] Многими причисляется к внешнеполитической доктрине Моди.
[632] Guillot J., Penan J., Grandclément L. India through Western eyes : a different way of managing humanitarian aid? // Humanitarian alternatives. 29.11.2022. URL: https://www.alternatives-humanitaires.org/en/2022/11/29/india-through-western-eyes-a-different-way-of-managing-humanitarian-aid/ (Last accessed: 23.05.2025).

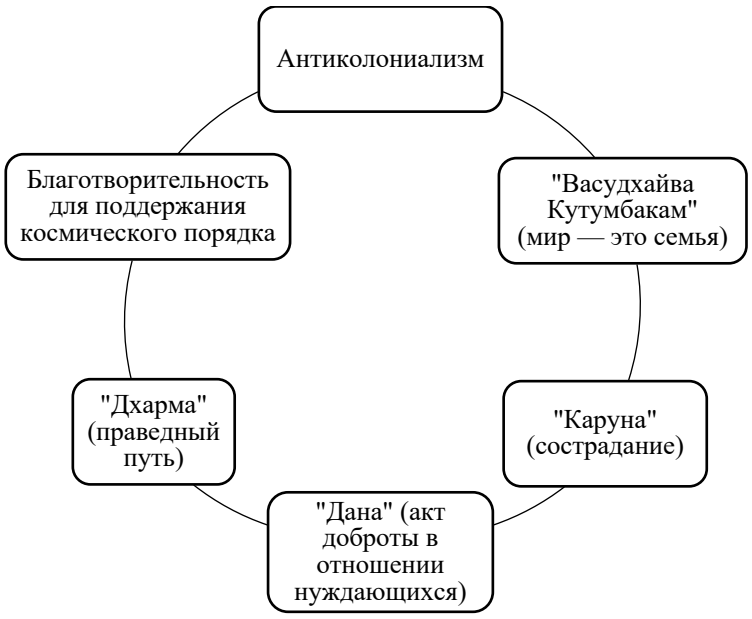

Рисунок 25 — Духовные особенности гуманитарной дипломатии Индии (Источник: составлено автором на основе исследования Ж. Гийо, Ж. Пенан, Л. Гранклеман[633] и данных МИД Индии[634])

Наиболее важным среди всех принципов гуманитарной дипломатии Индии (см. Рисунок 26) является принципиальное несогласие Индии с принципами КСР ОЭСР — вмешательством в дела других государств и обусловленностью помощи[635] (хотя сама Индия готова вмешиваться в дела других государств при необходимости, например, в гражданскую войну в Восточном Пакистане)[636]. Гуманитарная дипломатия преследует несколько целей: усиление политического влияния, стимулирование экспорта Индии, открытие новых рынков, улучшение репутации индийских товаров, получение ресурсов; и в связи с этим возникает идея о получении совместной выгоды для обоих партнеров, которая на практике сделала закупку минимум 75% индийских товаров и услуг условием предоставления кредитов (если не предусмотрены специальные условия)[637].

---

633 Guillot J., Penan J., Grandclément L. India through Western eyes : a different way of managing humanitarian aid?
634 Overview of India's Development Partnership.
635 Mohanty S.K. Shaping Indian development cooperation : India's mission approach in a theoretical framework. – P. 8.
636 Tekir G. Humanitarian diplomacy as a tool for India's Middle East strategy // İletişim ve Diplomasi. – 2023. – No. 10. – P. 3–22.
637 Saxena P. India's credit lines : Instrument of economic diplomacy. – P. 61.

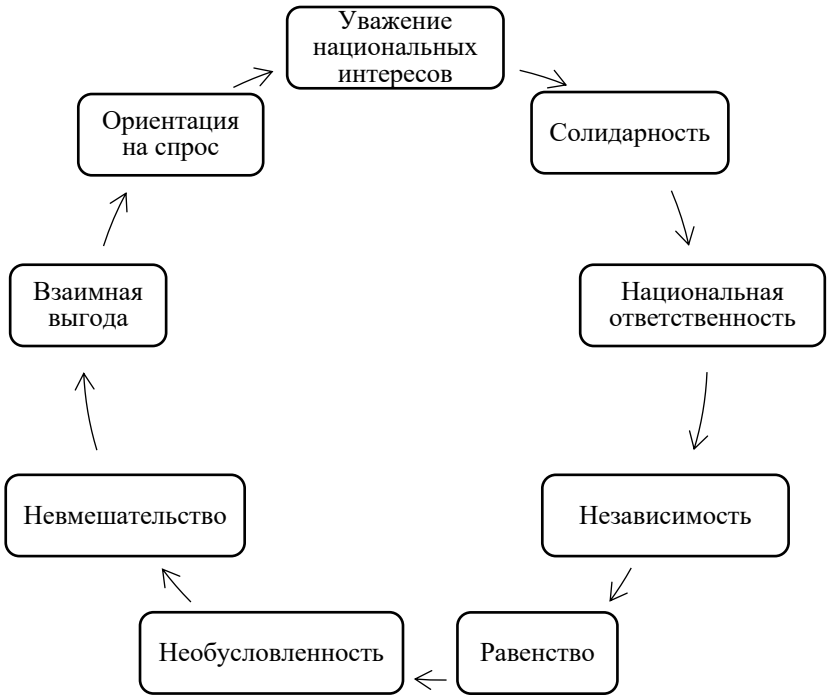

Рисунок 26 — Принципы гуманитарной дипломатии Индии (Источник: составлено автором на основе исследования аналитического центра RIS[638])

Индия в своей гуманитарной дипломатии использует субъектный широкий подход, основанный на сотрудничестве по линии Юг-Юг, оставаясь реципиентом[639]. Субъектность выражается в восприятии других стран как партнеров, организации небольших по объему проектов напрямую с партнерами для создания местного трудоустройства, где страны-партнеры самостоятельно разрабатывают план осуществления сотрудничества[640]. Под гуманитарной дипломатией в случае Индии (хотя такой термин не применяется) воспринимаются грантовая помощь, льготные кредиты, усиление человеческого потенциала и передача навыков, технологическое сотрудничество (в т.ч. техническая помощь), а также торговля, культура, строительство инфраструктуры и всесторонняя поддержка развития стран (в

[638] 75 Years of Development Partnership : Saga of Commitment to Plurality, Diversity and Collective Progress.
[639] Mehmetcik H. Turkey and India in the Context of Foreign aid to Africa. – P. 258.
[640] Agarwal M. The role of aid in India's economic development cooperation : Finance, capacity building and police advice. – P. 24.

т.ч. в виде кредитов)[641]. Такой обширный инструментарий гуманитарной дипломатии Индии вызывает спор среди исполнительных органов власти о природе инструментов: первичны ли для кредитных линий коммерческие интересы, а их политическая природа вторична, или же первичны национальные интересы Индии в использовании подобного инструмента, а чрезмерная коммерческая выгода снизит его эффективность[642]. При этом НПО не играют большой роли и не входят в систему помощи[643].

Индия не придерживается создания правовых механизмов регулирования деятельности, поэтому не существует официального внешнеполитического документа, в котором бы были закреплены идеи, цели, принципы и направления деятельности[644]. Таким образом, делать выводы о институционально-правовой природе гуманитарной дипломатии можно на основе существования институтов в системе, а также особенностей их взаимодействия и академической литературы.

Одним из ключевых институтов, реализующих гуманитарную дипломатию, является Управление по делам развития и партнерства в составе МИД Индии, которое объединяет в себе другие институты и инструменты гуманитарной дипломатии и регулирует деятельность и внедрение программ (см. Рисунок 27).

---

641 Mohanty S.K. Shaping Indian development cooperation : India's mission approach in a theoretical framework. – P. 1, 6. ; Overview of India's Development Partnership ; Saxena P. India's credit lines : Instrument of economic diplomacy. – P. 60.

642 Saxena P. India's credit lines : Instrument of economic diplomacy. – P. 68.

643 Mawdsley E., Roychoudhury S. Civil Society organisations and Indian development assistance : Emerging roles for commentators, collaborators, and critics // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. 79–93.

644 Li X., Zhou T. Chinese perspectives on India's development cooperation // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. 141–156.

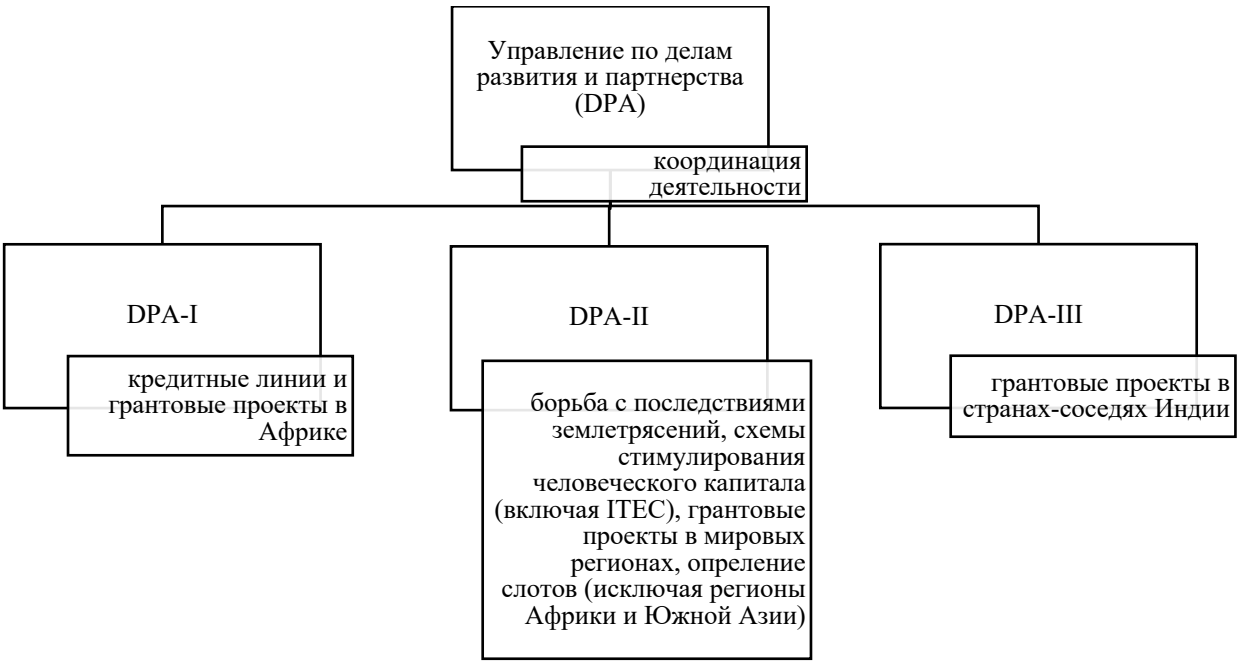

Рисунок 27 — Структура Управления по делам развития и партнерства Индии (Источник: составлено автором на основе исследования К. Тухина [645]*)*

В зону ответственности Программы Индии по техническому и экономическому сотрудничеству (ITEC) входят профессиональное обучение в Индии представителей стран-партнеров, консультационные услуги, направление индийских экспертов за рубеж, обучающие туры и помощь после природных бедствий [646]. Также реализуются дополнительные программы, например, Специальная программа помощи Содружества для Африки (the Special Commonwealth Assistance for Africa Programme, SCAAP), координируемая Великобританией; Панафриканская электронная сеть для создания сети на континенте[647].

Преимущественно гуманитарная дипломатия Индии реализуется через кредитные линии, грантовая помощь не высока (см. Рисунок 28). Индия ранее специализировалась на сельском хозяйстве и производстве, но постепенно

[645] Tuhin K. India's development cooperation through capacity building. – P. 33.
[646] Chaturvedi S., Chenoy A.M., Chopra D., Joshi A., Lagdhyan K.H.S. Indian Development Cooperation : The State of the Debate / Institute of Development Studies. – Brighton : IDS, 2014. – 48 p. URL: https://opendocs.ids.ac.uk/articles/report/Indian_Development_Cooperation_the_State_of_the_Debate/26480827?file=48254923 (Last accessed: 23.05.2025).
[647] Li X., Zhou T. Chinese perspectives on India's development cooperation. – P. 147.

стала развивать помощь в сфере телекоммуникаций и здравоохранения, а также в социальном секторе и секторе индустриализации и услуг [648]. Кредитные линии преимущественно направляются на инфраструктурные энергетические и производственные проекты, а также приобретение индийских товаров[649].

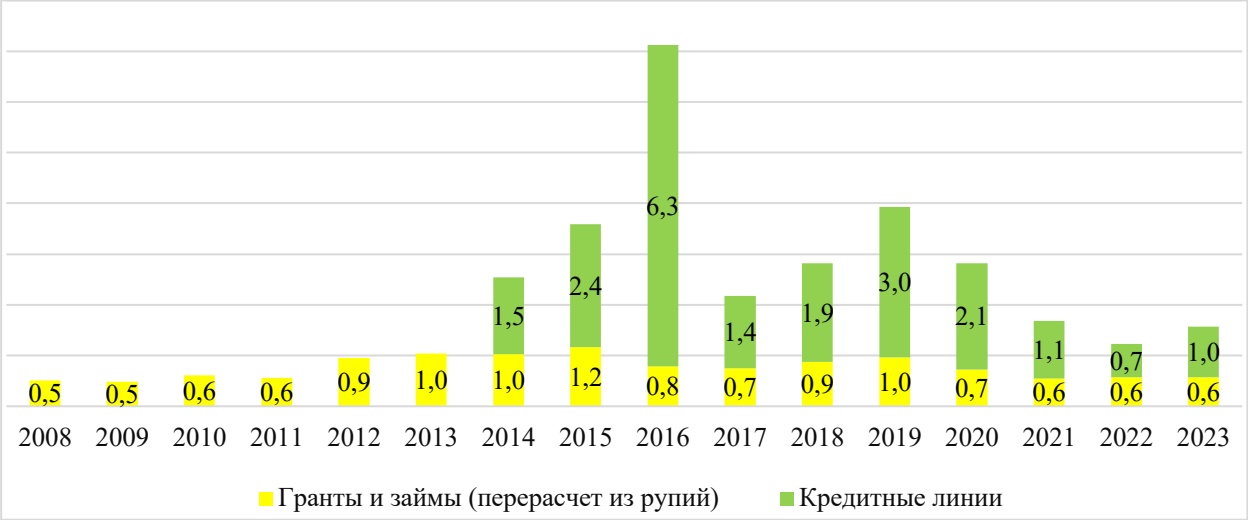

Рисунок 28 — Объемы гуманитарной дипломатии Индии, млрд долл. (Источник: составлено автором на основе статистики[650])

Несмотря на глобальную активность, ключевыми регионами для Индии являются Южная Азия и страны Африки (политика «соседи превыше всего» [651]), при этом деятельность осуществляется в Центральной Азии, Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии[652], на Ближнем Востоке[653] — ввиду необходимости энергетической безопасности и зависимости от

---

[648] Mohanty S.K. Shaping Indian development cooperation: India's mission approach in a theoretical framework. – P. 8.
[649] Lines of Credit.
[650] Grants & Loans ; Reference Rate Archive // Reserve Bank of India. 2025. URL: https://www.rbi.org.in/scripts/ReferenceRateArchive.aspx (Last accessed: 23.05.2025).
[651] Singh B., Singh S., Singh B., Chattu V.K. India's Neighbourhood Vaccine Diplomacy During COVID-19 Pandemic : Humanitarian and Geopolitical Perspectives // Journal of Asian and African Studies. – 2023. – Vol. 58. – No. 6. – P. 1021–1037.
[652] Agrawal S. Emerging donors in International Development Assistance : The India Case. – New Delhi : India Focus, 2007. – 18 p. – URL: https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/server/api/core/bitstreams/e965db00-ce76-4f1d-b140-4ef7d8f01df2/content (Last accessed: 23.05.2025).
[653] Tekir G. Humanitarian diplomacy as a tool for India's Middle East strategy. – P. 5, 9–15.

ресурсов[654]. Согласно данным, большая часть грантов приходится на Бутан, Непал и другие страны Южной Азии, как и кредитных линий: большая часть средств направляется в Южную Азию и Африку[655]. При этом возникают и новые направления — так после 2014 г. Индия начала активно направлять средства тихоокеанским странам[656], а также латиноамериканским странам[657], хотя и объем средств остается невысоким (см. Рисунок 29).

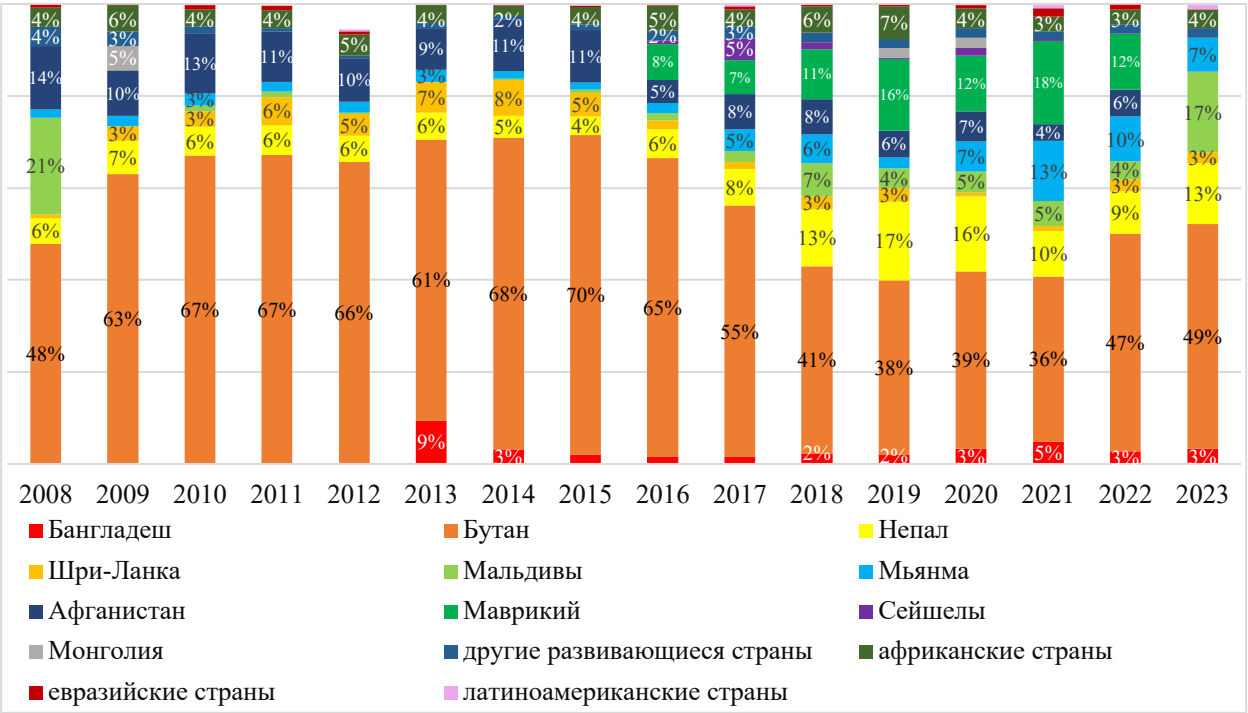

Рисунок 29 — Направления грантов гуманитарной дипломатии Индии, % (Источник: составлено автором на основе статистики[658])

Индия активно вовлечена в многостороннее и трехстороннее сотрудничество: это подтверждают как исторические взаимодействия во время Плана Коломбо, так и участие в программе SCAAP и членство в Фонде ИБСА (Индия, Бразилия, ЮАР), который специализируется на сотрудничестве по линии Юг-Юг и реализует программы в развивающихся

---

654 Beri R. India's evolving blueprint for cooperation with Africa // India’s Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N.Y. : Routledge, 2016. – P. 125–140.

655 Lines of Credit.

656 Prakash T. India’s Foreign Aid to the Pacific : A Strategic Tool of Cooperation? // Global India : The Pursuit of Influence and Status / Ed. C. Ogden. – L. and N.Y. : Routledge, 2023. – P. 191–207.

657 Дмитриева В.А. Перспективы гуманитарной дипломатии БРИКС в Латинской Америке после расширения группы // Управление и политика. – 2023. – Т. 2. – №4. – С. 24–36.

658 Grants & Loans.

странах в разных сферах. Подобные программы фактически используются для расширения влияния и усиления видимости гуманитарной дипломатии партнеров[659]. Помимо этого, Индия поддерживает совместные публикации с другими акторами[660]. Как уже было отмечено ранее, Индия не является членом КСР ОЭСР и не поддерживает подход организации.

Индия соперничает с КНР за основные сферы влияния, например, в Южной Азии и Африке[661], а также с Пакистаном[662].

Гуманитарная дипломатия Индии является субъектной, включает в себя широкий набор видов деятельности (включая культурное и техническое сотрудничество), носит глобальный характер с региональным уклоном, преимущественно реализуется с целью укрепления регионального глобального влияния, продвижения собственной экономики и товаров, противостояния конкурентам (КНР) и улучшения имиджа государства в собственном регионе, не преследует целей достижения альтернативного признания. Сам инструмент реализуется преимущественно МИД, большую часть составляют кредитные линии, которые предоставляются на определенных условиях.

§ 2.7. Бразилия: адаптивный актор с исторически обусловленными связями

Внешняя политика Бразилии практически всегда ставила своей целью получение признания и повышение собственного статуса[663] (стремления к ним

---

[659] Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. The Role of IBSA Fund in Foreign Aid Policies of IBSA and BRICS Member States // MGIMO Review of International Relations. – 2024. – Vol. 17. – No. 1. – P. 113–134.

[660] Chaturverdi S. Towards health diplomacy : Emerging trends in India's South-South health cooperation // India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. – L. and N. Y. : Routledge, 2016. – P. 45–59.

[661] Li X., Zhou T. Chinese perspectives on India's development cooperation. – P. 150.

[662] Parry S.A., Bhat A.A. India's Humanitarian Diplomacy in South Asia: Navigating Determinants, Prospects, and Challenges // Res Militaris. – 2023. – Vol. 13. – No. 2. – P. 6105–6116.

[663] Buarque D. Brazil's International Status and Recognition as an Emerging Power : Inconsistencies and Complexities. – Cham : Palgrave Macmillan, 2023. – 216 p.

усилились после окончания Холодной войны[664], даже определялись попытки стать великой державой к 2000 г.[665]) и определялась в зависимости от линии президента[666]. Поэтому и гуманитарная дипломатия как инструмент внешней политики во многом зависит от президента, который принимает решение о необходимости ее использования. Инструмент гуманитарной дипломатии не является новым: он начал применяться еще в 1950-х гг., когда потребовалось сотрудничество для национального развития, хотя сама Бразилия еще была реципиентом[667], и продолжал использоваться в 1960–1970-х гг., а к 1980-м гг. Бразилия стала получать больше просьб о сотрудничестве, чем предложений в качестве реципиента[668]. В рамках этих договоренностей реализовывались отдельные проекты, например, совместное освоение реки Ла Плата[669]. Но периодические попытки сближения со странами Африки менялись в зависимости от текущих потребностей страны[670]. В 1987 г. было создано Бразильское агентство по сотрудничеству (Agência Brasileira de Cooperação,

---

[664] Lopes D.B., Casarões G., Gama C.F. A Tragedy of Middle Power Politics: Traps in Brazil's Quest for International Revisionism // Status and the Rise of Brazil : Global Ambitions, Humanitarian Engagement and International Challenges / Ed-s. P. Esteves, M.G. Jumbert, B.de Carvalho. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 51–70.

[665] Мартынов Б.Ф. Бразилия : предпосылки и трудности становления региональной державы // Две Америки в современных международных отношениях (1991–2023 гг.) / Ю.В. Боровский, Б.Ф. Мартынов. – М. : Аспект-Пресс, 2023. – С. 241–245.

[666] Seibert G. Brazil's Development and Financial Cooperation with African Countries // Brazil-Africa Relations : Historical Dimensions and Contemporary Engagements, From the 1960s to the Present / Ed-s. G. Seibert, P.F. Visentini. – Woodbridge : Boydell & Brewer, 2019. – P. 99–130. Cit. in Dye B.J. Brazil's Boom and Bust in Tanzania : A Case Study of Naivety? // Brazil-Africa Relations in the 21st Century : From Surge to Downturn and Beyond. – Cham : Springer Nature, 2021. – P. 73–94.

[667] McCann F.D. Brazilian Foreign Relations in the 20th century // Brazil in the International System : The Rise of a Middle Power / Ed. W.A. Selcher. – L. and N.Y. : Routledge, 1981. – P. 1–24.

[668] Jumbert M.G., Leita T. A Brief Moment in History or the Beginning of a New Trend? Brazil's Emerging Humanitarian Engagement in a Broader Context // Status and the Rise of Brazil : Global Ambitions, Humanitarian Engagement and International Challenges / Ed-s. P. Esteves, M.G. Jumbert, B.de Carvalho. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 177–194.

[669] Moneta C.J., Wichmann R. Brazil and the Southern Cone // Brazil in the International System : The Rise of a Middle Power / Ed. W.A. Selcher. – L. and N.Y. : Routledge, 1981. – P. 143–180.

[670] Dye B.J. Brazil's Boom and Bust in Tanzania: A Case Study of Naivety? // Brazil-Africa Relations in the 21st Century : From Surge to Downturn and Beyond. – Cham : Springer Nature, 2021. – P. 73–94.

ABC)[671]. В 2003 г. Бразилия благодаря президенту Луле да Силве начала активно использовать инструмент гуманитарной дипломатии, обратив внимание на развивающиеся страны Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока[672], преимущественно сотрудничество реализовывалось в форме необусловленных соглашений о техническом сотрудничестве, где обменивались практиками и знаниями[673], а также в форме корпоративных операций в Африке[674]. С 2007 г. Бразилия начала предоставлять кредиты на проекты[675]. В 2011 г. постепенно мировая повестка превзошла региональную[676], при этом на фоне ухудшения социально-экономической ситуации и разлада с МИД Бразилии[677] объем расходов на гуманитарную дипломатию был сокращен Д. Руссеф[678]. При президентах М. Темере и Ж. Болсонару произошло переориентирование гуманитарной дипломатии («головокружительная смена курса»[679]), расходы на Африку резко сократились, прекратилось предоставление кредитов[680] (см. Рисунок 30). Во многом это связано с риторикой Ж. Болсонару против сотрудничества по линии Юг-Юг и за более тесное сотрудничество с США, а также отход во внутренней политике от социальных проектов[681], которые в результате почти

---

[671] Brazilian Cooperation Agency.
[672] McGann J.G. Brazil : An Overview // Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers / Ed. J. G. McGann. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 329–338.
[673] Ibid., P. 335–336.
[674] Dye B.J. Brazil's Boom and Bust in Tanzania : A Case Study of Naivety? – P. 76.
[675] Carmody P. The rise of the BRICS in Africa : The geopolitics of south-south relations. – L./N.Y. : Zed Books, 2013. Cit. in Dye B.J. Brazil's Boom and Bust in Tanzania : A Case Study of Naivety? – P. 76.
[676] McGann J.G. Brazil : An Overview. – P. 336.
[677] Мартынов Б.Ф. Внешняя политика и политика безопасности // Бразилия : смена приоритетов в новом политическом цикле / отв. ред. В.М. Давыдов. – М. : ИЛА РАН, 2019. – С. 60–70.
[678] Stolte C. Brazil's Africa strategy : Role conception and the drive for international status. – L. : Palgrave Macmillan, 2015. – 234 p. Cit. in Dye B.J. Brazil's Boom and Bust in Tanzania : A Case Study of Naivety? – P. 76.
[679] Окунева Л.С. Бразилия : политическая конфронтация и перемена курса (2019–2022) // Латинская Америка : политический ландшафт на фоне турбулентности / отв. ред. З.В. Ивановский. – М. : ИЛА РАН, 2022. – С. 69–119.
[680] Dye B.J. Brazil's Boom and Bust in Tanzania : A Case Study of Naivety? – P. 76.
[681] Окунева Л.С. Бразилия : политическая конфронтация и перемена курса (2019–2022). – С. 85.

полностью приостановили гуманитарную дипломатию (правда с сохранением уже запущенных проектов)[682]. Тем не менее, возвращение Лулы да Силвы к власти может стимулировать использование инструмента гуманитарной дипломатии.

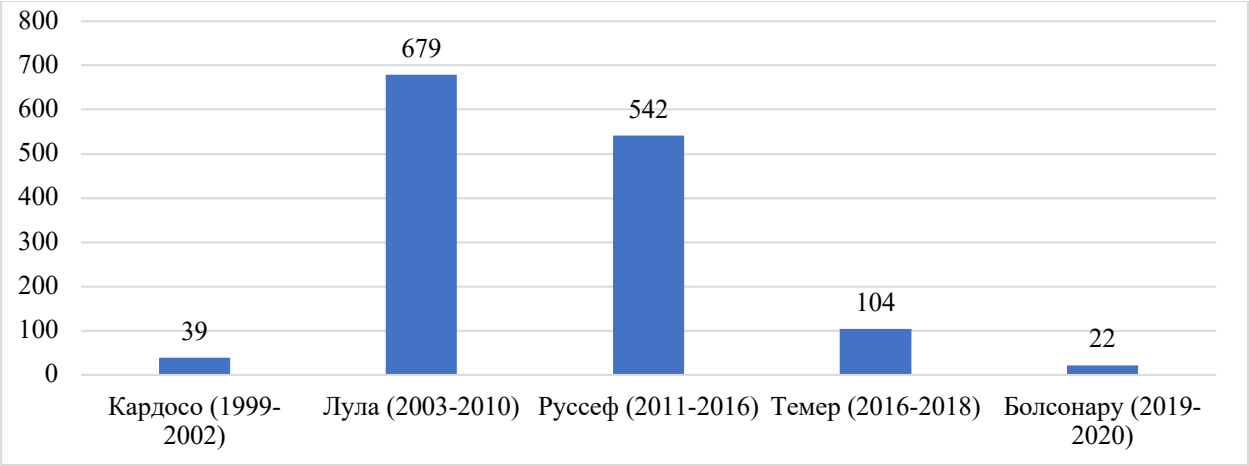

Рисунок 30 — Количество инициатив по линии Юг-Юг в зависимости от президента в 1999–2020 гг. (Источник: составлено автором на основе исследования М. Морайс ди Са и Силва[683])

Подход Бразилии к гуманитарной дипломатии представляет собой сочетание западного подхода с точки зрения необходимости действий и подхода стран Юга с точки зрения уважения суверенитета[684], что выражается в особом подходе, состоящим из множества принципов (см. Рисунок 31). Принцип неиндифферентности был принят вместо принципа невмешательства, т.к. он позволяет некоторое международное вмешательство и подчеркивает отказ от индифферентности[685]. Страны-партнеры получают

---

[682] Morais de Sá e Silva M. South-South cooperation resilience in Brazil: presidential leadership, institutions and bureaucracies // Third World Quarterly. – 2021. – Vol. 42. – No. 10. – P. 2353–2371.

[683] Morais de Sá e Silva M. South-South cooperation resilience in Brazil: presidential leadership, institutions and bureaucracies. – P. 2361.

[684] De Carvalho B. Brazil's (Frustrated) Quest for Higher Status // Status and the Rise of Brazil : Global Ambitions, Humanitarian Engagement and International Challenges / Ed-s. P. Esteves, M.G. Jumbert, B. de Carvalho. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 19–30.

[685] Esteves P. "Ikke-likegylighet' I brasiliansk utenrikspolitikk // Internasjonal Politikk. – 2011. – No. 2. – P. 282–292. Cit. in De Carvalho B., Jumbert M.G., Esteves P. Introduction: Brazil's Humanitarian Engagement and International Status // Status and the Rise of Brazil : Global Ambitions, Humanitarian Engagement and International Challenges / Ed-s. P. Esteves, M.G. Jumbert, B. de Carvalho. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 1–16.

статус равноправного партнера по развитию, а также применяются все характеристики сотрудничества по линии Юг-Юг, где Бразилия делится своим опытом, отличным от опыта стран Севера и представляет собой того, кто понимает нужды развивающихся стран[686].

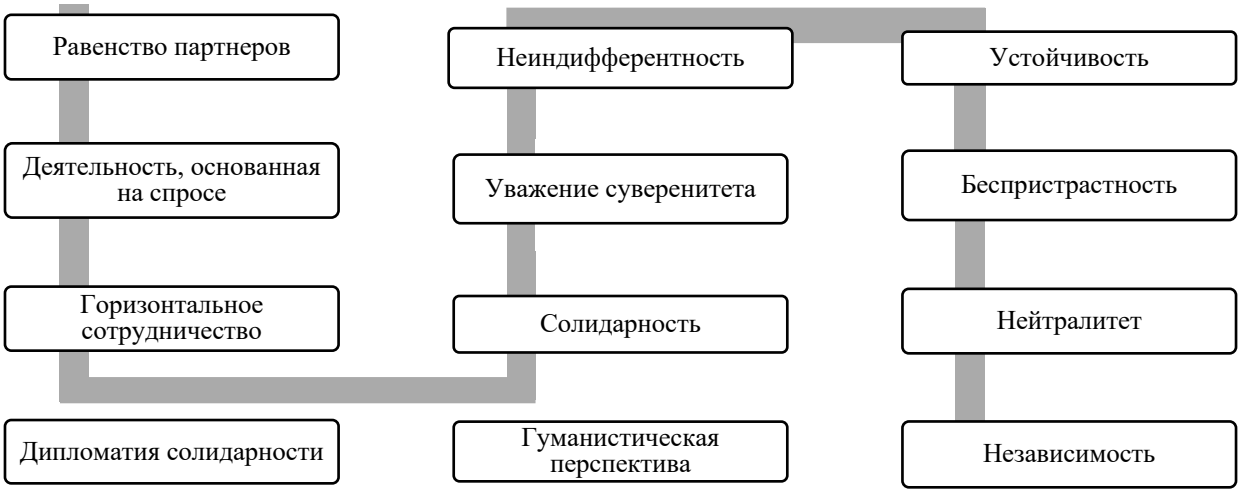

Рисунок 31 — Принципы гуманитарной дипломатии Бразилии (Источник: составлено автором на основе исследований М. Шатин[687] и Б. де Карвальо, М.Г. Жумберт, П. Эстевеша [688])

Бразилия реализует субъектную гуманитарную дипломатию в широком смысле под названием «международное сотрудничество» (Cooperação Brasileira para o Desenvolvimento Internacional, Cobradi), оставаясь при этом реципиентом. Международное сотрудничество — общие средства, направленные правительством Бразилии как полностью не подлежащие возврату гранты, правительствам других стран, народам других стран или международным организациям с целью внесения вклада в международное развитие, которое воспринимается как усиление способностей международных организаций и групп или населения других стран для улучшения социально-экономических условий [689] (хотя как показывает

[686] Chatin M. Brazil : a new powerhouse without military strength? – BRICS Policy Center, 2013. – 27 p.
[687] Chatin M. Brazil : a new powerhouse without military strength? – P. 8.
[688] De Carvalho B., Jumbert M.G., Esteves P. Engagement and International Status. – P. 9.
[689] Jumbert M.G., Leita T. A Brief Moment in History or the Beginning of a New Trend? Brazil's Emerging Humanitarian Engagement in a Broader Context // Status and the Rise of Brazil : Global

практика, система международного сотрудничества шире и включает в себя гражданское общество, бизнес-сообщества и академические сообщества[690]). Международное сотрудничество не включает кредитные линии[691], отчасти это связано с тем, что законы запрещают использование государственных средств за рубежом без разрешения Конгресса [692] . Виды международного сотрудничества отражает Рисунок 32.

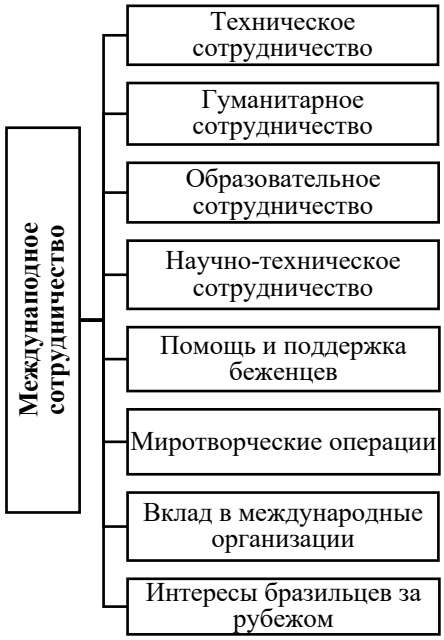

Рисунок 32 — Система гуманитарной дипломатии Бразилии (Источник: составлено автором на основе исследований М.Г. Жумберт, Т. Лейта[693]*)*

В Конституции Бразилии закреплены принципы, соответствующие гуманитарной дипломатии. Например, в качестве целей Бразилии закреплены борьба с бедностью и маргинализацией и снижение социальных и региональных неравенств, а также продвижение благополучия. В качестве принципов международных отношений отмечены, среди прочего,

---

Ambitions, Humanitarian Engagement and International Challenges / Ed-s. P. Esteves, M.G. Jumbert, B. de Carvalho. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 177–194.

[690] Programa 2316 – Relações Internacionais e Assistência a Brasileiras e Brasileiros no Exterior.

[691] Waisbich L.T. Active Non-Alignment: Brazil and the Measurement of South-South Development Cooperation // Revista Tempo Do Mundo. – 2023. – No. 31. – P. 55–86.

[692] Morais de Sá e Silva M. South-South cooperation resilience in Brazil : presidential leadership, institutions and bureaucracies. – P. 2359.

[693] Jumbert M.G., Leita T. A Brief Moment in History or the Beginning of a New Trend? Brazil’s Emerging Humanitarian Engagement in a Broader Context. – P. 183.

невмешательство, мирное разрешение конфликтов, сотрудничество между людьми для прогресса человечества[694].

В Программе 2316 «Международные отношения и помощь бразильцам за рубежом» на 2024–2027 гг. в качестве цели отмечено продвижение международного сотрудничества и интегрированное региональное развитие в связи с необходимостью изменения дипломатической проекции Бразилии для продвижения ценностей и интересов, поддержки внешнеполитической стратегии и предоставления помощи бразильцам, проживающим за рубежом [695] . Как было отмечено, реализацией занимаются не только государственные институты, но и НПО, академические сообщества и частный сектор. У Бразилии отмечается невидимая связь между коммерческими интересами и инициативами в развитии, и коммерческие игроки являются важными акторами гуманитарной дипломатии Бразилии и основными инвесторами[696]. При этом 80% инициатив реализованы преимущественно государственными институтами (90% из них — федеральными институтами), на частный сектор и НПО приходилось 20%[697]. Саму систему характеризует достаточно позднее развитие: например, отчеты появились только к 2010 г. из-за большого количества институтов, вовлеченных в систему, и ранее публиковались преимущественно за несколько лет [698] , последний отчет выпущен за 2021 г., а сами отчеты характеризует бессистемность включенных данных.

Ответственным институтом является Бразильское агентство по сотрудничеству, которое находится в управлении МИД Бразилии и занимается координацией, ведением переговоров, поддержанием и применением

---

[694] Constitution of the Federative Republic of Brazil.
[695] Programa 2316 – Relações Internacionais e Assistência a Brasileiras e Brasileiros no Exterior. – P. 1108.
[696] White L. Emerging powers in Africa : Is Brazil any different? // South African Journal of International Affairs. – 2013. – Vol. 20. – No. 1. – P. 117–136.
[697] Morais de Sá e Silva M. South-South cooperation resilience in Brazil : presidential leadership, institutions and bureaucracies. – P. 2363.
[698] Jumbert M.G., Leita T. A Brief Moment in History or the Beginning of a New Trend? Brazil's Emerging Humanitarian Engagement in a Broader Context. – P. 181, 190.

соглашений по линии Юг-Юг[699]. Среди других влиятельных акторов часто упоминаются Бразильский банк развития (Banco Nacional de Desenvolvimento Econômico e Social, BNDES), Бразильская сельскохозяйственная корпорация (Empresa Brasileira de Pesquisa Agropecuária, Embrapa) [700], Бразильское агентство продвижения экспорта и инвестиций (Brazilian Agency for the Promotion of Exports and Investment Promotion, APEX) которые помогают в системе.

Наиболее популярными направлениями помощи являются профессиональное образование, сельское хозяйство и здравоохранение[701]. Сельское хозяйство является важным направлением для достижения продовольственной безопасности и борьбы со снижением голода и бедности и включает в себя в том числе предоставление кредитов[702]. При этом тематика деятельности во многом зависит от президента: при Ф. Кардосо — здравоохранение и миротворчество, при Лула — борьба с бедностью и голодом, при Д. Руссеф — коммерческие интересы[703].

Гуманитарная дипломатия носит глобальный характер, но отмечается приоритет португалоговорящим странам Африки[704] и странам Латинской Америки и Карибского бассейна [705] (см. Таблица 4). Гуманитарное сотрудничество преимущественно приходится на Южную Америку — 75%[706].

---

[699] Brazilian Cooperation Agency.
[700] Борзова А.Ю. Стратегии Бразилии в области содействия развитию // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10. – №3. – С. 156–169.
[701] Inoue C.Y.A., Vaz A.C. Brazil as ‘Southern donor’ : beyond hierarchy and national interests in development cooperation? // Cambridge Review of International Affairs. – 2012. – Vol. 25. – No. 4. – P. 507–534. ; White L. Emerging powers in Africa : Is Brazil any different? – P. 129.
[702] Chatin M. Brazil : a new powerhouse without military strength? – P. 19.
[703] Jumbert M.G., Leita T. A Brief Moment in History or the Beginning of a New Trend? Brazil’s Emerging Humanitarian Engagement in a Broader Context. – P. 188.
[704] Chatin M. Brazil : a new powerhouse without military strength? – P. 19.
[705] Dimensionamento de Gastos das Instituições da Administração Pública Federal na Cooperação Brasileira para o Desenvolvimento Internacional. COBRADI 2017–2018. – P. 130–132. ; Дмитриева В.А. Перспективы гуманитарной дипломатии БРИКС в Латинской Америке после расширения группы. – С. 30.
[706] Dimensionamento de Gastos das Instituições da Administração Pública Federal na Cooperação Brasileira para o Desenvolvimento Internacional. COBRADI 2017–2018. – P. 134.

Таблица 4 — Топ-10 страновых направлений технического сотрудничества Бразилии в 2017–2018 гг., % объема направленных средств

Мозамбик	11,5%
Суринам	8,3%
Рег. Африка	7,6%
Гаити	5,2%
Эквадор	4,3%
Доминика	4%
Гвинея-Биссау	3,5%
Ангола	3,4%
Боливия	3,2%
Сан-Томе и Принсипи	3%

Источник: составлено автором на основе Докладов Cobradi[707]

Бразилия активно поддерживает многостороннее сотрудничество. Так, Бразилия участвует в миротворческих операциях ООН для обоснования своего стремления к получению места постоянного члена СБ ООН и усиления влияния во время своих двухлетних мандатов в качестве непостоянного члена СБ ООН[708], отмечая, что отказ от участия приведет к ухудшению отношений со странами региона и исключению из процесса принятия решений[709]. Бразилия не является членом ОЭСР и КСР ОЭСР, но активно разрабатывает собственные модели сотрудничества[710] совместно с другими международными организациями системы ООН. Трехстороннее сотрудничество достаточно распространено как с развитыми, так и с развивающимися странами, его удалось сохранить в качестве одного из важных инструментов и в период сокращения объемов помощи со стороны Ж. Болсонару[711]. Также Бразилия активно вовлечена в деятельность Фонда ИБСА, благодаря которому получает возможность закрепиться в Азии, Африке и Тихоокеанском регионе, в которых традиционно не имеет

[707] Ibid., P. 131.
[708] Uziel E.O Conselho de Segurança, as operações de manutenção da paz e a inserção do Brasil no mecanismo de segurança coletiva das Nações Unidas. – Brasilia : Funag, 2015. – 326 p. Cit. in Chatin M. Brazil : a new powerhouse without military strength? – P. 11.
[709] Chatin M. Brazil : a new powerhouse without military strength? – P. 12.
[710] Борзова А.Ю. Стратегии Бразилии в области содействия развитию. – С. 156.
[711] Waisbich L.T., Cabral L. Brazilian Civil Society and South-South Cooperation : Countering the Green Revolution from Abroad // IDS Bulletin. – 2023. – Vol. 54. – No. 1. – P. 127–144.

возможности участия ввиду ограниченности бюджета и иных национальных интересов[712].

Основными конкурентами Бразилии в Африке является КНР[713], а в Латинской Америке — Мексика и КНР[714].

Гуманитарная дипломатия Бразилии является субъектной, включает в себя широкий набор видов деятельности (включая образовательное и техническое сотрудничество), носит глобальный характер с региональным уклоном, преимущественно реализуется с целью укрепления глобального влияния, продвижения собственной экономики и товаров, противостояния конкурентам (КНР) и улучшения имиджа государства в собственном регионе, имел собой задачу получения признания мировых держав в качестве актора. Сам инструмент реализуется преимущественно МИД, большую часть составляет техническое сотрудничество, при этом значительно зависит от президентской внешней политики, что усложняет сохранение преемственности программ.

§ 2.8. ЮАР: африканский миротворец и инноватор

Гуманитарная дипломатия ЮАР как инструмент начала применяться еще во времена апартеида в 1961 г. для получения альтернативного признания и признания своей легитимности от африканских государств с целью снижения международной изоляции[715], и в течение тридцати последующих лет вплоть до отмены апартеида ЮАР направляла свою помощь африканским странам и

---

[712] Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. The Role of IBSA Fund in Foreign Aid Policies of IBSA and BRICS Member States. – P. 124.

[713] Amanor K.S., Chichava S. South-South Cooperation, Agribusiness, and African Agricultural Development : Brazil and China in Ghana and Mozambique // World Development. – 2016. – Vol. 81. – P. 13–23.

[714] Montoya M.A., Lemus D., Kaltenecker E. The Geopolitical Factor of Belt and Road Initiative in Latin America : The cases of Brazil and Mexico. – P. 8.

[715] Barber J., Barratt J. South Africa's Foreign Policy : The Search for Status and Security 1945–1988. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – Cit. in Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma : comparing South Africa and Brazil // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. – Vol. 32. – No. 1. – P. 22–42.

Парагваю[716]. В 1983 г. был создан Банк развития ЮАР для предоставления технического сотрудничества Лесото и Свазиленду[717]. Ввиду международной изоляции у ЮАР длительное время отсутствовал опыт получения помощи в качестве реципиента, что помешало использовать подобный опыт для развития собственной гуманитарной дипломатии[718]. В 1994 г. в результате отмены режима апартеида дипломатическая изоляция страны прекратилась, и зародилась концепция возрождения Африки («африканский ренессанс»), которая легла в основу гуманитарной дипломатии[719]. В 1999–2008 гг. ЮАР, следуя идеологическому принципу солидарности с развивающимся миром (при определении президентом Т. Мбеки внешнеполитической линии)[720], усилила свою активность в многосторонних региональных проектах, например, в Новом партнерстве в интересах развития Африки (New Partnership for Africa's Development, NEPAD), Африканском Союзе[721]. Позднее при президенте Дж. Зуме наметилась дистанция от африкоцентричной внешней политики, к которой вернулись при С. Рамапосе: гуманитарная дипломатия начала носить более экономический характер и стала главным инструментом правительства ЮАР, отодвинув политические аспекты на второй план, значение приобрело развитие инфраструктуры[722].

---

[716] Grobbelaar N. Rising powers in international development : the state of the debate in South Africa. IDS Evidence Report 91. – Brighton : IDS, 2014. – 67 p. URL: https://www.ids.ac.uk/download.php?file=files/dmfile/RPIDLiteratureReview.pdf (Last accessed: 28.05.2025).

[717] Grobbelaar N. Rising powers in international development: the state of the debate in South Africa. – P. 21.

[718] Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma : comparing South Africa and Brazil // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. – Vol. 32. – No. 1. – P. 22–42.

[719] Емельяненко Е. Принцип убунту во внутренней и внешней политике ЮАР // Международный аспект. – 2023. – №1. – С. 12–35.

[720] Vandome C. South Africa's Economic Diplomacy in Africa // South African Foreign Policy Review : Ramaphosa and a New Dawn for South African Foreign Policy / Ed-s. L. Masters, P. Mthembu, J.-A. van Wyk. – Sandton : AISA Press, 2023. – P. 253–274.

[721] Van der Westhuizen J., Milani C. R. S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma : comparing South Africa and Brazil. – P. 31.

[722] Vandome C. South Africa's Economic Diplomacy in Africa. – P. 253.

Принципы осуществления гуманитарной дипломатии (см. Рисунок 33) заложены африканской философией. Убунту — философская система, получившая название «африканский гуманизм», согласно которой между всеми людьми есть связь, а человек становится человеком только после взаимодействия с другими людьми[723]. Другим принципом является «бато пеле» (batho pele) — приоритет людям[724]. Гуманитарная дипломатия также отчасти обосновывается тем, что «невозможно преуспевать и богатеть в море бедности»[725].

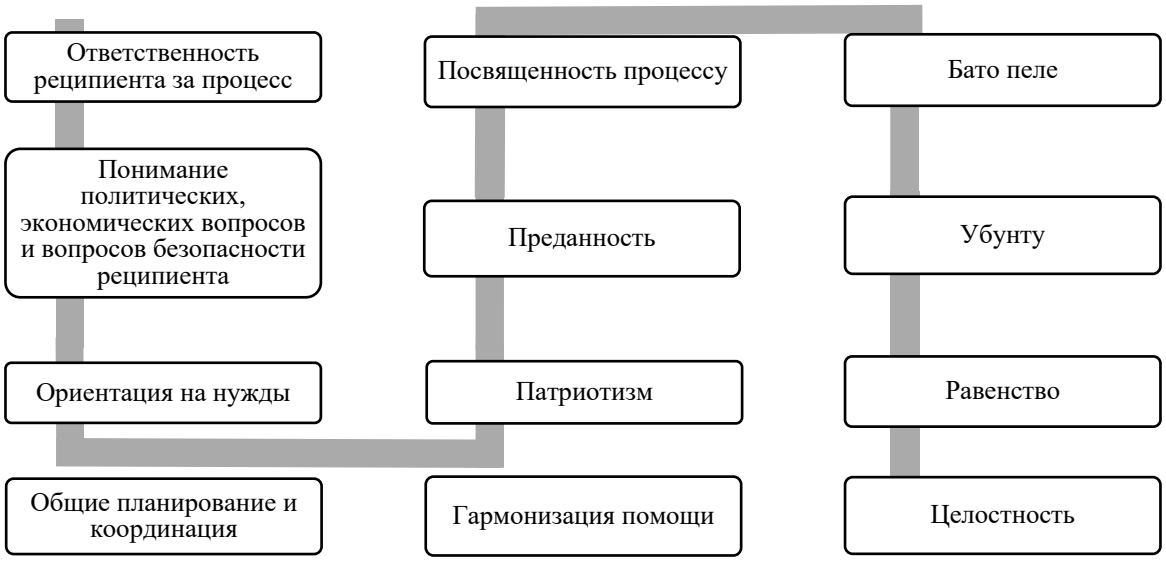

Рисунок 33 — Принципы гуманитарной дипломатии ЮАР (Источник: составлено автором на основе отчета Фонда[726])

Гуманитарная дипломатия ЮАР является субъектной с широким подходом, который соответствует определению сотрудничества по линии Юг-Юг, и подчеркивает свое стремление к партнерству и равенству (при этом несмотря на стремление отказаться от риторики о реципиентах, ЮАР активно использует этот термин в своих отчетных документах). Также ЮАР занимается миротворчеством, медиацией конфликтов, восстановлением после конфликтов и стабилизацией регионов, что часто не включается в узкое определение

[723] Емельяненко Е. Принцип убунту во внутренней и внешней политике. – С. 17.
[724] White Paper on South African Foreign Policy - Building a Better World : The Diplomacy of Ubuntu – P. 4.
[725] Van der Westhuizen J., Milani C. R. S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma : comparing South Africa and Brazil. – P. 31.
[726] 2023–2024 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF).

гуманитарной дипломатии[727]. ЮАР в том числе рассматривает возможность создания альтернативных институтов развития (Фонд ИБСА, Новый банк развития БРИКС), если традиционные институты развития не справляются с развитием Африки[728]. При этом ЮАР совмещает в себе дуальную роль, оставаясь реципиентом.

Принципы гуманитарной дипломатии и основные направления закреплены в Белой книге внешней политики ЮАР 2011 г.: так, убунту предполагает, что в национальных интересах ЮАР продвигать и поддерживать позитивное развитие других, процветанит страны, региона и континента[729], в т.ч. потому что африканские страны поддерживали деятельность партии Африканский национальный конгресс в период апартеида[730].

Ведение гуманитарной дипломатии возложено на МИД ЮАР (Министерство международных отношений и сотрудничества, Department of International Relations and Cooperation, DIRCO)[731]. Система гуманитарной дипломатии включает большое количество министерств, которых объединяет Фонд возрождения Африки (African Renaissance and International Cooperation Fund, ARF), созданный в 2000 г. и управляемый Министерством финансов ЮАР и МИД ЮАР. Такое дуальное управление снижает эффективность координации средств[732]. Фонд финансируется за счет выделения средств из государственного бюджета[733]. Этот фонд занимается преимущественно Африкой (в соответствии с его названием), по большей части программами реформы управления и строительства потенциала и снижения конфликтности,

---

[727] Grobbelaar N. Rising powers in international development : the state of the debate in South Africa. – P. 7–8.
[728] Ibid., P. 10.
[729] White Paper on South African Foreign Policy - Building a Better World : The Diplomacy of Ubuntu. – P. 4.
[730] Grobbelaar N. Rising powers in international development : the state of the debate in South Africa. – P. 10.
[731] White Paper on South African Foreign Policy - Building a Better World : The Diplomacy of Ubuntu. – P. 6.
[732] Grobbelaar N. Rising powers in international development : the state of the debate in South Africa. – P. 11.
[733] Наумов А.О., Белоусова М.В. «Мягкая сила» Южно-Африканской Республики : история и современность // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2023. – №4. – С. 65–79.

угрожающей стабильности, в таких странах как Ливия, Южный Судан, Бурунди и Демократическая Республика Конго[734]. На фонд приходилось ранее не так много средств по гуманитарной дипломатии — в 2002–2004 гг. около 3% всех средств на гуманитарную дипломатию[735].

Тем не менее, система включает около половины[736] государственных акторов (например, Банк развития ЮАР; Таможенный союз Южной Африки, который направляет средства на миротворчество). Такая дисперсия средств по разным министерствам усложняет возможность учета средств, направляемых на гуманитарную дипломатию[737]. Также в деятельность активно вовлечен частный сектор, который инвестирует в развитие Африки[738].

Планировалось создать Агентство ЮАР по развитию и сотрудничеству (South African Development Partnership Agency, SADPA) в ведении МИД ЮАР, которое бы координировало потоки помощи[739] и стимулировало работу с гражданским обществом[740], тем не менее, согласно официальным пресс-релизам заседаний в Парламенте ЮАР, процесс создания затянулся, и на ноябрь 2024 г. агентство до сих пор не было официально учреждено[741]. Отчасти

---

[734] Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma: comparing South Africa and Brazil. – P. 27.

[735] Sidiropoulos E. South Africa : development, international cooperation and soft power // Development Cooperation and Emerging Powers : New Partners or Old Patterns? – L. : Zed Books, 2012. – P. 216–242. Cit. in Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma : comparing South Africa and Brazil. – P. 28.

[736] Braude W., Thandrayan P., Sidiropoulos E. Emerging Donors in International Development Assistance : The South Africa Case. – Brighton : IDRC, 2008. – 29 p. URL: https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/server/api/core/bitstreams/7695accc-56e7-4f08-831b-0e80512c39ae/content (Last accessed: 28.05.2025).

[737] Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma : comparing South Africa and Brazil. – P. 28.

[738] Grobbelaar N. Rising powers in international development : the state of the debate in South Africa. – P. 45–52.

[739] De Bruyn T. Challenging Development Cooperation? A literature review of the approaches of the emerging powers. – Brussels : HIVA-KU Leuven, 2013. – 39 p. URL: https://ghum.kuleuven.be/ggs/research/policy-research-centre/documents-1/10-de-bruyn-finaal.pdf

[740] Grobbelaar N. Rising powers in international development : the state of the debate in South Africa. – P. 27.

[741] Minutes of meeting of National Assembly 12 November 2024.

это может быть связано с тем, что внутри правящей партии ЮАР не могут договориться о формате института[742].

К тематическим направлениям деятельности (см. Рисунок 34) относятся миростроительство и разрешение конфликтов[743], а также дипломатия в сфере здравоохранения, усилившаяся после пандемии (хотя до пандемии уже были совместные усилия с Кубой, помощь в борьбе с Эболой)[744]. Гуманитарная дипломатия реализуется в виде грантов и займов; проектов, технического сотрудничества и гуманитарной помощи[745]. Продолжается финансирование гуманитарной помощи и развитие гуманитарных ресурсов[746].

Продвижение демократии и хороших практик управления	• техническое сотрудничество по поддержке выборов (по необходимости) • проекты по поддержке хороших практик управления
Предотвращение и решение конфликтов	• проекты по медиации и разрешению конфликтов (по необходимости)
Социально-экономическое развитие и интеграция	• проекты для развития Африканской континентальной зоны свободной торговли (по необходимости) • проекты социально-экономического развития
Предоставление гуманитарной помощи	• гуманитарные проекты
Предоставление развития человеческих ресурсов	• проекты по обучению и по улучшению потенциалов (по необходимости)
Сотрудничество с другими странами, в особенности африканскими	• не уточняется
Администрирование и управление проектами	• эффективное управление ресурсами фонда

Рисунок 34 — Проекты Фонда восстановления Африки ЮАР (Источник: составлено автором на основе отчета Фонда[747])

---

[742] Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma: comparing South Africa and Brazil. – P. 28.
[743] De Bruyn T. Challenging Development Cooperation? A literature review of the approaches of the emerging powers. – P. 13.
[744] Van Wyk J.-A., Masters L., Mthembu P. South African Foreign Policy, COVID-19, and Health Diplomacy : Sunset or a New Dawn? // South African Foreign Policy Review : Ramaphosa and a New Dawn for South African Foreign Policy / Ed-s. L. Masters, P. Mthembu, J.-A. van Wyk. – Sandton : AISA Press, 2023. – P. 196–216.
[745] De Bruyn T. Challenging Development Cooperation? A literature review of the approaches of the emerging powers. – P. 13.
[746] South Africa Yearbook 2023/24.
[747] 2023–2024 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF). – P. 24–39.

Африка — главный фокус внешней политики ЮАР, поэтому гуманитарная дипломатия направлена преимущественно на региональное развитие[748]. В связи с этим основная часть помощи направляется в Африку и, в особенности, в Южную Африку[749]. Приоритет Африке сохраняется и в последние годы, так в 2023–2024 гг. продвижение Африки и региональное развитие были одной из задач МИД и Фонда соответственно, в том числе через Сообщество Южной Африки по развитию; среди новых проектов отмечены Мозамбик, Малави, Сирия и Турция[750] (см. Таблица 5).

Таблица 5 — Страны, в которых реализуются проекты Фонда восстановления Африки

Год	Страны, в которых реализуются проекты	Континент
2018	ДРК, Мадагаскар, Лесото, Эсватини, Намибия, Гвинея, *Зап. Сахара*, региональные инициативы	Африка
2019	Лесото, Малави, Мозамбик, Ботсвана, Маврикий, Намибия, Южный Судан, ЦАР, Эсватини, общие региональные инициативы	Африка
2020	Многосторонние инициативы по вакцинации, Буркина-Фасо, Мали, Нигер, ЦАР	Африка
2021	Многосторонние инициативы по вакцинации, Зимбабве, Южный Судан, Лесото, Куба	Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн
2022	Мозамбик, 26 стран Африканского Союза, многосторонние инициативы по вакцинации, Куба, Эфиопия, Сирия, Турция, Малави	Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, Азия, мир
2023	Мадагаскар, Зимбабве, ДРК, Эсватини, Мозамбик, Палестина, *Зап. Сахара*	Африка, Азия
2024	Южный Судан, ДРК, Африканский региональный проект (план)	Африка

Источник: составлено автором на основе отчетов Фонда[751]

[748] Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma: comparing South Africa and Brazil. – P. 27.
[749] De Bruyn T. Challenging Development Cooperation? A literature review of the approaches of the emerging powers. – P. 23.
[750] South Africa Yearbook 2023/24. International Relations. – P. 3.
[751] 2023–2024 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF). – P. 24–41. ; 2022–2023 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) ; 2021–2022 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) ; 2020–2021 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) ; 2019–2020 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) ; 2018–2019 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF).

Многосторонняя помощь длительное время была для ЮАР приоритетом: так, 90% средств приходилось на многосторонние программы, например, Африканский Союз, ООН[752]. ЮАР участвует в трехстороннем сотрудничестве и многосторонних проектах, в т.ч. является членом Фонда ИБСА[753]. Фонд ИБСА фактически предоставляет ЮАР возможность оказания глобального влияния через совместную гуманитарную дипломатию и вовлечения в ранее недоступные регионы (например, многие страны Азии, Тихоокеанский регион)[754]. Также ЮАР активно участвует в миротворческих операциях в рамках проекта отказа от военных конфликтов в Африке к 2030 г.[755].

Основными конкурентами ЮАР в сфере влияния является КНР[756], Индия и Бразилия.

Гуманитарная дипломатия ЮАР является субъектной, включает в себя широкий набор видов деятельности (включая содействие электоральному процессу), носит преимущественно региональный характер при наличии установленных ограниченных глобальных контактов, реализуется с целью укрепления регионального влияния, продвижения собственной экономики и товаров, противостояния конкурентам (КНР), нормализации и укрепления отношений с партнерами и улучшения имиджа государства в собственном регионе; преследовала цели достижения альтернативного признания. Сам инструмент реализуется преимущественно МИД, большую часть составляет техническое сотрудничество, при этом значительно зависит от президентской внешней политики, что ограничивает преемственность реализации инструмента. Эффективность ограничена ввиду медлительности процессов.

---

[752] Van der Westhuizen J., Milani C.R.S. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma: comparing South Africa and Brazil. – P. 27–28.
[753] Grobbelaar N. Rising powers in international development: the state of the debate in South Africa. – P. 30.
[754] Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. The Role of IBSA Fund in Foreign Aid Policies of IBSA and BRICS Member States. – P. 129.
[755] South Africa Yearbook 2023/24. International Relations. – P. 3.
[756] Alden C., Wu Y.-S. South African foreign policy and China : converging visions, competing interests, contested identities // Commonwealth and Comparative Politics. – 2016. – Vol. 54. – No. 2. – P. 203–231.

Вывод к главе 2

В этой главе изучены подходы восьми держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии: выявлена специфика подхода каждой державы к использованию инструмента.

Субъектная гуманитарная дипломатия Мексики с широким набором возможных видов деятельности носит глобальный характер с региональным уклоном и реализуется для установления безопасности государства, нормализации и укрепления отношений с партнерами, укрепления имиджа государства, не преследует целей альтернативного признания. Инструмент является недостаточно эффективным ввиду снижения координации между учреждениями и большого количества органов, больших взносов в международные организации, но продолжает реализовываться благодаря многостороннему сотрудничеству.

Субъектная гуманитарная дипломатия Индонезии с широким набором видов деятельности носит глобальный характер и реализуется с целью укрепления имиджа государства, достижения признания легитимности внешней политики, установления безопасности, нормализации и укреплении отношений с партнерами и повышения экономической безопасности, не преследует целей альтернативного признания. Инструмент является недостаточно эффективным ввиду большого количества органов, а также ограничен бюджетом.

Объектная гуманитарная дипломатия Южной Кореи с ограниченным набором видов деятельности носит глобальный характер с региональным уклоном, реализуется с целью укрепления имиджа государства, установления безопасности, нормализации и укрепления отношений с партнерами и повышения авторитета власти внутри страны, а также получения признания лидеров иерархии (в прошлом — достижения альтернативного признания). Инструмент является недостаточно эффективным ввиду дуальности органов и необходимости вложений в КНДР.

Субъектная гуманитарная дипломатия Турции с широким набором инструментов носит глобальный характер с региональным уклоном, реализуется с целью укрепления влияния, установления безопасности, укрепления имиджа государства, а также периодически для достижения признания. Инструмент недостаточно эффективен ввиду тяжелой гуманитарной обстановки и большого количества органов.

Объектная гуманитарная дипломатия Австралии с ограниченным набором видов деятельности носит глобальный характер с региональным уклоном и реализуется для укрепления влияния, противостояния конкурентам, достижения признания, нормализации и укрепления отношений с партнерами и укрепления имиджа, не преследует целей альтернативного признания. Инструмент отличается сильной зависимостью от общественного мнения.

Субъектная гуманитарная дипломатия Индии с широким набором видов деятельности носит глобальный характер с региональным уклоном и реализуется с целью укрепления влияния, продвижения экономики, противостояния конкурентам и укрепления имиджа, не преследует целей альтернативного признания. Инструмент преимущественно выражается в кредитных линиях.

Субъектная гуманитарная дипломатия Бразилии с широким набором видов деятельности носит глобальный характер с региональным уклоном и реализуется для укрепления влияния и имиджа, продвижения экономики и противостояния конкурентам, преследовала цели достижения признания. Эффективность зависит от президентской внешней политики.

Субъектная гуманитарная дипломатия ЮАР с широким набором видов деятельности носит преимущественно региональный характер и реализуется с целью укрепления влияния, продвижения экономики, противостояния конкурентам, нормализации и укрепления отношений с партнерами и улучшения имиджа, преследовала цели альтернативного признания. Эффективность ограничена бюрократизацией процессов и зависимостью от президентской внешней политики.

ГЛАВА 3. ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДЕРЖАВ СРЕДНЕГО УРОВНЯ: ОБОБЩЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Исследование подтвердило, что инструментарий внешней политики средних держав в действительности включает в себя гуманитарную дипломатию, причем гуманитарная дипломатия как инструмент используется всеми исследованными государствами. После проведения анализа кейсов необходимо определить, можно ли говорить о существовании общей модели гуманитарной дипломатии средних держав, об отдельных чертах, присущих державам среднего уровня или о единых целях использования инструментария.

Для этого проводится сравнение подходов гуманитарной дипломатии, где подход каждой страны сопоставляется в разрезе существующих черт, принципов реализации и целей использования с целью дальнейшей кластеризации подходов.

На данный момент существует несколько возможных способов кластеризации подходов держав среднего уровня:

- по виду деятельности (подходу к определению и стратегии реализации) и общим признакам;
- по географическому признаку (членству в группах МИКТА и БРИКС/ИБСА);
- по целям использования инструментария.

§ 3.1. Особенности гуманитарной дипломатии держав среднего уровня

В Главе 2 приводились существующие подходы к ведению гуманитарной дипломатии и их особенности, выделенные на современном этапе исследований. Существует несколько исследований, выделяющих кластеры государств со своим специфичным подходом к гуманитарной дипломатии.

Одним из таких подходов является подход, разработанный Е.С. Громогласовой, в котором выделяются три кластера государств, занимающихся гуманитарной дипломатией, — «старые доноры», «новые доноры» и арабские страны. В уральской школе международных отношений выделяют цивилизационные модели гуманитарной дипломатии — например, такие как средиземноморская и латиноамериканская[757]. В данном исследовании в качестве рабочей теории выделялось два вида государств с разными подходами к гуманитарной дипломатии — страны Глобального Севера, являющиеся донорами КСР ОЭСР, и страны Глобального Юга. Фактически среди выделенных кейсов были изучены и страны Глобального Севера, и страны Глобального Юга.

К странам Глобального Юга из изученных кейсов можно отнести Мексику, Индонезию, Турцию, Индию, Бразилию и ЮАР. Австралия ввиду членства в КСР ОЭСР, а также развития и особенностей внешней политики является представителем Глобального Севера. Идентичность Южной Кореи однозначно отнести к какому-то из двух объединений не представляется возможным, так как она имеет общее с обеими группами: с одной стороны, обладает колониальным опытом, сталкивалась с дефицитом материалов, что отвечает признакам стран Глобального Юга. С другой стороны, Южная Корея стала частью КСР ОЭСР, не фигурирует в списке стран Глобального Юга ПРООН, не была приглашена на Бандунгскую конференцию 1955 г., где, как отмечают исследователи и представители стран, принимали участие страны Юга, не была частью Движения неприсоединения, поддерживала отношения преимущественно с США. В академической литературе считается, что Южная Корея намеренно отказалась от своей идентичности страны Глобального Юга, став полноправным членом Глобального Севера[758], поэтому ее следует причислять именно к последним. Таким образом, среди выборки стран оказалось две страны Глобального Севера и шесть стран Глобального Юга.

---

[757] Богатырева О.Н., Табаринцева-Романова К.М., Ковба Д.М., Филаретова Ю.С. Гуманитарная дипломатия. Цивилизационные и национальные модели.

[758] Kim S. Korea’s Solidarity with the Global South (to Which It Didn’t and Doesn’t Belong) // Pacific Focus. – 2025. – Vol. 40. – No. 1. – P. 125–144.

В связи с выделенными в академической литературе различиями между странами Глобального Севера и Юга предлагается различать две категории средних держав: северные державы среднего уровня и южные державы среднего уровня в соответствии с их ранее указанной принадлежностью. Ранее в литературе уже фактически выделялись западные и незападные подходы, которые фактически соответствовали Глобальному Северу и Югу.

В результате выявлено, что ко всем так называемым южным державам среднего уровня применимы две разработанные для гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга характеристики: реализация субъектной стратегии с широким подходом к определению гуманитарной дипломатии (т. е. широким пониманием гуманитарного как такового). Взаимосвязь между этими двумя характеристиками прослеживается на примере стран Глобального Севера: так, установлена связь между узким пониманием гуманитарного как характеристикой подхода к гуманитарной дипломатии стран Глобального Севера и соответственно объектной стратегией как особенностью построения отношений со странами-партнерами, воспринимаемыми в качестве реципиентов помощи. В результате страны Глобального Юга, не принимая риторику и подход стран Глобального Севера и при этом основываясь на своем опыте реципиентов, обращаются к широкому пониманию гуманитарного, широкому подходу к гуманитарной дипломатии и субъектной стратегии. Таким образом, эти две характеристики имеют связь с особенностями восприятия странами себя как части Глобального Севера или Глобального Юга, а не со статусом государств как средних держав.

Для выделения общих черт, присущих гуманитарной дипломатии держав среднего уровня, составлена сравнительная таблица (Таблица 6). В качестве критериев сравнения выбраны стратегия и подход, многостороннее сотрудничество, масштаб деятельности и особенности. Для подтверждения уникальности черт для держав среднего уровня они сопоставляются с подходами США и КНР (великими державами Севера и Юга соответственно) к гуманитарной дипломатии.

Таблица 6 — Особенности гуманитарной дипломатии держав среднего уровня

Страна	Стратегия и подход	Институциональная структура	Многостороннее сотрудничество	Масштаб деятельности	Особенность
Мексика	Субъектная стратегия с широким подходом	Большая система министерств и ведомств, в центре — координирующий децентрализованный орган в ведении МИД, не являющийся ключевым	Да, совместные фонды, программы	Глобальный характер с региональным уклоном	Недостаточный объем средств, сохранение роли реципиента
Индонезия	Субъектная стратегия с широким подходом	Большая система министерств и ведомств, в центре — координирующий орган в ведении четырех министерств (МИД, Минфина, Министерства планирования и Государственного секретариата), а также действующие независимо религиозные НПО	Да, совместные программы, трехстороннее сотрудничество	Глобальный характер	Зависит от президента, высокая роль религиозных НПО, недостаточный объем средств, сохранение роли реципиента
Южная Корея	Объектная стратегия с узким подходом	Дуальная разветвленная система с номинальным центральным институтом в ведении МИД и Министерства финансов и экономики, с участием государственных и негосударственных организаций	Да, совместные программы	Глобальный характер с региональным уклоном	Зависимость от требований КСР ОЭСР
Турция	Субъектная стратегия с широким подходом	Большая разветвленная система с участием государственных, квазигосударственных и негосударственных институтов, в центре — координирующий институт в ведении Министерства культуры	Почти нет, небольшое число проектов, отсутствие в документах	Глобальный характер с региональным уклоном	Высокая роль партии, сохранение роли реципиента
Австралия	Объектная с узким подходом	Система, состоящая из министерств, ведомств, бизнес-сообществ и НПО, под единым брендом, в центре — Управление в составе МИД	Почти нет, небольшое число проектов, отсутствие в документах	Глобальный характер с региональным уклоном	Зависимость от правящей партии, от требований КСР ОЭСР

Страна	Стратегия и подход	Институциональная структура	Многостороннее сотрудничество	Масштаб деятельности	Особенность
Индия	Субъектная с широким подходом	Система состоит из разных институтов, в центре — Управление в составе МИД	Да, состоит во многих организациях, реализует через Фонд ИБСА	Глобальный характер с региональным уклоном	Комбинация подходов, децентрализованность, высокая роль кредитных линий, сохранение роли реципиента
Бразилия	Субъектная с широким подходом	Система из множества акторов, включая корпорации и банки, в центре — институт в ведении МИД	Да, состоит во многих организациях, реализует через Фонд ИБСА	Глобальный характер с региональным уклоном	Комбинация подходов, зависимость от президента, сохранение роли реципиента
ЮАР	Субъектная с широким подходом	Система состоит из министерств и ведомств, в центре — институт в ведении Министерства финансов и МИД. Планировался институт в ведении МИД, но не создан	Да, состоит во многих организациях, реализует через Фонд ИБСА	Региональный характер с элементами глобальных связей	Зависимость от президента, стремление к пересмотру глобальной иерархии, сохранение роли реципиента

Источник: составлено автором

При изучении выделенных критериев можно отметить, что для всех средних держав наблюдается схожая институциональная структура. В первую очередь, это выражается в том, что среди всех изученных средних держав нет ни одного случая, где бы все проекты гуманитарной дипломатии реализовывались через один институт. Наоборот, несмотря на отдельные попытки создать по прообразу ведущих стран Севера (в частности, США) единый институт, который бы координировал средства для оказания помощи, или наделение полномочиями отдельных управлений МИД, и принятие единых законов, для всех стран в систему гуманитарной дипломатии вовлечено большое количество акторов на разных уровнях (федеральные министерства и ведомства, местные территории, квазигосударственные акторы, в отдельных случаях неправительственные организации), причем все акторы номинально следуют общей линии правительства и согласовывают с ним свою деятельность. Таким образом, несмотря на некоторую несистемность и бессистемность в организации проектов гуманитарной дипломатии, государствам все же удается добиться единой линии гуманитарной дипломатии, что способствует ее эффективности. Решающим в достижении эффективности является не координирующий институт (или ведомство), ограниченный в своем влиянии ввиду большого количества акторов, а линия президента (Индонезия, Бразилия, ЮАР) или партии (Турция, Австралия). Отличает подходы стран выбор координирующего ведомства: к МИД в других странах добавляется Министерство финансов (Южная Корея, ЮАР, Индонезия), а также и другие органы — Министерство планирования и развития и Государственный секретариат. В Турции координирующие функции вместо МИД возложены на Министерство культуры, что делает ее уникальным случаем. При сопоставлении с кейсами великих держав (США и КНР) можно отметить, что в их практике большая часть средств и проектов реализуется через федеральные государственные институты[759] или полностью

[759] Саямов Ю.Н. Иностранная помощь как инструмент внешней политики. – С. 72–85.

подконтрольные государству формально неправительственные организации. В отдельных случаях неправительственные организации привлекаются в качестве исполнителей контрактов [760] , но не являются полноценными управляющими средств, что отличает их от практики средних держав. Важно отметить, что в практике великих держав ведущую роль также играют президент или партия, но координирующим ведомством выступает МИД.

Второй общей чертой для всех средних держав (с рядом исключений в виде Австралии и Турции ввиду страновых особенностей) является обращение к многостороннему сотрудничеству как одному из направлений реализации гуманитарной дипломатии (при сохранении двусторонних контактов в качестве основного способа осуществления гуманитарной дипломатии).

При этом чаще всего это связано с необходимостью привлечения дополнительных средств для реализации дорогостоящих программ гуманитарной дипломатии, что при решении об осуществлении самостоятельной деятельности окажется почти невозможным ввиду нехватки средств у средних держав. Кроме того, в некоторых регионах осуществляют активную деятельность страны-конкуренты, которые, как правило, обладают большим объемом средств и оказываются более щедрыми донорами, что приводит к увеличению количества программ и росту финансирования. Не имея возможности организовать комплексные программы, которые можно противопоставить странам-конкурентам в регионах интереса, ввиду недостаточных для этого объемов средств, средние державы для сохранения своего влияния объединяются с другими средними державами (например, в рамках Фонда ИБСА), а также активно присоединяются к крупным донорам, являющимся великими державами, для возможности реализации проекта.

Другим важным фактором, определяющим приверженность многостороннему сотрудничеству в реализации гуманитарной дипломатии, является необходимость координации усилий гуманитарной деятельности с

[760] Regilme S.S.F.jr., Hodzi O. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers // The International Spectator. – 2021. – Vol. 56. – No. 2. – P. 114–131.

другими странами, вовлеченными в регион, чтобы программы не дублировали друг друга и не становились площадкой для противостояния, что снижает их эффективность для партнеров, в пользу которых реализуются эти программы.

Третьим фактором является возможность расширения своего влияния за пределами выбранного региона: так, например, у стран с недостаточно высоким объемом доступных средств появляется возможность инвестировать в регионы, в которых они обычно не реализуют свои программы. Примером такого объединения является Фонд ИБСА, благодаря которому ЮАР и Бразилия усиливают свою гуманитарную дипломатию с точки зрения расширения сети партнеров и типа проектов[761].

Интересен пример Австралии и Турции, не являющихся приверженцами формата многостороннего сотрудничества. При изучении отчетных документов было отмечено, что они не упоминают данное направление, а число самих проектов сильно ограничено. При этом отдельные доктринальные документы или отдельно упомянутые принципы деятельности в каком-то виде содержат многостороннее сотрудничество в качестве одного из приоритетов: в Турции среди принципов упомянут обмен опытом, который может быть реализован в виде многостороннего сотрудничества. Австралия же в качестве своих приоритетов отмечает максимизацию коллективных действий как направление, что тоже может иметь в себе хотя бы координацию деятельности. Тем не менее, принципы не стали основой для реализации многостороннего сотрудничества как полноценного направления.

Отчасти это может быть связано с тем, что для обеих стран характерна высокая зависимость гуманитарной дипломатии от правящей партии, и возможный переход к многостороннему сотрудничеству как одному из наиболее частых форматов приведет к необходимости этих стран корректировать свои подходы для возможности соответствия политике других стран.

---

[761] Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. The Role of the IBSA Fund in Foreign Aid Policies of IBSA and BRICS Member States. – P. 125–126.

Для Австралии угроза отказа от важных элементов своего подхода не должна составлять большой проблемы ввиду полного принятия методологии КСР ОЭСР, что упрощает взаимодействие со всеми странами-донорами КСР ОЭСР по проектам, тем не менее, ее отказ от перехода к многостороннему формату может быть связан с тем, что регион влияния Австралии, где активно реализуется гуманитарная дипломатия, находится в зоне интересов США, КНР и Японии, и США и Япония обладают большим опытом в реализации гуманитарной дипломатии, могут сместить фокус внимания стран региона на себя при реализации проектов и стать руководителями проектов, сократив влияние правящей партии на его реализацию.

Для Турции гуманитарная дипломатия опирается на уникальность ее исторического, религиозного и языкового прошлого и основывается на этой общности, формируемой историей, религией и языковой группой. Этот фактор фактически исключает реализацию совместных программ, так как при включении другого крупного донора Турция вынуждена отказываться от идеологической основы своей деятельности: ни один крупный донор не обладает схожими характеристиками и не распространяет идею о подобной схожести. Единственными партнерами для Турции могут стать исламские государства в проектах, реализуемых в странах мусульманского большинства.

Великие державы обращаются к многосторонним форматам по другим причинам: так, многостороннее сотрудничество выражается у великих держав преимущественно в финансировании международных институтов или заключении соглашений с ними для подтверждения своей позиции великой державы[762]. Фактически программы могут реализовываться без участия в многосторонних форматах, но великие державы прибегают к ним для демонстрации лидерства в этой сфере. Это подтверждает деятельность Китая, не интегрированного в международную гуманитарную систему[763].

---

[762] Бобкин Н.Н. Политика США в отношении миротворческих операций ООН // США и Канада : Экономика, политика, культура. – 2021. – №9. – С. 54–69.
[763] Ковба Д.М. Особенности китайской системы гуманитарной помощи. – С. 96.

Еще одной особенностью гуманитарной дипломатии средних держав, характерной почти для всех стран (исключения — Индонезия и ЮАР из-за особенностей их деятельности), является глобальный характер реализации гуманитарной дипломатии с явным региональным уклоном в сторону сферы влияния государства. При изучении всех географических направлений деятельности средних держав явный приоритет был отдан региону влияния при наличии проектов по всему миру. Здесь важно отметить, что регион влияния иногда не соответствует региону, в котором находится средняя держава, что обусловлено историческими, языковыми и культурными связями (например, Бразилия и португалоязычные страны Африки). У великих держав отмечается явный глобальный характер деятельности[764].

Индонезия, будучи островным государством, реализует программы на территории своего региона, но, тем не менее, активное вовлечение в такие мусульманские страны как Мозамбик, Афганистан, а также работа с островными государствами Карибского бассейна не позволяют сделать вывод о региональном уклоне деятельности. Тем не менее, региональный фактор остается для Индонезии важным, что подтверждается регулярным возобновлением программ на территории стран-соседей.

В отношении ЮАР важно отметить, что ее возможности весьма ограничены из-за неустойчивости стран Африки и достаточно длительного периода апартеида, закончившегося не так давно: за тридцать лет страна осуществляла попытки сделать гуманитарную дипломатию инструментом внешней политики. Тем не менее установленные глобальные контакты говорят о потенциале развития гуманитарной дипломатии в инструмент, реализуемый на глобальном уровне с региональным уклоном.

Таким образом, в случае Индонезии можно говорить о ранее существовавшем глобальном характере гуманитарной дипломатии с

---

[764] Оболенцева С.М. США // Практика современной гуманитарной дипломатии / Д.А. Кузнецов, Н.В. Гавриленко, С.М. Оболенцева и др.; под редакцией Д.А. Кузнецова. – М.: «Эдитус», 2022. – С. 59–75. ; Regilme S.S.F.jr., Hodzi O. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. – P. 119.

региональным уклоном, тогда как для ЮАР существует возможность усиления глобального измерения при сохранении регионального уклона в будущем.

Помимо этого, державы среднего уровня, принадлежащие к Глобальному Югу, сохраняют свою дуальную сторону гуманитарной дипломатии: остаются реципиентами помощи, получающими средства от стран Глобального Севера и других стран Глобального Юга в рамках партнерства по линии Юг-Юг. Это можно сказать и о КНР как великой державе, но в меньшей степени: программы значительно сократились по сравнению со средними державами[765].

В Главе 2 также приводились характеристики общих черт гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга, в числе которых были схожие по формулировке принципы реализации гуманитарной дипломатии. Для проверки этого вывода составлены Таблица 7 для средних держав Глобального Юга и Таблица 8 для средних держав Глобального Севера, в которых предложено сравнение принципов страновых подходов к гуманитарной дипломатии (общее сопоставление — Таблица 9). В столбце для сравнения приводятся формулировки принципов гуманитарной дипломатии держав среднего уровня в соответствии с их сутью, которые были выделены во всех страновых кейсах, для характеристики соответствия общим выделенным принципам приводятся названия принципов для каждой страны в соответствии с документальным оформлением или иными источниками принципов гуманитарной дипломатии конкретного государства (курсивом выделены сформулированные дополнительно принципы в соответствии с особенностями подхода). Важно отметить, что учитываются только зафиксированные в качестве ведущих принципы, при этом случаи, в которых страна фактически руководствуется каким-то принципом, но не артикулирует его в своих документах, не учитываются в сравнении.

---

[765] Илюшина А.А., Кузнецов Д.А. Направления гуманитарной дипломатии во внешней политике Китая. – С. 22.

Таблица 7 — Сравнение принципов гуманитарной дипломатии держав среднего уровня (страны Глобального Юга)

Принцип	Мексика	Индонезия	Турция	Индия	Бразилия	ЮАР
Учет нужд партнера	Заинтересованность и координация	Соответствие национальным приоритетам развития; Ориентация на спрос	Согласование с нуждами и приоритетами стран	Взаимная выгода	Ориентация на спрос	Понимание политических, экономических вопросов и вопросов безопасности; Ориентация на нужды
Обмен информацией с другими донорами и партнерами	Гармонизация	—	Обмен опытом	—	—	Гармонизация помощи
Соответствие ЦУР	Соответствие Повестке-2030; Устойчивость	Соответствие национальным приоритетам развития; Комплексность и устойчивость	—	—	—	—
Реализация с учетом желаемых результатов	Управление, нацеленное на результат	Ориентация на спрос	Ориентация на результат	Ориентация на спрос	Ориентация на спрос	Ориентация на нужды
Ответственность обоих партнеров за результаты	Взаимная ответственность	—	Ответственность	Национальная ответственность	—	Ответственность реципиента
Доступность четкой и актуальной информации	Прозрачность и ответственность	Прозрачность и подотчетность	—	—	—	—
Уважение прав человека	Права человека	*Панча Сила (гуманизм)*	Человеко-ориентированный подход	*Панча Шила (гуманизм)*	Гуманистическая перспектива	Приоритет людям; Гуманизм

Принцип	Мексика	Индонезия	Турция	Индия	Бразилия	ЮАР
Приверженность многостороннему сотрудничеству	Включенность и создание союзов между донорами	—	—	—	—	—
Отсутствие стремления к установлению зависимости от помощи и помощь для поддержки усилий государства	Комплементарность	Солидарность	Участие; Необусловленность	Солидарность; Независимость; Необусловленность	Солидарность; Независимость	*Солидарность со странами Африки (как часть внешней политики)*
Возможность совместного финансирования с партнером	Софинансирование	—	—	—	—	—
Суверенитет	—	Невмешательство во внутренние дела и уважение суверенитета	—	Невмешательство	Уважение суверенитета	—
Равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга	—	Равенство и взаимное уважение	—	Уважение национальных интересов; Равенство	Равенство партнеров; Горизонтальное сотрудничество	Общие планирование и координация; Равенство
Внимание к уязвимым группам и включение их в повестку	—	Инклюзивность	—	—	—	—
Продвижение собственных товаров и услуг	—	—	Предоставление качественных товаров и услуг	—	—	—

Принцип	Мексика	Индонезия	Турция	Индия	Бразилия	ЮАР
Беспристрастность	—	—	Беспристраст-ность	—	Беспристраст-ность, нейтралитет	—
Надежность как партнера	—	—	Надежность	—	—	Посвященность процессу
Эффективность внедряемых программ и их актуальность	—	Комплексность и устойчивость	Эффектив-ность и актуальность	—	—	Целостность
Согласование с внешней политикой государства, реализующего ГД	—	—	Согласование с внешней политикой	—	—	Патриотизм; Преданность
Вовлеченность в проблемы других	—	Солидарность	Участие	Солидарность	Солидарность; Неиндиффе-рентность	—
Поддержка санкционного режима	—	—	—	—	—	—
Вовлеченность на локальном уровне	—	—	—	—	—	—

Источник: составлено автором

Таблица 8 — Сравнение принципов гуманитарной дипломатии держав среднего уровня (страны Глобального Севера)

Принцип	Южная Корея	Австралия
Учет нужд партнера	—	—
Обмен информации с другими донорами и партнерами	Увеличение возможностей обмена опытом развития; Взаимная гармонизация	Сильные стороны Австралии как донора; Максимизация коллективных действий
Соответствие ЦУР	—	—
Реализация с учетом желаемых результатов	—	—
Ответственность обоих партнеров за результаты	—	Ответственность партнера; Ответственность перед народами
Доступность четкой и актуальной информации	—	Усиление качества и прозрачности
Уважение прав человека	*Уважение всех принципов Статута ООН*	Продвижение международных гуманитарных принципов и международного гуманитарного права
Приверженность многостороннему сотрудничеству	—	Максимизация коллективных действий
Отсутствие стремления к установлению зависимости от помощи и помощь для поддержки усилий государства	Поддержка усилий самопомощи и способностей стран; Уважение необходимости развития стран	Ненанесение вреда
Возможность совместного финансирования с партнером	—	—
Суверенитет	Уважение всех принципов Статута ООН (суверенное равенство; невмешательство во внутренние дела)	—
Равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга	Уважение всех принципов Статута ООН (суверенное равенство)	Партнерские отношения, основанные на уважении

Принцип	Южная Корея	Австралия
Внимание к уязвимым группам и включение их в повестку	—	Инклюзивность
Продвижение собственных товаров и услуг	—	—
Беспристрастность	—	—
Надежность как партнера	—	—
Эффективность внедряемых программ и их актуальность	—	Усиление качества и прозрачности
Согласование с внешней политикой государства, реализующего ГД	—	—
Вовлеченность в проблемы других	—	—
Поддержка санкционного режима	Уважение всех принципов Статута ООН (воздержание от помощи тем, кому нельзя помогать)	—
Реализация программ на локальном уровне	—	Поддержка изменений на локальном уровне

Источник: составлено автором

Таблица 9 — Общее сравнение принципов гуманитарной дипломатии держав среднего уровня

Принцип	Мексика	Индонезия	Турция	Индия	Бразилия	ЮАР	Южная Корея	Австралия
Учет нужд партнера	+	+	+	+	+	+	-	-
Обмен информации с другими донорами и партнерами	+	-	+	-	-	+	+	+
Соответствие ЦУР	+	+	-	-	-	-	-	-
Реализация с учетом желаемых результатов	+	+	+	+	+	+	-	-
Ответственность обоих партнеров за результаты	+	-	+	+	-	+	-	+
Доступность четкой и актуальной информации	+	+	-	-	-	-	-	+
Уважение прав человека	+	+	+	+	+	+	+	+
Приверженность многостороннему сотрудничеству	+	-	-	-	-	-	-	+
Отсутствие стремления к установлению зависимости от помощи и помощь для поддержки усилий государства	+	+	+	+	+	+	+	+
Возможность совместного финансирования с партнером	+	-	-	-	-	-	-	-
Суверенитет	-	+	-	+	+	-	+	-
Равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга	-	+	-	+	+	+	+	+
Внимание к уязвимым группам и включение их в повестку	-	+	-	-	-	-	-	+
Продвижение собственных товаров и услуг	-	-	+	-	-	-	-	-
Беспристрастность	-	-	+	-	+	-	-	-
Надежность как партнера	-	-	+	-	-	+	-	-

Принцип	Мексика	Индонезия	Турция	Индия	Бразилия	ЮАР	Южная Корея	Австралия
Эффективность внедряемых программ и их актуальность	-	+	+	-	-	+	-	+
Согласование с внешней политикой государства, реализующего ГД	-	-	+	-	-	+	-	-
Вовлеченность в проблемы других	-	+	+	+	+	-	-	-
Поддержка санкционного режима	-	-	-	-	-	-	+	-
Реализация программ на локальном уровне	-	-	-	-	-	-	-	+

Источник: составлено автором

В результате сопоставления ведущих принципов подходов всех изученных держав среднего уровня (и Глобального Юга, и Глобального Севера) было выявлено, что для всех государств характерно отсутствие стремления к установлению зависимости от помощи и оказание помощи для поддержки усилий государства по улучшению условий. Таким образом, все страны (каждая со своим характерным подходом) стремятся оказать помощь нуждающимся в поддержке странам и укрепить их усилия для решения вызовов. Великими державами (США и КНР) ресурс гуманитарной дипломатии периодически используется для манипуляции действиями стран, в том числе в важных для себя политических вопросах: например, в практике США есть обязательство по расходованию средств в интересах и по предписанию донора или факты блокировок научно-технической помощи для осуществления давления в необходимых вопросах[766]. Это подтверждает и отсутствие такого принципа в программах гуманитарной деятельности стран (у КНР в 1964 г. была идея о стимулировании независимого развития, когда держава еще была средней и не достигла статуса великой, впоследствии принципы не были переработаны, но фактически не реализуются, исходя из существующей практики)[767].

Также для всех средних держав характерно использование принципа уважения к правам человека (данные принципы не закреплены в Индонезии и Индии как главенствующие, но присутствуют в качестве ведущих как часть концепции Панча Сила, или Шила): именно этот фактор дает возможность называть данную деятельность гуманитарной дипломатией и подчеркивает человеко-ориентированный подход реализуемой деятельности. В практике США права человека представляются как часть распространения

[766] Саямов Ю.Н. Иностранная помощь как инструмент внешней политики. – С. 72–85.
[767] Regilme S.S.F.jr., Hodzi O. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. – P. 117.

политических реформ для достижения демократии, но не являются отдельным принципом, характеризующим отношения между партнерами[768].

Для большинства средних держав характерно равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга. Согласно этому принципу, партнеры по проекту оказываются на одном уровне, а также национальные интересы партнера являются важным фактором при создании и согласовании проекта для реализации. Данный принцип не обнаружен в доктринальных документах Мексики и Турции. В данной формулировке принцип не встречался в доктринальных документах великих держав[769].

Также для большинства средних держав характерно стремление к обмену информации с другими донорами и партнерами. Фактически речь идет о гармонизации помощи, при этом гармонизация — один из основных принципов стран Глобального Севера. В действительности, можно заметить, что данный принцип характерен как для Южной Кореи, так и для Австралии. Из средних держав Глобального Юга этот принцип реализуют Мексика, Турция и ЮАР. Такой принцип также не был обнаружен в доктринальных документах великих держав[770].

Отдельно для средних держав Глобального Юга можно отметить несколько приоритетных принципов гуманитарной деятельности.

Во-первых, учет нужд партнера и реализация с учетом желаемых результатов. Это связано с реализуемыми подходами, все члены БРИКС нацелены на нужды партнеров, в то время как Мексика и Турция ориентируются на результат. В сущности эта формулировка отличает подходы тем, что в первом случае члены БРИКС всецело опираются на определенные нужды (спрос, выраженный партнером), тогда как Мексика и Турция в своих подходах обещают реализовывать свои проекты с учетом необходимости

---

[768] Давыдов А.А. Зарубежная помощь США : Помощь развитию как инструмент внешней политики (часть 2) // Пути к миру и безопасности. – 2018. – №2 (55). – С. 9–21.
[769] Regilme S.S.F.jr., Hodzi O. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. – P. 116.
[770] Ibid.

достижения результата и соответствия ему. В действительности же часто нужды партнера выражаются в том, чтобы достичь какого-то четкого результата (например, строительство школы, получение стипендии), что сближает эти два подхода между собой и поэтому оказывается в одном блоке. Данный принцип не был зафиксирован у КНР в доктринальных документах, найден принцип, предполагающий выигрыш обеих сторон от сотрудничества, который совершенно не означает учет нужд партнера при реализации гуманитарной дипломатии[771].

Во-вторых, у большинства средних держав Глобального Юга отмечается в качестве принципа ответственность обоих партнеров за результаты. По факту это означает, что ответственность за реализацию проекта и его результат разделяется между обоими партнерами, как и риски, что способствует усилению партнерства при разработке проекта и заинтересованности партнеров в его реализации. Также, для некоторых государств принцип обусловлен для ряда из стран равенством партнеров между собой — у Индии и ЮАР. Этот принцип не выделяется у Индонезии и Бразилии. Этот принцип также не найден в практике КНР[772].

В-третьих, у большинства средних держав Глобального Юга в приоритете находится вовлеченность в проблемы других. Это говорит о том, что они отмечают моральную составляющую своей деятельности в качестве одной из основ гуманитарной дипломатии: таким образом, демонстрируется, что выполняемые проекты основаны на международной солидарности и стремлении улучшить положение других государств. Данный принцип не отмечается у Мексики и ЮАР. У КНР зафиксирован принцип невмешательства во внутренние дела партнеров [773], что можно считать противоречием принципам держав среднего уровня.

---

[771] Regilme S.S.F.jr., Hodzi O. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. – P. 124.
[772] Ibid.
[773] Ibid., P. 117.

В-четвертых, для половины изученных средних держав Глобального Юга приоритетом является эффективность внедряемых программ и их актуальность: такой приоритет обнаружен у Индонезии, Турции и ЮАР. Такого приоритета у КНР в доктринальных документах не наблюдается[774].

В-пятых, для половины изученных средних держав Глобального Юга в качестве одного из приоритетов отмечено уважение суверенитета партнера. В страны, где данный приоритет считается важным, входят Индонезия, Индия и Бразилия. Для Индонезии и Индии это обусловлено приверженностью идеологии Панча Сила. У Китая такой принцип также является одним из ключевых[775], поэтому предлагается его не учитывать в качестве уникального принципа средних держав Глобального Юга.

Таким образом, для средних держав Глобального Юга характерно несколько ведущих принципов: субъектная стратегия и широкий подход к определению, учет нужд партнера и реализация проектов с учетом желаемых результатов, ответственность обоих партнеров за результаты, вовлеченность в проблемы других и эффективность внедряемых программ и их актуальность. Все эти критерии фактически расширяют субъектный подход, т.е. в понимании средних держав Глобального Юга субъектная стратегия предполагает понимание проблем партнера и желание решить эти проблемы, учет его нужд при формировании проекта, возможность партнера взять на себя ответственность при реализации проекта (не безучастность), а также сами проекты разрабатываются с учетом желаемых результатов, отвечают требованиям эффективности и актуальности.

У средних держав Глобального Севера нет уникальных для этой группы общих критериев, за исключением объектной стратегии и узкого подхода к определению гуманитарной дипломатии. Однако этот пункт является важным критерием для средних держав, так как в практике США как великой державы,

---

[774] Regilme S.S.F.jr., Hodzi O. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. – P. 116.
[775] Ibid., P. 122.

несмотря на главенствующую роль в КСР ОЭСР, нельзя говорить о применении узкого подхода к определению гуманитарной дипломатии. Так, США включают в сферу иностранной помощи, воспринимаемую исследователями как западный подход гуманитарной дипломатии, военную помощь[776], что противоречит смыслу предложенного подхода. Можно было бы говорить о необходимости исключения военной помощи из гуманитарной дипломатии США из-за данного противоречия, однако другими исследователями она традиционно остается частью гуманитарной дипломатии США[777].

Таким образом, можно говорить о существовании общих принципов держав среднего уровня при реализации гуманитарной дипломатии и отдельном выделении группы держав среднего уровня Глобального Юга, тогда как для держав Глобального Севера группа подходов не выделяется (см. Рисунок 35). Важно отметить, что общие черты гуманитарной дипломатии держав среднего уровня помогают в осуществлении ролей держав среднего уровня на международной арене. В частности, многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии и стремление к обмену информацией с другими донорами и партнерами являются способом поддержки многосторонних действий, в том числе ввиду неспособности действовать в одиночку, стремление влиять на глобальную повестку, в свою очередь, выражается в глобальном характере гуманитарной дипломатии с региональным уклоном. Это делает гуманитарную дипломатию держав среднего уровня неотъемлемой частью их внешней политики и сохранения собственного статуса и, следовательно, одним из ключевых инструментов внешней политики держав среднего уровня.

---

[776] Regilme S.S.F.jr., Hodzi O. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. – P. 123.
[777] Оболенцева С.М. США. – С. 60.

Средние державы	• многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии (при сохранении двусторонних контактов в качестве основного способа осуществления гуманитарной дипломатии) • глобальный характер с региональным уклоном • отсутствие стремления к установлению зависимости от помощи и оказание помощи для поддержки усилий государства по улучшению условий • уважение прав человека • равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга • стремление к обмену информации с другими донорами и партнерами • отсутствие ведущей роли координирующего института в распределении средств • вовлечение разного типа акторов в реализацию гуманитарной дипломатии
Средние державы Глобального Юга	• субъектная стратегия • широкий подход к гуманитарной дипломатии • сохранение роли реципиента (дуальный характер гуманитарной дипломатии) • учет нужд партнера и реализация с учетом желаемых результатов • ответственность обоих партнеров за результаты • вовлеченность в проблемы других • эффективность внедряемых программ и их актуальность
Средние державы Глобального Севера	• объектная стратегия • узкий подход к гуманитарной дипломатии

Рисунок 35 — Особенности подходов держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии на основе разделения стран на страны Глобального Севера и Глобального Юга (источник: составлено автором)

Если говорить о попытке кластеризации подходов по группам держав среднего уровня (МИКТА и ИБСА/БРИКС), то важно отметить, что для всех членов МИКТА характерны только те принципы, которые являются общими для всех средних держав: уважение прав человека и отсутствие стремления к установлению зависимости. К другим общим принципам, характерным почти для всех (4/5 стран) относится обмен информацией с другими донорами и партнерами; для стран чуть больше половины (3/5) : учет нужд партнера и реализация с учетом желаемых результатов, ответственность обоих партнеров за результаты, доступность четкой и актуальной информации, равенство партнеров и уважение национальных интересов, эффективность внедряемых программ и их актуальность.

В отношении ИБСА/БРИКС (в случае БРИКС учитываются четыре страны — Бразилия, Индия, ЮАР и Индонезия) можно отметить, что к общим принципам для всех держав среднего уровня ИБСА/БРИКС характерны уважение прав человека и отсутствие стремления к установлению зависимости

(общие для всех держав среднего уровня), учет нужд партнера и реализация с учетом желаемых результатов, равенство партнеров и уважение национальных интересов. Почти для всех членов ИБСА/БРИКС характерна вовлеченность в проблемы других. Для почти всех членов ИБСА также характерна ответственность обоих партнеров за результаты. Эти особенности отражает Рисунок 36.

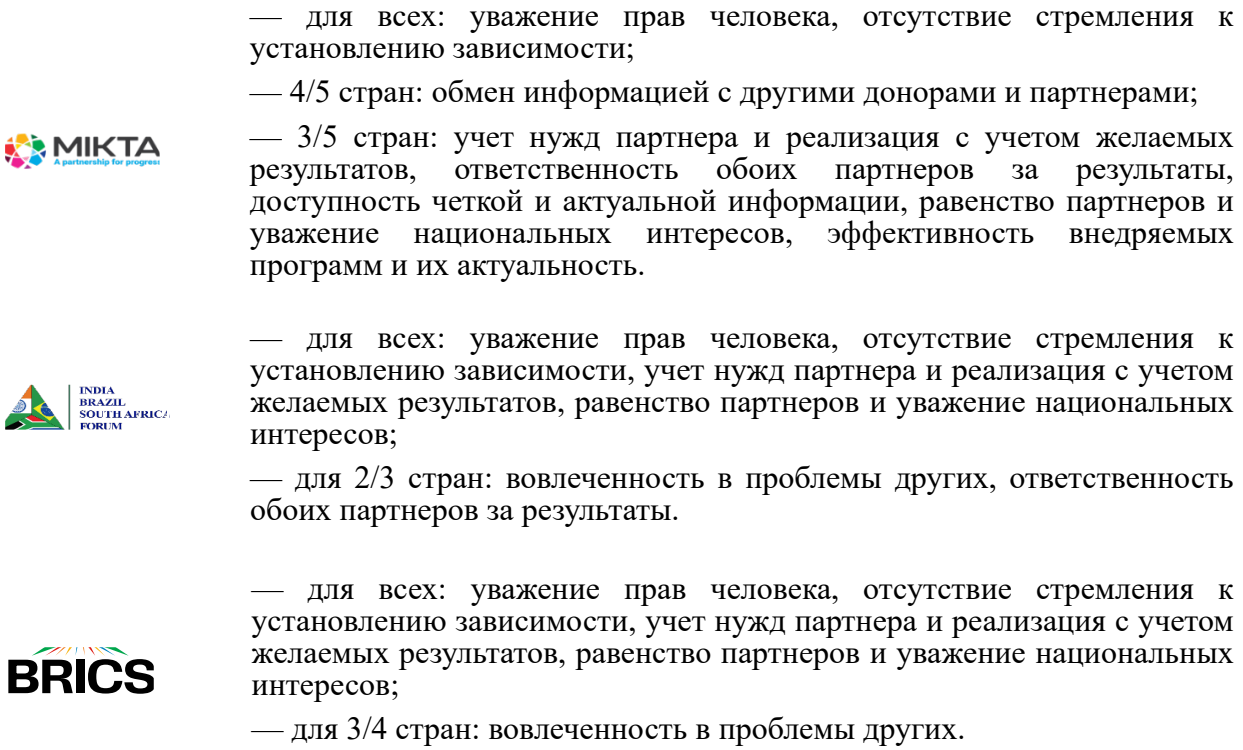

Рисунок 36 — Особенности подходов держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии на основе разделения стран на трансрегиональные группы (источник: составлено автором)

Кластеризация средних держав по разным признакам (принадлежность к странам Глобального Севера или Глобального Юга; участие в трансрегиональных объединениях) не приводит к выделению особых принципов, характерных исключительно для этой группы стран. В связи с этим нельзя констатировать, что державы среднего уровня объединяются в связи с единым подходом к реализации гуманитарной дипломатии или же сформировали единый подход к гуманитарной дипломатии в результате объединения в трансрегиональные группы.

В результате проведенного исследования к общим принципам всех держав среднего уровня можно отнести:

- многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии (при сохранении двусторонних связей в качестве основного способа осуществления гуманитарной дипломатии);
- глобальный характер с региональным уклоном;
- отсутствие стремления к установлению зависимости от помощи и оказание помощи для поддержки усилий государства по улучшению условий;
- уважение прав человека;
- равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга;
- стремление к обмену информации с другими донорами и партнерами;
- отсутствие ведущей роли координирующего института в распределении средств
- вовлечение разного типа акторов в реализацию гуманитарной дипломатии.

Для отдельных кластеров в качестве ведущих принципов выделяются:

- ответственность обоих партнеров за результаты;
- вовлеченность в проблемы других;
- эффективность внедряемых программ и их актуальность;
- *доступность четкой и актуальной информации* (для МИКТА).

§ 3.2. Цели использования державами среднего уровня гуманитарной дипломатии

Предыдущий параграф посвящен вопросам сравнения принципов гуманитарной дипломатии держав среднего уровня и попытке кластеризации в соответствии с этими принципами и двумя способами выделения групп: по виду деятельности, присущему странам Глобального Севера или Глобального Юга — объектной или субъектной стратегии, и по географическому признаку, выражающемуся членством в трансрегиональных группах. Однако

проведенный анализ не подразумевает изучения целей использования гуманитарной дипломатии как инструмента внешней политики, в связи с этим предлагается исследовать цели каждой рассмотренной державы среднего уровня, определить общий набор целей для держав среднего уровня и повторить попытку кластеризации подходов в соответствии с двумя способами выделения групп.

В качестве критериев для сравнения определены две категории, выделенные во время анализа кейсов: цели использования гуманитарной дипломатии, к которым относятся все причины применения инструментария, и как отдельная категория — достижение признания как цель, согласно которой проверяется гипотеза о преимущественном использовании инструментария в качестве способа достижения международного признания (лидеров или же альтернативных акторов), которая бы объясняла специфику использования инструмента государствами со статусом средних держав. Результаты сравнения отражены в Таблица 10.

Таблица 10 — Сравнение целей использования гуманитарной дипломатии державами среднего уровня

Страна	Цель использования гуманитарной дипломатии	Достижение признания как цель
Мексика	1) Увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне) 2) Достижение безопасности региона 3) Нормализация и укрепление отношений с партнерами	Нет
Индонезия	1) Достижение признания 2) Увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне) 3) Достижение безопасности региона 4) Повышение узнаваемости за рубежом продуктов 5) Нормализация и укрепление отношений с партнерами	Да, признание как партнера и легитимности внешней политики
Южная Корея	1) Достижение признания 2) Увеличение статуса и престижа 3) Достижение безопасности региона 4) Нормализация и укрепление отношений с партнерами	Да, альтернативное признание раньше КНДР (и по корейскому вопросу) и признание в качестве глобального игрока со стороны лидеров иерархии

Страна	Цель использования гуманитарной дипломатии	Достижение признания как цель
Турция	1) Достижение признания 2) Увеличение статуса и престижа 3) Достижение безопасности региона 4) Борьба с распространением влияния конкурентов	Да, признание со стороны лидеров иерархии и альтернативное признание по вопросу Кипра
Австралия	1) Достижение признания 2) Увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне) 3) Борьба с распространением влияния конкурентов 4) Нормализация и укрепление отношений с партнерами	Да, признание со стороны лидеров иерархии
Индия	1) Увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне) 2) Повышение узнаваемости продукции за рубежом 3) Преодоление барьеров к развитию 4) Расширение зоны влияния 5) Борьба с распространением влияния конкурентов	Нет
Бразилия	1) Достижение признания 2) Увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне) 3) Расширение зоны влияния	Да, признание со стороны лидеров иерархии
ЮАР	1) Достижение признания 2) Увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне) 3) Расширение зоны влияния 4) Борьба с распространением влияния конкурентов 5) Нормализация и укрепление отношений с партнерами	Да, альтернативное признание в период апартеида, признание со стороны иерархии глобальным игроком

Источник: составлено автором

Итак, в соответствии с полученными данными изученные державы среднего уровня прибегают к многостороннему сотрудничеству для реализации следующих целей:

1) достижение признания (в том числе альтернативного) — использование гуманитарной дипломатии в целях получения подтверждения своего статуса международным сообществом и тем самым легитимизации этого статуса на международном уровне, в отдельных случаях это способ преодоления стигматизации со

стороны международного сообщества и социализация в обществе альтернативных акторов;

2) увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровне) — способ повышения статуса в глазах международного сообщества на региональном уровне, причем необязательно в регионе нахождения государства, и на глобальном уровне;
3) достижение национальной и региональной безопасности— использование гуманитарной дипломатии для решения вопросов безопасности региона, например, путем содействия уязвимым слоям населения в зоне конфликта, повышения устойчивости населения к социально-экономическим проблемам, снижения социально-экономического расслоения путем организации программ развития, содействия в организации выборов на территории стран (и соответственно собственной безопасности государства);
4) повышение узнаваемости за рубежом продуктов — использование гуманитарной дипломатии в качестве возможности рекламы за рубежом своих продуктов или же брендирование их под флагом страны для усиления их репутации за рубежом, особенно активно использовалось в пандемию коронавируса;
5) преодоление барьеров к развитию — использование гуманитарной дипломатии в качестве способа стимулирования развития собственной страны, в том числе при наличии каких-либо барьеров к развитию ввиду международных санкций, отсутствия финансирования или неготовности делиться международным опытом;
6) расширение зоны влияния — использование гуманитарной дипломатии в качестве способа увеличения влияния государств на другие страны, например, в своем регионе и за его пределами (в отношении держав среднего уровня чаще всего за пределами собственного региона как расширение зоны и в пределах собственного региона как способ укрепления влияния);

7) борьба с распространением влияния конкурентов — использование гуманитарной дипломатии в качестве способа конкуренции в экономическом, политическом плане и снижение влияния конкурентов ввиду усиления отношений между средней державой и ее партнерами;
8) нормализация и укрепление отношений с партнерами — использование гуманитарной дипломатии в ситуации двусторонней напряженности или охлаждения отношений.

Фактически можно говорить о том, что причины использования гуманитарной дипломатии державами среднего уровня можно условно разделить на политические и экономические. Причем, в каждом отдельном случае достаточно сложно определить, какие причины являются первичными — политические или экономические, что еще раз подтверждает тенденцию к политизации гуманитарной дипломатии и гуманитарной помощи и свидетельствует о слиянии политического и экономического в этом инструменте, где экономическое не имеет смысла без политического (и, как следствие, нет исключительно экономически подпитываемых случаев использования гуманитарной дипломатии держав среднего уровня).

Отдельно выделяется достижение признания как цель: в соответствии с проведенными исследованиями такая цель выделяется у шести государств — Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия, Бразилия, ЮАР. В отличие от этих шести государств, гуманитарная дипломатия Мексики и Индии не осуществляется и не осуществлялась с целью достижения признания. В соответствии с этим кластеризация по виду деятельности (объектная стратегия Глобального Севера/ субъектная стратегия Глобального Юга) или географическому признаку (членство в трансрегиональных организациях) не представляется возможной.

Таким образом представляется необходимым группировать подходы по иным критериям. Для достижения этой цели необходимо подробнее

рассмотреть особенности поиска признания. Так, поиск признания отличается по нескольким важным признакам:

- субъект, осуществляющий признание: может быть как объектом гуманитарной дипломатии, так и сторонним наблюдателем, а также может быть как великой державой действующей иерархии, так и аутсайдером внутри нее, подвергающимся стигматизации;
- цель может быть связана как с подтверждением статуса, так и с получением легитимности по какому-либо вопросу внешней политики, подвергшемуся стигматизации, глобально может быть связана с включением в действующую иерархию или получением предпочтения при существовании внутреннего раскола (например, Южная Корея и КНДР или, если искать подобные примеры в историческом измерении держав среднего уровня[778] — КНР и Тайвань).

Как было отмечено, для каждого из государств характерна своя цель и свои объекты. В соответствии с ними осуществлена попытка кластеризации (см. Таблица 11).

Таблица 11 — Субъекты признания и цели получения признания

Страна	Субъект, осуществляющий признание	Цель (цели) получения признания
Индонезия	Великие державы	Признание легитимности внешней политики, признание в качестве весомого члена иерархии
Южная Корея	Великие державы	Включение в текущую иерархию, признание в качестве весомого члена иерархии
Турция	Великие державы для признания в иерархии, все государства для признания Северного Кипра, в т.ч. стигматизированные	Признание в качестве весомого члена иерархии, признание легитимности спорного вопроса внешней политики (Северного Кипра)
Австралия	Великие державы	Признание в качестве весомого члена иерархии

[778] Если рассматривать КНР в историческом контексте, то в период социальной изоляции после раскола между КНР и Тайванем нельзя говорить о статусе великой державы ни у КНР, ни у Тайваня. Допустимо предположить, что на тот момент КНР могла быть державой среднего уровня, ищущей первоначально международного признания в состав иерархии (в данном случае — ООН), а в последствии за Фактически КНР была вынуждена бороться за альтернативное признание для вступления в ООН и получения места в СБ ООН.

Страна	Субъект, осуществляющий признание	Цель (цели) получения признания
Бразилия	Великие державы	Признание в качестве весомого члена иерархии
ЮАР	Великие державы для признания роли, все государства для выхода из стигматизированного положения	Признание в качестве весомого члена иерархии, альтернативное признание как способ выхода из изоляции во время апартеида

Источник: составлено автором

При сопоставлении с использованием гуманитарной дипломатии великими державами становится очевидна разница: у великих держав гуманитарная дипломатия является одним из инструментов социализации или стигматизации государств. Так, гуманитарная помощь становится видом моральной и символической поддержки страны-реципиента и способом мобилизации общественного мнения в пользу страны и стигматизации противоположной стороны[779].

Малые государства, в свою очередь, демонстрируют использование в том числе гуманитарной дипломатии для получения права быть услышанными. Более того, они могут демонстрировать элементы глобальной среднедержавности для достижения своих целей, в том числе путем использования гуманитарной дипломатии[780].

Важным вопросом является воздействие держав среднего уровня через гуманитарную дипломатию на мировую политику, представленную в виде сложной самоорганизующейся системы. В действительности, державы среднего уровня оказывают влияние на систему и ее различные элементы. Благодаря инструменту державы среднего уровня проходят через социализацию, поддерживая существующую иерархию, одновременно при этом изменяя ее при возникновении новых вызовов. Так, постепенно трансформируется как состав держав среднего уровня (происходит переход государств из одной категории в другую), так и присущие им роли, формируемые в результате их деятельности. В результате гуманитарная

[779] Саямов Ю. Н. Иностранная помощь как инструмент внешней политики. С. 72–85.
[780] Барабаш Б. А. Трансформация роли малых государств в мировой политике в начале XXI века. С. 295–296.

дипломатия держав среднего уровня также помогает переосмыслять роли других государств (например, некоторые малые государства периодически проявляют некоторые виды среднедержавности).

Итак, в результате сравнения получается, что для большинства держав среднего уровня достижение признания выражается в признании в качестве весомого члена иерархии великими державами. Тем не менее, есть и другие виды признания, которого страны пытаются добиться: так, признание легитимности внешней политики и отдельных ее вопросов характерно для Индонезии и Турции, включение в текущую иерархию характерно для Южной Кореи, а признание как способ выхода из изоляции — для ЮАР. При этом даже в случае похожих вопросов (легитимность внешней политики) страны ищут поддержки у разных акторов: так, для Индонезии важно признание именно со стороны великих держав, а для Турции – всех акторов, вне зависимости от их статуса. Выход из международной изоляции для ЮАР непосредственно связан с признанием всех акторов, но и здесь есть схожий пример Южной Кореи, которая стремилась к включению в иерархию со стороны великих держав. Таким образом, можно говорить о том, что в отличие от признания в качестве весомого члена иерархии великими державами для остальных видов признания субъекты признания отличаются от случая к случаю.

Вывод к главе 3

Благодаря анализу подходов шести средних держав Глобального Юга и двух средних держав Глобального Севера было выявлено, что у всех изученных держав среднего уровня есть общие черты в подходе к реализации гуманитарной дипломатии. К ним относятся: использование гуманитарной дипломатии как инструмента внешней политики, многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии (при сохранении двусторонних связей в качестве основного способа осуществления гуманитарной дипломатии), глобальный характер гуманитарной дипломатии с региональным уклоном, отсутствие стремления к установлению зависимости

от помощи и оказание помощи для поддержки усилий государства по улучшению условий, уважение прав человека, равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга, стремление к обмену информацией с другими донорами и партнерами, вовлеченность большого количества разных акторов в реализацию гуманитарной дипломатии, отсутствие ведущей роли координирующего института в распределении средств. Также было определено, что указанные в качестве общих черты гуманитарной дипломатии держав среднего уровня помогают в осуществлении ими своих ролей на международной арене. В частности, многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии и стремление к обмену информацией с другими донорами и партнерами являются способом поддержки многосторонних действий, в том числе ввиду неспособности действовать в одиночку, стремление влиять на глобальную повестку, в свою очередь, выражается в глобальном характере гуманитарной дипломатии с региональным уклоном.

Было выявлено, что державы среднего уровня используют инструмент гуманитарной дипломатии для реализации экономических и политических целей, связанных между собой: достижение признания (в том числе альтернативного), увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровнях), достижение национальной и региональной безопасности, повышение узнаваемости продуктов за рубежом, преодоление барьеров к развитию, расширение зоны влияния и борьба с распространением влияния конкурентов, нормализация и укрепление отношений с партнерами.

Достижение признания напрямую служит для реализации роли стимулирования социального признания значимости государства на международной арене. При этом выделенное в качестве цели достижение признания отличается разнообразием и представляет для каждого государства разное значение: так, отличаются субъект, осуществляющий признание, и цель получения признания. Например, признание в качестве весомого члена иерархии осуществляют великие державы, как и включают государство в

текущую иерархию. Способ выхода из изоляции через альтернативное признание осуществляется всеми игроками иерархии, в том числе стигматизированными государствами. Признание легитимности внешней политики и отдельных ее вопросов могут осуществлять как лидеры иерархии (великие державы), так и все игроки иерархии.

Таким образом, благодаря использованию инструмента для поддержки присущих средним державам ролей гуманитарная дипломатия держав среднего уровня является неотъемлемой частью их внешней политики и способом сохранения собственного статуса.

Также осуществлена кластеризация подходов к гуманитарной дипломатии по виду деятельности для средних держав Глобального Севера и Глобального Юга. Было выявлено, что средние державы Глобального Севера не имеют общих отличительных признаков кроме объектной стратегии и узкого подхода к определению гуманитарной дипломатии. Для средних держав Глобального Юга был выявлен ряд особенностей и принципов, позволяющих говорить об их специфичном подходе: помимо субъектной стратегии, широкого подхода к гуманитарной дипломатии и дуального характера гуманитарной дипломатии им присущи учет нужд партнера и реализация в соответствии с желаемым результатов, ответственность обоих партнеров за результаты, вовлеченность в проблемы других, эффективность внедряемых программ и их актуальность.

Было определено, что членство в трансрегиональных группах не приносит подходам к гуманитарной дипломатии средних держав дополнительные схожие черты: МИКТА дублирует общие схожие черты всех средних держав и некоторые черты держав Глобального Юга, уникальной чертой для МИКТА является доступность четкой и актуальной информации. Для ИБСА/БРИКС ситуация аналогичная, особенности, присущие только этой группе, отличные от выделенных особенностей для других кластеров, отсутствуют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность изучения подходов держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии не вызывает сомнений: возникающие транснациональные вызовы приводят к появлению проблем гуманитарного характера в средних державах и за их пределами и ухудшению безопасности, что требует от средних держав вовлечения в гуманитарную дипломатию для достижения безопасности и устранения причин вызовов. Также гуманитарная дипломатия является способом укрепления своих позиций для держав среднего уровня, которые не обладают достаточной жесткой силой для усиления влияния, повышения собственной активности на мировой арене. Это обусловлено в том числе позитивным восприятием всеми членами международной иерархии гуманитарной дипломатии как этически правильной деятельности. Также актуальность этого феномена подтверждается интересом академического сообщества как к гуманитарной дипломатии как внешнеполитическому инструменту, так и к державам среднего уровня и международной иерархии, хотя и не в связке друг с другом.

Анализ академической литературы показал, что восприятие исследователями международной иерархии не является однородным: так, отсутствует консенсус относительно количества существующих иерархий, количества, видов и типов действующих в них акторов в системе международных отношений, природы функционирующих отношений в иерархии, характеристик неравенства, причин формирования иерархий, способов и возможностей ее пересмотра. В соответствии с предложенным системным подходом в реляционном преломлении был выбран подход логики позиционирования, связанный с социальной природой иерархии, где в самоорганизующейся, обладающей дифференциацией иерархии на системном уровне действуют международные организации, негосударственные акторы и государства, причем статус последних определяется самостоятельно и международным сообществом, государство может подвергаться как социализации, так и стигматизации. В исследовании рассматривается

иерархия из трех типов государств — великих держав, средних держав и малых государств.

Академическая литература изучает державы среднего уровня как отдельный феномен, так и аспекты, связанные с их местом и ролью в иерархии и внешней политикой. В соответствии с позиционным подходом к восприятию иерархии при изучении держав среднего уровня как акторов существующей системы необходимо учитывать сложившуюся иерархию, социальную природу этой иерархии и особенности получения этого статуса. В связи с чем автором исследования предложен доработанный ролевой подход: держава среднего уровня определяется как статус, присвоенный государству им самим и международным сообществом в связи с достаточными материальными возможностями для реализации дополнительных ролей, конструируемых в текущей системе международных отношений как роли держав такого уровня. К таким ролям относят поддержку многосторонних действий ввиду неспособности действовать в одиночку, стремление влиять на глобальную повестку, применение материальных возможностей для позиционирования себя в качестве «добропорядочного члена международного сообщества» и стимулирования социального признания значимости государства на международной арене.

Исследователи гуманитарной дипломатии также не нашли единого подхода к природе гуманитарной дипломатии, включая основные направления, задействованные акторы, уровень реализации, определение. В соответствии с фокусом исследовательской работы на средних державах, автор сконцентрировался на природе гуманитарной дипломатии государств и, в особенности, держав среднего уровня. Ввиду необходимости унификации подхода, автором было предложено определение гуманитарной дипломатии как инструмента внешней политики государства, позволяющего выразить международное сочувствие и солидарность, способствующего укреплению международного статуса государства и построению доверительных союзнических отношений для продвижения национальных интересов и

укрепления международного признания, а также содействующего в обеспечении национальной, региональной и международной безопасности. В общем смысле под гуманитарной дипломатией подразумеваются гуманитарная помощь государства в чрезвычайных ситуациях и помощь в содействии развитию.

С целью анализа подходов разных стран к реализации гуманитарной дипломатии была предложена модель изучения гуманитарной дипломатии для изучения специфики держав среднего уровня. В нее были включены принципы осуществления; подход к определению; институционально-правовое оформление; тематические направления; географическая ориентация; готовность к многостороннему сотрудничеству, участие в миротворческих операциях и членство в международных организациях развития; основные конкуренты в сфере влияния.

Вопрос определения статуса государства был решен с помощью метода бенчмаркинга, согласно которому социальное восприятие государств реализуется путем присвоения оценок каждому государству в попытке перераспределить статус среди акторов и стимулировать государства к принятию международных норм. Для этого был выбран мировой индекс держав, который основывает свои данные на западных практиках управления и способах измерения (например, оценка Всемирного Банка). В результате принятия референтного числа государств в каждой из групп, было отобрано 36 государств с предположительным статусом державы среднего уровня. Из них были отобраны те государства, которые получили место в «Группе двадцати», в качестве признанных другими участниками как важных участников мировой системы. Так как особый интерес представлял вопрос поддержки многосторонних действий, были исключены государства, не состоящие в трансрегиональных объединениях, а также Италия ввиду ее членства в «Большой семерке», более высоком западном статусном сообществе. В соответствии с этим выбраны кейсы Мексики, Индонезии, Южной Кореи, Турции, Австралии, Индии, Бразилии, ЮАР.

В главе 2 изучены подходы указанных восьми держав среднего уровня к гуманитарной дипломатии: выявлена специфика подхода каждой державы к использованию инструмента. Сами державы были поделены на средние державы Глобального Севера (Южная Корея, Австралия) и средние державы Глобального Юга (Мексика, Индонезия, Турция, Индия, Бразилия, ЮАР). Субъектная глобальная гуманитарная дипломатия Мексики с региональным уклоном и широким набором видов деятельности реализуется для установления безопасности государства и укрепления имиджа государства, является недостаточно эффективной ввиду снижения координации между учреждениями, большого количества органов, больших взносов в международные организации, но продолжает реализовываться благодаря многостороннему сотрудничеству. Субъектная глобальная гуманитарная дипломатия Индонезии с широким набором видов деятельности реализуется с целью укрепления имиджа государства, признания легитимности внешней политики, установления политической и экономической безопасности, является недостаточно эффективной ввиду большого количества органов и ограниченного бюджета. Объектная глобальная гуманитарная дипломатия Южной Кореи с региональным уклоном и ограниченным набором видов деятельности реализуется с целью укрепления имиджа государства, установления безопасности и повышения авторитета власти внутри страны, а также получения признания лидеров иерархии (в прошлом — достижения альтернативного признания). Инструмент является недостаточно эффективным ввиду дуальности органов и необходимости вложений в КНДР. Субъектная глобальная гуманитарная дипломатия Турции с региональным уклоном и широким набором инструментов, реализуется с целью укрепления влияния, безопасности, имиджа государства, а также периодически для достижения признания. Инструмент недостаточно эффективен ввиду тяжелой гуманитарной обстановки и большого количества органов. Объектная глобальная гуманитарная дипломатия Австралии с региональным уклоном и ограниченным набором видов деятельности реализуется с целью укрепления

влияния и имиджа, противостояния конкурентам, достижения признания, отличается сильной зависимостью от общественного мнения. Субъектная глобальная гуманитарная дипломатия Индии с региональным уклоном и широким набором видов деятельности реализуется с целью укрепления влияния и имиджа, продвижения экономики, противостояния конкурентам и преимущественно выражается в кредитных линиях. Субъектная глобальная гуманитарная дипломатия Бразилии с региональным уклоном и широким набором видов деятельности реализуется с целью укрепления влияния и имиджа, продвижения экономики и противостояния конкурентам, преследовала цели достижения признания, зависит от президентской внешней политики. Субъектная региональная гуманитарная дипломатия ЮАР с широким набором видов деятельности реализуется с целью укрепления влияния и имиджа, продвижения экономики и противостояния конкурентам, преследовала цели альтернативного признания, при этом ограничена бюрократизацией процессов и зависимостью от президентской внешней политики.

В Главе 3 определены общие черты подхода держав среднего уровня к реализации гуманитарной дипломатии: использование гуманитарной дипломатии как инструмента внешней политики, многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии (при сохранении двусторонних связей в качестве основного способа осуществления гуманитарной дипломатии), глобальный характер гуманитарной дипломатии с региональным уклоном, отсутствие стремления к установлению зависимости от помощи и оказание помощи для поддержки усилий государства по улучшению условий, уважение прав человека, равенство партнеров и уважение национальных интересов друг друга, стремление к обмену информацией с другими донорами и партнерами, вовлеченность большого количества разных акторов в реализацию гуманитарной дипломатии, отсутствие ведущей роли координирующего института в распределении средств.

Было выявлено, что цели использования инструмента гуманитарной дипломатии держав среднего уровня являются экономическими и политическими, связанными между собой: достижение признания (в том числе альтернативного), увеличение статуса и престижа (на региональном и глобальном уровнях), достижение национальной и региональной безопасности, повышение узнаваемости продуктов за рубежом, преодоление барьеров к развитию, расширение зоны влияния и борьба с распространением влияния конкурентов, нормализация и укрепление отношений с партнерами.

Достижение признания как цель может иметь разный субъект, осуществляющий признание, и разную цель получения признания. Великие державы признают державы среднего уровня в качестве весомого члена иерархии и включают государство в текущую иерархию. Предоставить способ выхода из изоляции через альтернативное признание могут все игроки иерархии (даже стигматизированные). Признание легитимности внешней политики и отдельных ее вопросов могут осуществлять как великие державы, так и все игроки иерархии.

Также было определено, что указанные в качестве общих черты гуманитарной дипломатии держав среднего уровня помогают в осуществлении ими своих ролей на международной арене, что делает этот инструмент одним из ключевых во внешней политике. Поддержка многосторонних действий (в том числе ввиду неспособности средних держав действовать в одиночку) осуществляется через многостороннее сотрудничество как направление гуманитарной дипломатии и стремление к обмену информацией с другими донорами и партнерами, в том числе ввиду неспособности действовать в одиночку, а стремление влиять на глобальную повестку, в свою очередь, выражается в глобальном характере гуманитарной дипломатии с региональным уклоном. Достижение признания напрямую служит для реализации роли стимулирования социального признания значимости государства на международной арене. Таким образом, благодаря использованию инструмента для поддержки присущих средним державам

ролей гуманитарная дипломатия держав среднего уровня является неотъемлемой частью их внешней политики и способом сохранения их статуса.

В настоящем исследовании осуществлена кластеризация подходов к гуманитарной дипломатии по виду деятельности для средних держав Глобального Севера и Глобального Юга. Было выявлено, что общими отличительными признаками средних держав Глобального Севера являются объектная стратегия и узкий подход к определению гуманитарной дипломатии. Для средних держав Глобального Юга был выявлен ряд особенностей и принципов, позволяющих говорить об их специфичном подходе: помимо субъектной стратегии, широкого подхода к гуманитарной дипломатии и дуального характера гуманитарной дипломатии им присущи учет нужд партнера и реализация в соответствии с желаемым результатов, ответственность обоих партнеров за результаты, вовлеченность в проблемы других, эффективность внедряемых программ и их актуальность.

В Главе 3 также было выявлено, что трансрегиональные группы не обладают своими уникальными подходами, а дублируют особенности кластеров Глобального Юга, единственной уникальной чертой обладает МИКТА — доступность четкой и актуальной информации.

Некоторые выводы, сформулированные в настоящем исследовании, требуют дальнейшего более обширного эмпирического исследования: предложенные общие черты гуманитарной дипломатии держав среднего уровня могут быть проверены для других кейсов – например, Аргентины, Саудовской Аравии, Италии и других государств. Также представляет интерес апробация модели исследования гуманитарной дипломатии для других типов государств – например, для великих держав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы

На русском языке

1. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом : утв. Указом Президента Российской Федерации от 05 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом»: в ред. Указа Президента Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 747 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. — 2022. — № 37, ст. 6315. — Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=603229493&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1
2. Указ Президента Российской Федерации от 13.03.2023 г. № 161 «О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259» – Номер опубликования: 0001202303130003 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 13.03.2023. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303130003.

На английском языке

3. 2018–2019 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. — 2020. — Mode of access: https://dirco.gov.za/2018-2019-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/
4. 2019–2020 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. — 2021.

— Mode of access: https://dirco.gov.za/2019-2020-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/

5. 2020–2021 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. — 2022. — Mode of access: https://dirco.gov.za/2020-2021-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/
6. 2021–2022 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. — 2023. — Mode of access: https://dirco.gov.za/2021-2022-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund-the-annual-report/
7. 2022–2023 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. — 2024. — Mode of access: https://dirco.gov.za/2022-2023-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/
8. 2023–2024 Annual Report African Renaissance and International Cooperation Fund (ARF) // Department of International Relations and Cooperation. — 2025. — Mode of access: https://dirco.gov.za/2023-2024-annual-report-of-the-african-renaissance-and-international-cooperation-fund/
9. 75 Years of Development Partnership : Saga of Commitment to Plurality, Diversity and Collective Progress // Research and Information System for Developing Countries. — 2022. — Mode of access: https://www.ris.org.in/en/node/3445.
10. Australia’s Humanitarian Policy : making a difference for people in crisis. — Barton : Department of Foreign Affairs, 2024. — 32 p. — Mode of access: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/australian-humanitarian-policy.pdf
11. Australia’s International Development Policy : For a peaceful, stable and prosperous Indo-Pacific. — Barton : Department of Foreign Affairs, 2023. — 52 p. — Mode of access: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/international-development-policy.pdf.

12. Constitution of the Federative Republic of Brazil. Mode of access: https://legis.senado.leg.br/norma/579494/publicacao/33296461.
13. Framework on International Development Cooperation : Wholly Amended by Act No. 17302, May 26, 2020 // Korea Law Translation Center. — 2020. — Mode of access: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=54777&type=part&key=44
14. Global Korea: The National Security Strategy of the Republic of Korea : the Lee Myung-bak administration's foreign policy and national security vision. – Seoul : Office of the President, 2009. – 37 p.
15. Minutes of meeting of National Assembly 12 November 2024 // Parliamentary Monitoring Group. — 12.11.2024. — Mode of access: https://pmg.org.za/hansard/39860/
16. OECD Development Co-operation Peer Reviews : Korea 2024. — Paris : OECD Publishing, 2024. — 71 p. — Mode of access: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/05/oecd-development-co-operation-peer-reviews-korea-2024_8adb0d3d/889c6564-en.pdf.
17. South Africa Yearbook 2023/24 // Government Communication and Information System. — 2025. — Mode of access: https://www.gcis.gov.za/resources/south-africa-yearbook-202324.
18. White Paper on South African Foreign Policy - Building a Better World : The Diplomacy of Ubuntu // South African Government. — 15.04.2011. — Mode of access: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/foreignpolicy0.pdf.

На других иностранных языках

19. DECRETO por el que se expide la Ley de Cooperación Internacional para el Desarrollo // Diario Oficial de la Federación. — 06.04.2011. — Mode of access:

https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5184958&fecha=06/04/2011#gsc.tab=0

20. Dimensionamento de Gastos das Instituições da Administração Pública Federal na Cooperação Brasileira para o Desenvolvimento Internacional. COBRADI 2017–2018. — Brasilia : IPEA, 2020. — 184 p. — Mode of access: https://repositorio.ipea.gov.br/bitstream/11058/10377/1/DimensdegastosdasinstitdaAdmPublicaFederalnaCOBRADI.pdf.
21. Memoria Documental “Estrategia Integral de Movilidad Humana”. — Mexico City : Secretaría de Relaciones Exteriores, 2024. — 84 p. — Mode of access: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/943341/240822_Memoria_Documental.pdf
22. Programa 2316 – Relações Internacionais e Assistência a Brasileiras e Brasileiros no Exterior // Ministério do Planejamento e Orçamento. Secretaria Nacional de Planejamento. — 2024. — Mode of access: https://www.gov.br/mre/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas.
23. Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021–2024 // Secretaría de Relaciones Exteriores. — 2021. — Mode of access: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5639308&fecha=24/12/2021.
24. Rancangan Teknokratik Rencana Pembangunan Jangka Menengah Nasional 2020-2024 // Kementarian PPN/Bappenas. — 2019. — Mode of access: https://perpustakaan.bappenas.go.id/e-library/file_upload/koleksi/migrasi-data-publikasi/file/RP_RKP/Narasi%20RPJMN%20IV%202020-2024_Revisi%2014%20Agustus%202019.pdf
25. Ringkasan Rencana Pembangunan Jangka Menengah Nasional Tahun 2025–2029 // Kementarian PPN/Bappenas. — 2024. — Mode of access: https://perpustakaan.bappenas.go.id/e-library/file_upload/koleksi/dokumenbappenas/konten/Dokumen%202025/Konten/%7BDigital%7D%20Ringkasan%20RPJMN%20Tahun%202025-2029.pdf.

26. Secretaria de Relaciones Exteriores. Sexto Informe de Labores 2023-2024 de la SRE // Secretaria de Relaciones Exteriores. — 01.09.2024. — 260 p. — Mode of access: https://www.gob.mx/sre/documentos/sexto-informe-de-labores-2023-2024-de-la-sre
27. Transkrip Pernyataan Pers Tahunan Menteri Luar Negeri RI Tahun 2025 // Kementarian Luar Negeri Republik Indonesia. — 2025. — Mode of access: https://kemlu.go.id/publikasi/pidato/pidato-menteri/transkrip-pernyataan-pers-tahunan-menteri-luar-negeri-ri-tahun-2025?type=publication.

Научная литература

На русском языке

28. Аватков, В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений : дис. … докт. полит. наук : 23.00.04 / Аватков Владимир Алексеевич. — М., 2020. — 387 с.
29. Аватков, В.А. Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020 г. / В.А. Аватков // Свободная мысль. — 2021. — №1 (1685). — С. 81–90.
30. Аватков, В.А. Внешняя политика Турции 2002–2018 / В.А. Аватков. — М. : Издательство Юрайт, 2020. — 145 с.
31. Аватков, В.А. Идейно-ценностный фактор во внешней политике Турции / В.А. Аватков // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — Т. 12. — №4. — С. 113–129.
32. Агоннуде, Б.В.Ф. Внешняя политика ЮАР в XXI веке : членство в БРИКС и стратегия многосторонности : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Агоннуде Бидолей Вианней Фредди. — М., 2021. — 230 с.
33. Алиева, А.И.к. Специфика современных подходов Турецкой Республики к оказанию помощи зарубежным государствам / А.И.к. Алиева // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2017. — №1. — С. 56–92.

34. Барабаш, Б.А. Трансформация роли малых государств в мировой политике в начале XXI века : дис. … канд. полит. наук : 5.5.4 / Барабаш Богдан Алексеевич. — М., 2025. — 359 с.
35. Барановский, В.Г. Новый миропорядок : преодоление старого или его трансформация? / В.Г. Барановский // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — №5. — С. 7–23.
36. Барановский, В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте / В.Г. Барановский // Пути к миру и безопасности. — 2017. — №1 (52). — С. 55–63.
37. Барнашов, О.В. Фактор США во внешней политике Турции на Ближнем Востоке : 2002–2019 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Барнашов Олег Владимирович. — М., 2021. — 207 с.
38. Бобкин, Н.Н. Политика США в отношении миротворческих операций ООН / Н.Н. Бобкин // США и Канада : Экономика, политика, культура. — 2021. — №9. — С. 54–69.
39. Богатуров, А.Д. Лидерство и децентрализация в мировой системе / А.Д. Богатуров // Международные процессы. — 2006. — Т. 4. — №3. — С. 5–15.
40. Богатуров, А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: научное издание / А.Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 480 с.
41. Богатырева, О.Н. Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы / О.Н. Богатырева // Международные процессы. — 2022. — Т. 20. — № 1. — С. 166–191.
42. Богатырева, О.Н. Гуманитарная дипломатия и права человека : теория и практика / О.Н. Богатырева, С.И. Глушкова, К.М. Табаринцева-Романова // Вестник Гуманитарного университета. — 2022. — №1 (36). — С. 50–54.
43. Богатырева, О.Н. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт / О.Н. Богатырева, Д.М. Ковба, К.М. Табаринцева-Романова; под ред. О.Н. Богатыревой. — М. : Наука, 2021. — 282 с.

44. Борзова, А.Ю. Стратегии Бразилии в области содействия развитию / А. Ю. Борзова // Вестник международных организаций. — 2015. — Т. 10. — №3. — С. 156–169.
45. Бразилия : смена приоритетов в новом политическом цикле / отв. ред. В.М. Давыдов. — М. : ИЛА РАН, 2019. — 146 с.
46. Бритова, В.Р. Концепция «средней державы» во внешней политике Республики Корея : 1993–2017 гг. : дисс. … канд. ист. наук : 5.6.2 — Улан-Удэ, 2022. — 173 с.
47. Ван, Л.Л. Гуманитарная дипломатия КНР в XXI веке / Л.Л. Ван // Вестник Таджикского национального университета. — 2023. — №5. — С. 18–24.
48. Великая, А.А. Международное гуманитарное сотрудничество : политические аспекты отечественных и западных подходов / А.А. Великая // Право и управление. XXI век. — 2012. — № 3 (24). — С. 63–72.
49. Великая, А.А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве / А.А. Великая // Постсоветские исследования. — 2020. — Т. 3. — №3. — С. 235–241.
50. Великая, А.А. Роль ближневосточной гуманитарной политики США в продвижении американской концепции мирового порядка / А.А. Великая, А.Л. Невмержицкий, Т.А. Слоквенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2023. — Т. 16. — №2. — С. 117–130.
51. Великая, А.А. Гуманитарная политика Советского Союза / А.А. Великая, С. Самедов // Обозреватель-Observer. — 2020. — № 4 (363). — С. 56–66.
52. Вершинина, В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях : сравнительный анализ концептуальных подходов / В.В. Вершинина // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 1|1. — №3. — С. 25–40.
53. Вершинина, В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама) : дис.

… канд. полит. наук : 23.00.04 / Вершинина Валерия Валерьевна. — М., 2021. — 247 с.

54. Воронцов, А. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея : теория и практика / А. Воронцов, Т. Понька, Э. Варпаховскис // Международные процессы. — 2020. — Т. 18. — №1(60). — С. 89–105.
55. Галищева, Н.В. Внешнеэкономичекая политика Индии в условиях либеральных реформ : дис. … докт. экон. наук : 08.00.14 / Галищева Наталья Валерьевна. — М., 2013. — 589 с.
56. Гарин, А.А. Фактор Китайской Народной Республики во внешней политике Австралийского Союза : 1972–2929 : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Гарин Артём Алексеевич. — М., 2021. — 236 с.
57. Грибовод, Е.Г. Многообразие форм современной гуманитарной дипломатии : опыт интерпретации / Е.Г. Грибовод // Дискурс-Пи. — 2023. — №4. — С. 177–191.
58. Громогласова, Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях : опыт системного исследования / Е.С. Громогласова. — М : ИМЭМО РАН, 2018. — 124 с.
59. Громогласова, Е.С. Гуманитарная составляющая во внешней политике государства : дис. … докт. полит. наук : 23.00.04 / Громогласова Елизавета Сергеевна. — М., 2018. — 485 с.
60. Гузаеров, Р.И. Турция как средняя держава в системе международных отношений / Р.И. Гузаеров // Ближний и Постсоветский Восток. — 2023. — №3 (3). — С. 97–112.
61. Гуманитарная дипломатия. Цивилизационные и национальные модели / О.Н. Богатырева, К.М. Табаринцева-Романова, Д.М. Ковба, Ю.С. Филаретова. — М. : Аспект Пресс, 2023. — 192 с.
62. Гумаров, Ф.Л. Внешнеполитические связи Турецкой Республики с тюркоязычными государствами Центральной Азии – членами ЕАЭС :

1991–2015 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Гумаров Фархад Линарович. — Казань, 2017. — 249 с.

63. Да Коста Сантос, Д. Основные направления деятельности Федеративной Республики Бразилии в ООН : 1945–2019 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Да Коста Сантос Джонатан. — М., 2021. — 209 с.
64. Давыдов, А.А. Зарубежная помощь США : Помощь развитию как инструмент внешней политики (часть 2) / А. А. Давыдов // Пути к миру и безопасности. — 2018. — №2 (55). — С. 9–21.
65. Дегтерев, Д.А. Международный статус стран постсоветского пространства : традиционный и реляционный подходы к оценке иерархии / Д.А. Дегтерев, А.С. Буторов // Международные отношения. — 2018. — №4. — С. 95–103.
66. Джилавян, А.С. Неоосманская доктрина и геополитические интересы Турции в Закавказье и Центральной Азии / А.С Джилавян // Вестник Российско-армянского (славянского) университета : гуманитарные и общественные науки. — 2014. — №2 (17). — С. 79–90.
67. Дмитриева, В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе / В.А. Дмитриева // Латинская Америка. — 2022. — №9. — С. 19–35.
68. Дмитриева, В.А. Перспективы гуманитарной дипломатии стран БРИКС в Латинской Америке после расширения группы / В.А. Дмитриева // Управление и политика. — 2023. — №4. — С. 24–36.
69. Дхар, А.П. Внешняя политика Республики Индия в Бенгальском заливе : основные направления, этапы, особенности : 1997–2021 гг. : дис. … канд. ист. наук : 5.6.7 / Дхар Анита Прашантовна. — М., 2022. — 211 с.
70. Емельяненко, Е. Принцип убунту во внутренней и внешней политике ЮАР / Е. Емельяненко // Международный аспект. — 2023. — №1. — С. 12–35.
71. Еремеев, Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней / Д.Е. Еремеев. — М. : Квадрига, 2017. — 376 с.

72. Зонова, Т.В. Дипломатия принуждения. Казус Ливии / Т.В. Зонова // Международные процессы. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 135–154.
73. Ильин, М.В. Возможна ли универсальная типология государств? / М.В. Ильин // Политическая наука. — 2008. – №4. – С. 8–41.
74. Ильичева, Ю.А. Особенности экономического сотрудничества Индии со странами АСЕАН : дис. … канд. экон. наук : 08.00.14 / Ильичева Юлия Александровна. — М., 2019. — 185 с.
75. Илюшина, А.А. Направления гуманитарной дипломатии во внешней политике Китая / А.А. Илюшина, Д.А Кузнецов // Россия и Китай : проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. — 2024. — №27. — С. 22–25.
76. Ипполитов, С.С. Гуманитарная деятельность как объект культурологии : определение, изучение, тенденции / С.С. Ипполитов // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. — 2018. — №2 (29). — С. 36–45.
77. Кавешников, Н.Ю. «Малые и вредные»? / Н.Ю. Кавешников // Международные процессы. — 2008. — Т. 6. — №3 (18). — С. 84–92.
78. Касаткин, П.И. «Мягкая сила» во внешнеполитической стратегии России: от теории к практике / П.И. Касаткин, Н.В. Ивкина // Право и управление. XXI в. — 2015. — №4 (37). — С. 311–322.
79. Каткова, Е.Ю. Китайский вектор внешней политики Австралийского Союза в 1996–2016 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Каткова Евгения Юрьевна. — М., 2019. — 197 с.
80. Катышева, О.В. Эволюция внешней политики Мексики в период 2000–2018 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Катышева Оксана Владимировна. — СПб, 2019. — 228 с.
81. Ковба, Д.М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы / Д.М. Ковба // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : История и политические науки. — 2023. — № 1. — С. 135–147.

82. Ковба, Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств восточноазиатского региона : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Ковба Дарья Михайловна — Екатеринбург, 2017. — 173 с.
83. Ковба, Д М. Анализ китайской гуманитарной дипломатии в англоязычной научной литературе / Д.М. Ковба // Трансформации реальности : стратегии и практики. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — С. 235–255.
84. Ковба, Д.М. Особенности китайской системы гуманитарной помощи / Д.М. Ковба // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — №4 (80). — С. 88–103.
85. Колесникова, М.А. Внешняя политика Турецкой Республики в Африке : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Колесникова Мария Александровна. — М., 2020. — 171 с.
86. Косевич, Е.Ю. Новые подходы Мексики к интеграционным процессам в Латинской Америке / Е.Ю. Косевич // Латинская Америка. — 2018. — №8. — С. 48–62.
87. Косевич, Е.Ю. Соотношение глобального и регионального во внешней политике Мексики в начале XXI века : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Косевич Екатерина Юрьевна. — М., 2018. — 268 с.
88. Кудряшова, И.В. Легко ли быть средневеликим? / И.В. Кудряшова // Международные процессы. — 2008. — Т. 6. — №3 (18). — С. 78–83.
89. Кузнецов, Д.А. Гуманитарная дипломатия и страны глобального Юга: тенденции и дискурсы / Д.А. Кузнецов, В.А. Дмитриева // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2024. — №2. — С. 89–124.
90. Кузнецов, Д.А. Международный трансрегионализм и его влияние на современные мирополитические процессы : дисс. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Кузнецов Денис Андреевич. — М., 2020. — 214 с.
91. Куклин, Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии / Н.С. Куклин. — М. : Аспект-Пресс, 2023. — 152 с.

92. Куклин, Н.С. Развитие концептуальных основ внешней политики Индонезии : 1945–2021 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Куклин Никита Сергеевич. — М., 2022. — 209 с.
93. Ларионова, М.В. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении / М.В. Ларионова, А.В. Шелепов // Вестник международных организаций. — 2019. — Т. 14. — №4. — С. 48–71.
94. Ларионова, М.В. Десятилетия развития ООН (1961–2000 гг.): эволюция систем оценки в контексте теорий развития / М.В. Ларионова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — Т. 20. — №1. — С. 170–183.
95. Ларионова, М.В. Краткая история институциональной динамики «Группы двадцати» (2008–2021 гг.) / М.В. Ларионова // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17. — №2. — С. 250–274.
96. Латинская Америка : политический ландшафт на фоне турбулентности / отв. ред. З.В. Ивановский. — М. : ИЛА РАН, 2022. — 586 с.
97. Лебедева, М.М. Акторы современной мировой политики : тренды развития / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 3 (28). — С. 38–42.
98. Лебедева, М.М. Гуманитаризация мировой политики / М.М. Лебедева // Полис. Политические исследования. — 2021. — №4. — С. 76–87.
99. Лебедева, М.М. Современные мегатренды мировой политики / М.М. Лебедева // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — №9. — С. 29–37.
100. Маврина, Ю.В. Концепция Давутоглу и ее влияние на внешнюю политику Турции : 2001–2011 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Маврина Юлия Валерьевна. — Саратов, 2014. — 213 с.
101. Макарова, Д.В. Западный и незападный подходы в современной гуманитарной дипломатии в многополюсном мире : Великобритания, ЕС, США, Российская Федерация и страны Латинской Америки и Ближнего

Востока / Д.В. Макарова // Россия и мир : развитие цивилизаций, мир, страна, университет – 25 лет развития. — 2024. — С. 122–129.

102. Мексика : парадоксы глобализации / Под ред. В.М. Давыдова. — М. : ИЛА РАН, 2013. — 336 с.
103. Мехдиев, Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции / Э.Т. Мехдиев // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — №2 (47). — С. 32–39.
104. Морозкина, А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию : влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 годов : дис. … канд. эконом. наук : 08.00.14 / Морозкина Александра Константиновна. — М., 2018. — 185 с.
105. Мрасси, Р. Эволюция концептуальных основ внешней политики Турецкой республики : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Мрасси Рашида. — М., 2010. — 224 с.
106. Наумов, А.О. «Мягкая сила» Южно-Африканской Республики : история и современность / А.О. Наумов, М.В. Белоусова // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2023. — №4. — С. 65–79.
107. Паршина, Т.Н. Становление Индии как региональной державы в Южной Азии : политологический аспект : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Паршина Татьяна Николаевна. — М., 2019. — 243 с.
108. Пестрецов, А.Р. Азербайджано-турецкие отношения: достижения и проблемы / А.Р. Пестрецов, И.М. Бабиров // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2017. — №1(41). — С. 104–110.
109. Практика современной гуманитарной дипломатии / Д.А. Кузнецов, Н.В. Гавриленко, С.М. Оболенцева и др.; под ред. Д.А. Кузнецова. — М. : Эдитус, 2022. — 206 с.
110. «Приватизация» мировой политики локальные действия – глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. — М. : Голден Би, 2008. — 279 с.

111. Пугачева, О.С. Роль социально-гуманитарного фактора во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского регулирования / О.С. Пугачева // Вестник МГИМО. — 2020. — Т. 13. — №1(70). — С. 147–168.
112. Русакова, О.Ф. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарная дипломатия / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков // Дискурс-Пи. — 2017. — №1 (26). — С. 61–72.
113. Саямов, Ю.Н. Безопасность человека как глобальная проблема / Ю.Н. Саямов // Международная жизнь. — 2021. — №1. — С. 44–55.
114. Саямов, Ю.Н. Иностранная помощь как инструмент внешней политики / Ю.Н. Саямов // Международная жизнь. — 2023. — №12. — С. 72–85.
115. Саямов, Ю.Н. Новые форматы и горизонты международных отношений / Ю.Н. Саямов // Международная жизнь. — 2024. — №8. — С. 44–55.
116. Свистунова, И.А. Гуманитарная политика Турции в странах постсоветского пространства / И.А. Свистунова // Россия и новые государства Евразии. — 2022. — №2 (55). — С. 125–135.
117. Сейидли, С.А.о. Роль и место туркоманских меньшинств в политике Турции на сирийском и иракском направлениях : дис. … канд. полит. наук : 5.5.2 / Сейидли Салех Агил оглы. — М., 2025. — 223 с.
118. Сидоренко, Н.В. Формы и механизмы международного гуманитарного сотрудничества стран Центральной Азии : дис. … канд. полит. наук : 5.5.4 / Сидоренко Наталья Валерьевна. — М., 2024. — 218 с.
119. Сидоров, В.А. Роль и место ЮАР в мировой экономике в начале XXI века : дис. … канд. экон. наук : 08.00.14 / Сидоров Василий Александрович. — М., 2013. — 210 с.
120. Современная система международной гуманитарной помощи : лучшие практики и вызовы : материалы международной конференции, Москва, 26 октября 2016 г. / МГИМО МИД России, кафедра экономической политики и государственно-частного партнерства : [отв. ред. Е.Б. Завьялова, Т.П. Интигринова]. — М. : МГИМО-Университет, 2017. — 197 с.

121. Тимофеева, Ю.А. Бразилия : наработка опыта внешней политики и политики безопасности восходящей державы (2003–2022) : дис. … канд. ист. наук : 5.6.7 / Тимофеева Юлия Андреевна. — М., 2023. — 170 с.
122. Тонян, А.А. Мягкая сила во внешней политике Индии на рубеже XX–XXI вв. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Тонян Анаит Аслановна. — Ставрополь, 2021. — 305 с.
123. Торкунов, А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / А.В. Торкунов // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — №4 (25). — С. 85–93.
124. Урманов, Д.Р. Динамика развития политики «мягкой силы» в Турецкой Республике в XXI веке : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Урманов Даян Ренатович. — Казань, 2017. — 190 с.
125. Фирсов, Э.В. Особенности эволюции политики Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе : 1945–2011 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Фирсов Эдуард Викторович. — М., 2012. — 282 с.
126. Харкевич, М.В. «Вакцинный национализм» в контексте конкуренции великих держав : анализ с позиций теории секьюритизации / М.В. Харкевич, Е.С. Зиновьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2022. — Т. 27. — №2. — С. 137–150.
127. Хохлова, Н.И. Внешняя политика Индонезии в период "реформации" после 1998 г. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Хохлова Наталья Ивановна. — М., 2013. — 193 с.
128. Цецерин, А.Н. Место и роль Республики Индонезия в АСЕАН : 1967–2011 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Цецерин Алексей Николаевич. — М., 2012. — 152 с.
129. Шавлай, Э.П. Китайское направление внешней политики Индии в 1991–2021 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Шавлай Эллина Петровна. — М., 2021. — 203 с.

130. Шаклеина, Т.А. Великие державы и региональные подсистемы / Т.А. Шаклеина // Международные процессы. — 2011. — Т. 9. — №2 (26). — С. 29–39.
131. Шаталов, А.С. Деятельность организаций системы ООН по оказанию гуманитарной помощи : механизмы и практики : дис. … канд. полит. наук : 5.5.4 / Шаталов Артемий Сергеевич. — М., 2025. — 327 с.
132. Шевченко, Н.В. Гуманитарная дипломатия России в отношении стран Восточной Азии / Н.В. Шевченко // День науки : Материалы XXX научной конференции Амурского государственного университета, Благовещенск, 15 апреля 2021 г. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2021. — С. 236–237.
133. Шерстюков, С.А. Гуманитарная политика Турции : изменение концептов, масштабов и целей / С.А. Шерстюков // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — Т. 66. — №6. — С. 101–111.
134. Шикин, В.В. Участие Индии в содействии международному развитию / В.В. Шикин, Е.А. Дегтерева // Вестник Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2014. — №1. — С. 32–40.
135. Шлыков, П.В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) / П.В. Шлыков // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2019. — №2. — С. 65–106.
136. Юдин, Н.О. Гуманитарное влияние транснациональных компаний в мировой политике в XXI веке : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Юдин Никита Олегович. — М., 2021. — 236 с.

На английском языке

137. Abbondanza, G. Australia the ‘good international citizen’? The limits of a traditional middle power / G. Abbondaza // Australian Journal of International Affairs. — 2021. — Vol. 75. — No. 2. — P. 178–196.
138. Abbondanza, G. Whither the Indo-Pacific? Middle power strategies from Australia, South Korea and Indonesia / G. Abbondaza // International Affairs. — 2022. — Vol. 9. — No. 2. — P. 403–421.
139. Abdirahman, A. Turkey’s Foray into Africa: A New Humanitarian Power? / A. Abdirahman // Insight Turkey Fall. — 2011. — Vol. 13. — No. 4. — P. 65–73.
140. Adler-Nissen, R. Opting out of the European Union : Diplomacy, Sovereignty and European Integration / R. Adler-Nissen. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 253 p.
141. Adler-Nissen, R. Stigma Management in International Relations : Transgressive Identities, Norms, and Order in International Society / R. Adler-Nissem // International Organization. — 2014. — Vol. 68. — No. 1. — P. 143–176.
142. Agrawal, S. Emerging donors in International Development Assistance : The India Case / S. Agrawal. — New Delhi : India Focus, 2007. — 18 p. — Mode of access: https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/server/api/core/bitstreams/e965db00-ce76-4f1d-b140-4ef7d8f01df2/content.
143. Albert, M. Comparing Power in the G7 and the G20 / M. Albert, M. Koch // European Review of International Studies. — 2024. — Vol. 11. — No. 1. — P. 67–94.
144. Alden, C. South African foreign policy and China : converging visions, competing interests, contested identities / C. Alden, Y.-S. Wu // Commonwealth and Comparative Politics. — 2016. — Vol. 54. — No. 2. — P. 203–231.
145. Altunisik, M.B. Humanitarian diplomacy as Turkey’s national role conception and performance : evidence from Somalia and Afghanistan / M.B. Altunisik //

Southeast European and Black Sea Studies. — 2023. — Vol. 23. — No. 3. — P. 657–673.

146. Amanor, K.S. South-South Cooperation, Agribusiness, and African Agricultural Development : Brazil and China in Ghana and Mozambique / K.S. Amanor, S. Chichava // World Development. — 2016. — Vol. 81. — P. 13–23.
147. Atkinson, J. Comparing Taiwan's foreign aid to Japan, South Korea and DAC / J. Atkinson // Journal of the Asia Pacific Economy. — 2017. — Vol. 22. — No. 2. — P. 253–272.
148. Ayhan, K.J. Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project / K.J. Ayhan // Korea Observer – Institute of Korean Studies. — 2019. — Vol. 50. — No. 1. — P. 1–24.
149. Barber, J. South Africa's Foreign Policy : The Search for Status and Security 1945–1988 / J. Barber, J. Barrat. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 410 p.
150. Barkawi, T. The Postcolonial Moment in Security Studies / T. Barkawi, M. Laffey // Review of International Studies. — 2006. — Vol. 32. — No. 2. — P. 329–352.
151. Barnett, M. Humanitarianism Transformed / M. Barnett // Perspectives on Politics. — 2005. — Vol. 3. — No. 4. — P. 723–740.
152. Barnett, M. Humanitarianism Contested: Where Angels Fear to Tread / M. Barnett, T.G. Weiss. — Abingdon, Oxon : Routledge, 2011. — 182 p.
153. Bayly M.J. Global intellectual history in International Relations : Hierarchy, empire, and the case of late colonial Indian thought / M.J. Bayly // Review of International Studies. — 2023. — Vol. 49. — No. 3. — P. 428–447.
154. Behringer, R.M. The Dynamics of Middlepowermanship / R.M. Behringer // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations ; South Orange. — 2013. — Vol. 14. — No. 2. — P. 9–22.

155. Bially Mattern, J. Review Essay : Hierarchies in World Politics / J. Bially Mattern, A. Zarakol // International Organization. — 2016. — Vol. 70. — No. 3. — P. 623–654.

156. Braude, W. Emerging Donors in International Development Assistance : The South Africa Case / W. Braude, P. Thandravan, E. Sidiropoulos. — Brighton : IDRC, 2008. — 29 p. — Mode of access: https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/server/api/core/bitstreams/7695accc-56e7-4f08-831b-0e80512c39ae/content.

157. Brazil-Africa Relations : Historical Dimensions and Contemporary Engagements, From the 1960s to the Present / Ed-s. G. Seibert, P.F. Visentini. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 2019. — 299 p.

158. Brazil-Africa Relations in the 21st Century : From Surge to Downturn and Beyond / M. Alencastro, P. Seabra. — Cham : Springer Nature, 2021. — 187 p.

159. Brazil in the International System : The Rise of a Middle Power / Ed. W.A. Selcher. — L. and N. Y. : Routledge, 1981. — 252 p.

160. Broome, A. Bad science: International organizations and the indirect power of global benchmarking / A. Broome, A. Homolar, M. Kranke // European Journal of International Relations. — 2017. – Vol. 24. — No. 3. – P. 514–539.

161. Broome, A. Governing the world at a distance : The practice of global benchmarking / A. Broome, J. Quirk // Review of International Studies. — 2015. — No. 41. — P. 819–841.

162. Bruno, I. The “Indefinite Discipline” of Competitiveness Benchmarking as a Neoliberal Technology of Government / I. Bruno // Minerva. — 2009. — Vol. 47. — P. 261–280.

163. Buarque, D. Brazil’s International Status and Recognition as an Emerging Power : Inconsistencies and Complexities / B. Buarque. — Cham : Palgrave Macmillan, 2023. — 216 p.

164. Buzan, B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 598 p.

165. Calleja, R. Moving away from aid. The experience of Mexico / R. Calleja, A. Prizzon. — L. : ODI, 2019. — 55 p.

166. Carr, A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach / A. Carr // Australian Journal of International Affairs. — 2014. — Vol. 68. — No. 1. — P. 70–84.

167. Cassity, E. Cast the net a little wider : Australian aid in the South Pacific / E. Cassity // International Journal of Educational Development. — 2008. — Vol. 28. — No. 3. — P. 246–258.

168. Chapnick, A. Middle Power no More? Canada in World Affairs since 2006 / A. Chapnick // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. — 2013. — Vol. 14. — No.2. — P. 102–111.

169. Chapnick, A. The Middle Power / A. Chapnick // Canadian Foreign Policy. — 1999. — Vol. 7. — No.2. — P. 73–82.

170. Chatin, M. Brazil : a new powerhouse without military strength? — Rio de Janeiro : BRICS Policy Center, 2013. — 27 p.

171. Clark, I. The Hierarchy of States : Reform and Resistance in the International Order / I. Clark. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — 264 p.

172. Clegg, L. Our Dream is a World Full of Poverty Indicators : The US, the World Bank, and the Power of Numbers / L. Clegg // New Political Economy. — 2010. — Vol. 15. — No. 4. — P. 473–492.

173. Colomer, J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State / J.M. Colomer. — L., N. Y. : Routledge, 2007. — 114 p.

174. Communicating National Image through Development and Diplomacy. / Ed-s. J. Pamment, K.G. Wilkins. — Cham : Palgrave Macmillan Cham, 2018. — 284 p.

175. Constantinou, C.M. In Pursuit of Crisis Diplomacy / C.M. Constantinou // The Hague Journal of Diplomacy. — 2015. — Vol. 10. — No. 1. — P. 29–34.

176. Contemporary Issues of International Relations : The Problems of International Community / Ed-s. M. Erendor, M. Öztarsu. — Cambridge : Camridge Scholars Publishing, 2020. — 420 p.

177. Cooper, A.F. Foreign policy strategies of emerging powers in a multipolar world: an introductory review / A.F. Cooper, D. Flemes // Third World Quarterly. — 2013. — Vol. 34. — No. 6. — P. 943–962.

178. Cooper, A.F. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order / A.F. Cooper, R.A. Higgot, K.R. Nossal. — Vancouver : UBC Press, 1993. — 240 p.

179. Cox, R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order / R.W. Cox // International Journal. — 1989. — Vol. 44. — No. 4. — P. 823–862.

180. Çelik, N. Islamically oriented humanitarian NGOs in Turkey : AKP foreign policy parallelism / N. Çelik, E. Işeri // Turkish Studies. — 2016. — Vol. 17. — No. 3. — P. 429–448.

181. Davis, T.W.D. Foreign Aid in Australia's Relationship with the South : Institutional Narratives / T.W.D. Davis // The Round Table : The Commonwealth Journal of International Affairs. — 2011. — Vol. 100. — No. 415. — P. 389–406.

182. Davutoğlu, A. Turkey's humanitarian diplomacy: objectives, challenges and prospects / A. Davutoğlu // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. — 2013. — Vol. 41. — No. 6. — P. 865-870.

183. Day, B. The Elite Paradigm Driving Australian Aid Policy : Learning to Live With the 'Cautious' Consensus / B. Day, T. Wells // Asia and the Pacific Studies. — 2025. — Vol. 12. — No. 1. — P. 1–11.

184. De Bruyn, T. Challenging Development Cooperation? A literature review of the approaches of the emerging powers / T. de Bruyn. — Brussels : HIVA-KU Leuven, 2013. — 39 p. Mode of access: https://ghum.kuleuven.be/ggs/research/policy-research-centre/documents-1/10-de-bruyn-finaal.pdf

185. De Lauri, A. Humanitarian Diplomacy : Research Agenda / A. de Lauri // CMI Brief. — 2018. — No. 4. — P. 1–4.

186. De Sá Guimarães, F. Brazil's entrepreneurial power in world politics: The role of great powers and regional politics for successful entrepreneurship F. de Sá

Guimarães, M.H. Almeida // International Journal. — 2018. — Vol. 73. — No. 4. — P. 518–534.

187. Delgado-Caicedo, J. Emerging Powers // Handbook of Regional Conflict Resolution Initiatives in the Global South / J. Delgado-Caicedo, J.A. Guzmán-Cárdenas; ed. J. Delgado-Caicedo. — L. and N.Y. : Routledge, 2023. — 373 p.
188. Denison, B. Conceptualizing Foreign Rule: A Relational Approach to Understanding Coercively-Imposed International Hierarchy / B. Denison // Academia. — 2018. — Mode of access: https://www.academia.edu/34345779/Conceptualizing_Foreign_Rule_A_Relational_Approach_to_Understanding_Coercively_Imposed_International_Hierarchy#loswp-work-container
189. Deutsch, K.W. The Analysis of International Relations / K.W. Deutsch. — Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1968. — 214 p.
190. Development Cooperation and Emerging Powers : New Partners or Old Patterns? / Ed-s. S. Chaturvedi, T. Fues, E. Sidiropoulos. — L. : Zed Books, 2012. — 288 p.
191. Diplomacy and the Making of World Politics / Ed-s. O.J. Sending, V. Pouliot, I.B. Neumann. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015. — 370 p.
192. Dmitrieva, V.A. The Role of IBSA Fund in Foreign Aid Policies of IBSA and BRICS Member States / V.A. Dmitrieva, D.A. Kuznetsov // MGIMO Review of International Relations. — 2024. — Vol. 17. — No. 1. — P. 113–134.
193. Donelli, F. Features, Aims and Limits of Turkey’s Humanitarian Diplomacy / F. Donelli // Central European Journal of International and Security Studies. — 2017. — Vol. 11. — No. 3. — P. 59–83.
194. Donnelly, J. Sovereign Inequalities and Hierarchy in Anarchy : American Power and International Society / J. Donnely // European Journal of International Relations. — 2006. — Vol. 12. — No. 2. — P. 139–170.
195. Donnelly, J. Systems, Relations, and the Structures of International Societies / J. Donnelly. — Cambridge : Cambridge University Press, 2024. — 456 p.

196. Dorigné-Thomson, C. Indonesia's African Foreign Policy Shift under President Jokowi / C. Dorigné-Thomson // Journal of Social and Political Sciences. — 2021. — Vol. 4. — No. 3. — P. 36–46.
197. Dunne, T. Society and Hierarchy in International Relations / T. Dunne // International Relations. — Vol. 17. — No. 3. — P. 303–320.
198. Duque, M. Recognizing International Status : A relational Approach / M. Duque // International Studies Quarterly. — 2018. — Vol. 62. — No. 3. — P. 577–592.
199. Efstathopoulos, C. Middle Powers and the Behavioural Model / C. Efstathopoulos // Global Society. — 2018. — Vol. 32. — No 1. — P. 47–69.
200. Eldridge P.J. Indonesia and Australia : the politics of aid and development since 1966 / P.J. Eldridge; Ed. R.T. Shand. — Canberra : The Australian National University, 1979. — 233 p.
201. Emerging Powers in Global Governance : Lessons from the Heiligendamm Process / A.F. Cooper, A. Antkiewicz. — Waterloo : Wilfrid Laurier University Press, 2008. — 285 p.
202. Esteves, P. "Ikke-likegylighet' I brasiliansk utenrikspolitikk / P. Esteves // Internasjonal Politikk. — 2011. — No. 2. — P. 282–292.
203. Ethics and Foreign Policy / ed. P. Keal. — Canberra : Australian National University, 1992. — 236 p.
204. Flemes, D. India, Brazil and South Africa (IBSA) in the new global order: interests, strategies and values of the emerging coalition / D. Flemes // International Studies. — 2011. — Vol. 46. — No. 4. — P. 401–421.
205. Flemes, D. Regional Leadership in the Global System: Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers / D. Flemes. — L. : Routledge, 2010. — 406 p.
206. Flemes, D. Network Powers: strategies of change in the multipolar system / D. Flemes // Third World Quarterly. — 2013. — Vol 34. — No. 6. — P. 1016–1036.

207. Fuchs, A. The Needy Donor : An Empirical Analysis of India's Aid Motives / A. Fuchs, K.C. Vadlamannati // World Development. — 2013. — Vol. 44. — P. 110–128.

208. Garett, B. Aid for trade and ecologically sustainable development in Australia's international aid / B. Garett, T. Wanner // Australian Journal of International Affairs. — 2017. — Vol. 17. — No. 6. — P. 661–677.

209. Gelber, L. Canada's New Stature / L. Gelber // Foreign Affairs. — 01.01.1946.

210. Geldenhuys, D. Isolated States : A Comparative Analysis / D. Geldenhuys. — N. Y. : Cambridge University Press, 1990. — 764 p.

211. Gilpin, R. — War and Change in World Politics / R. Gilpin. — Cambridge : Cambridge University Press, 1981. — 272 p.

212. Glazebrook, G.de T. The Middle Power in the United Nations System / G.de T. Glazebrook // International Organization. — 1947. — Vol. 1. — No. 2. — P. 307–315.

213. Global Diplomacy : An Introduction to Theory and Practice / ed-s. T. Balzacq, F. Charillon, F. Ramel. — Cham : Palgrave Macmillan Cham, 2020. — 344 p.

214. Global India : The Pursuit of Influence and Status / Ed. C. Ogden. — L. and N.Y. : Routledge, 2023. — 260 p.

215. Global Powers in the 21st Century: Strategies and Relation / Ed-s. A.T.J. Lennon, A. Kozlowski. — Cambridge, MA : MIT Press, 2008. — 456 p.

216. Granatstein, J.L. Canadian Foreign Policy Since 1945: Middle Power or Satellite? / Ed. J.L. Granatstein. — Toronto: Copp Clark Publishing Company, 1969. — 201 p.

217. Green, M.J. Is the Era of Korean Middle Power diplomacy over? / M.J. Green // The Korean Journal of Defense Analysis. — 2019. — Vol. 31. — No. 1. — P. 1–20.

218. Gries, P.H. Social Psychology and the Identity-Conflict Debate : Is a 'China Threat' Inevitable? / P.H. Green // European Journal of International Relations. — Vol. 11. — No. 2. — P. 235–265.

219. Grobbelaar, N. Rising powers in international development : the state of the debate in South Africa. IDS Evidence Report 91 / N. Grobbelaar. — Brighton : IDS, 2014. — 67 p. — Mode of access: https://www.ids.ac.uk/download.php?file=files/dmfile/RPIDLiteratureReview.pdf

220. Haas, M. International Conflict / M. Haas. — Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1974. — 681 p.

221. Haroff-Tavel, M. The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross / M. Haroff-Tavel // Relations Internationales. — 2005. — No. 121. — P. 72–89.

222. Herindrati, S. Pacific Elevation : Indonesia's Vision for Strategic Engagement and Regional Diplomacy / S. Herindrati, J. Fernando, T.M. Hop // Jurnal Asia Pacific Studies. — 2025. — Vol. 9. — No. 1. — P. 98–131.

223. Hierarchies in World Politics / Ed. A. Zarakol. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — 332 p.

224. Hierarchy in Natural and Social Sciences / Ed. D. Pumain. — Amsterdam : Springer, 2006. — 256 p.

225. Holbraad C. Middle Powers in International Politics / C. Holbraad. — L. : Palgrave Macmillan London, 1984. — 234 p.

226. Holmes, J.W. Most Safely in the Middle / J.W. Holmes // International Journal. — 1984. — Vol. 39. — No. 2. — P. 366–388.

227. Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft / Eds. L. Minear, H. Smith. — Tokyo : UNU Press, 2006. — 450 p.

228. Huntington, S.P. The lonely superpower / S.P. Huntington // Foreign Affairs. — 1999. — Vol. 78. — No. 2. — P. 35–49.

229. Hurrell, A. Narratives of emergence: Rising powers and the end of the Third World? / A. Hurrell // Brazilian Journal of Political Economy. — 2013. — Vol. 33. — No. 2 (131). — P. 203–221.

230. Hussein, R. Humanitarian Diplomacy in Action : Examining Muhammadiyah as a Model for Faith-Based Organizational Engagement / R. Hussein, B. D.

Kurniawan, N. Kurniawati // Jurnal Hubungan Internasional. — 2024. — Vol. 13. — No. 1. — P. 1–16.

231. Hyunh, T.-S. Bolstering middle power standing: South Korea's response to U.S. Indo-Pacific strategy from Trump to Biden / T.-S. Hyunh // The Pacific Review. — 2023. — Vol. 36. — No. 1. — P. 32–60.
232. Ikenberry, G.J. Liberal Leviathan : The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order / G.J. Ikenberry. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2012. — 372 p.
233. India's Approach to Development Cooperation / Ed-s. S. Chaturvedi, A. Mulakala. — L. and N.Y. : Routledge, 2016. — 224 p.
234. India's Neighbourhood Vaccine Diplomacy During COVID-19 Pandemic : Humanitarian and Geopolitical Perspectives / B. Singh, S. Singh, B. Singh, V.K. Chattu // Journal of Asian and African Studies. — 2023. — Vol. 58. — No. 6. — P. 1021–1037.
235. Indian Development Cooperation : The State of the Debate / S. Chaturverdi, A.M. Chenoy, D. Chopra, A. Joshi, K.H.S. Lagdhyan. — Brighton : Insitute of Development Studies, 2014. — 48 p. — Mode of access: https://opendocs.ids.ac.uk/articles/report/Indian_Development_Cooperation_the_State_of_the_Debate/26480827?file=48254923.
236. Indonesia's Humanitarian Diplomacy Contribution to ASEAN Security Stability through the Provision of Cyclone Mocha Disaster Relief in Myanmar / A. Zakaria, P. Widodo. S.N.H. Kertopati, M.F. Firdaus // International Journal of Humanities Education and Social Sciences. — 2024. — Vol. 3. — No. 5. — P. 2392–2404.
237. Inoue, C.Y.A. Brazil as 'Southern donor' : beyond hierarchy and national interests in development cooperation? / C.Y.A. Inoue, A.C. Vaz // Cambridge Review of International Affairs. — 2012. – Vol. 25. — No. 4. – P. 507–534.
238. International Organization in the Anarchical Society / Ed-s. T.B. Knudsen, C. Navari. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2019. — 368 p.

239. International Relations of Northeast Asia / Ed. S.S. Kim. — Lanham, Maryland : Rowman and Littlefield Publishers, 2004. — 384 p.
240. International Relations Theory and the Asia-Pacific / Ed-s. G.J. Ikenberry, M. Mastanduno. — N.Y., Chichester : Columbia University Press, 2003. — 578 p.
241. İpek, V. Turkey's Foreign Policy Implementation in Sub-Saharan Africa: A Post-International Approach / V. İpek, G. Biletkin // New perspectives on Turkey. — 2013. — No. 49. — P. 121–156.
242. Jackson, P.T. Reclaiming the Social : Relationalism in Anglophone International Studies / P.T. Jackson, D.H. Nexon // Cambridge Review of International Affairs. — 2019. — Vol. 32. — No. 5. — P. 582–600.
243. Jackson, P.T. Relations before States : Substance, Process and the Study of World Politics / P.T. Jackson, D.H. Nexon // European Journal of International Relations. — 1999. — Vol. 5. — No. 3. — P. 291–332.
244. John, J.V. Becoming and being a middle power : Exploring new Dimension of South Korea's foreign policy / J.V. John // China Report. — 2014. — Vol. 50. — No. 4. — P. 325–341.
245. Jordaan, E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations : Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers / E.C. Jordaan // Politikon. — 2003. — Vol. 30. — No. 2. — P. 165–181.
246. Jung, T.Y. Joint crediting mechanism under the Paris agreement and its implication to the climate policy in Korea / T.Y. Jung, J. Sohn // Journal of Climate Change Research. — 2016. — Vol. 7. — No. 4. — P. 373–381.
247. Kalinowski, T. Korea's Search for a Global Role between Hard Economic Interests and Soft Power / T. Kalinowski, H. Cho // The European Journal of Development Research. — 2012. — Vol. 24. — No. 2. — P. 242–260.
248. Kang, D.C. Hierarchy and Legitimacy in International Systems : The Tribute System in Early Modern East Asia / D.C. Kang // Security Studies. — 2010. — Vol. 19. — No. 4. — P. 591–622.

249. Kaplan, M.A. System and Process in International Politics / M.A. Kaplan. — N.Y. : John Wiley & Sons, 1957. — 283 p.

250. Kavak, G. Aid from African Countries to Türkiye After the Kahramanmaraş Earthquakes / G. Kavak // Olgu Sosyoloji Dergisi. — 2023. — Vol. 2. — No. 1. — P. 20–35.

251. Keene, E. Social Status, Social Closure and the Idea of Europe as a ‘Normative Power’/ E. Keene // European Journal of International Relations. — 2013. — Vol. 19. — No. 4. — P. 939–956.

252. Kelley, J.G. Politics by Number : Indicators as Social Pressure in International Relations / J.G. Kelley, B.A. Simmons // American Journal of Political Science. — 2015. — Vol. 59. — No. 1. — P. 55–70.

253. Keohane, R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics / R. Keohane // International Organization. — 1969. — Vol. 23. — No. 2. — P. 291–310.

254. Kim, S. Critical Understanding of the Concept of Smart Power : A perspective of Middle-Power’s Network Power / S. Kim // Kukje Jeongchi Nonchong. — 2009. — Vol. 49. — No. 4. — P. 7–33.

255. Kim, S. Korea’s Solidarity with the Global South (to Which It Didn’t and Doesn’t Belong) / S. Kim // Pacific Focus. — 2025. — Vol. 40. — No. 1. — P. 125–144.

256. Kim, S.-M. The domestic politics of international development in South Korea : stakeholders and competing policy discourses / S.-M. Kim // The Pacific Review. — 2015. — Vol. 29. — No. 1. — P. 67–91.

257. Kramarz, T. The World Bank as Knowledge Bank : Analyzing the Limits of a Legitimate Global Knowledge Actor / T. Kramarz, B. Momani // Review of Policy Research. — 2013. — Vol. 30. — No. 4. — P. 409–431.

258. Kurki, M. International Relations in a Relational Universe / M. Kurki. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — 228 p.

259. Kurki, M. Relational Revolution and Relationality in IR : New Conversations / M. Kurki // Review of International Studies. — 2022. — Vol. 48. — No. 5. — P. 821–836.

260. Lake, D.A. Anarchy, hierarchy, and the variety of international relations / D.A. Lake // International Organization. — 1996. — Vol. 50. — No. 1. — P. 1–33.

261. Lake, D.A. Hierarchy in International Relations / D.A. Lake. — Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 2009. — 248 p.

262. Lake, D.A. Rightful Rules : Authority, Order, and the Foundations of Global Governance / D.A. Lake // International Studies Quarterly. — 2010. — Vol. 54. — No. 3. — P. 587–613.

263. Larson, D.W. Status seekers : Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy / D.W. Larson, A. Shevchenko // International Security. — 2010. — Vol. 34. — No. 4. — P. 63–95.

264. Lawrimore, T.M. Aid as a building bloc: Australia and the Bretton Woods Institutions / T.M. Lawrimore, J.R. Vreeland // Australian Journal of Political Science. — 2018. — Vol. 53. — No. 4. — P. 463–479.

265. Leashing the Dogs of War : Conflict Management in a Divided World / Ed-s. C.A. Crocker, F.O. Hampson, P.R. Aall. — Washington : USIP Press, 2007. — 726 p.

266. Liao, J.C. US-Japan-ROK Trilateral Cooperation in international development: Global trends, national variations, opportunities and challenges / J.C. Liao // Korea Policy. — 2024. — Vol. 2. — No. 1. — P. 1–21.

267. MacDonald, P. Embedded authority : a relational network approach to hierarchy in world politics / P. MacDonald // Review of International Studies. — 2018. — Vol. 44. — No. 1. — P. 128–150.

268. Masters, R.D. World Politics as a Primitive Political System / R.D. Masters // World Politics. — 1964. — Vol. 16. — No. 4. — P. 595–619.

269. McConaughey, M. Beyond Anarchy : Logics of Political Organization, Hierarchy, and International Structure / M. McConaughey, P. Musgrave, D. Nexon // International Theory. — 2018. — No. 10. — P. 181–218.

270. McDonald, M. Australian Foreign Policy under the Abbott Government: Foreign Policy as Domestic Policies? / M. McDonald // Australian Journal of International Affairs. — 2015. — Vol. 69. — No. 6. — P. 651–669.

271. Middle Powers in Global Governance : The Rise of Turkey / Ed. E. Parlar Dal. — Cham : Palgrave Macmillan, 2018. — 294 p.

272. Middle powers in the rise of China / Ed. B. Gilley, A. O'Neil. — Washington : Georgetown University Press, 2014. — 240 p.

273. Mitrany, D. The Progress of International Government / D. Mitrany. — L. : George Allen & Unwin Ltd., 1933.

274. Montoya, M.A. The Geopolitical Factor of Belt and Road Initiative in Latin America : The cases of Brazil and Mexico / M.A. Montoya, D. Lemus, E. Kaltenecker // Latin American Journal of Trade Policy. — 2019. — Vol. 2. — No. 5. — P. 6–21.

275. Morais de Sá e Silva, M. South-South cooperation resilience in Brazil: presidential leadership, institutions and bureaucracies / M. Morais de Sá e Silva // Third World Quarterly. — 2021. — Vol. 42. — No. 10. — P. 2353–2371.

276. Morgenthau, H.J. Politics among Nations : The struggle for Power and Peace / H.J. Morgenthau. — N.Y. : Alfred A. Knopf, Inc., 1949. — 520 p.

277. Murray, R.W. Middlepowermanship and Canadian Grand Strategy in the 21st Century / R.W. Murray // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations ; South Orange. — 2013. — Vol. 14. — No. 2. — P. 89–99.

278. Nedon, D.K. Anarchy and Authority : International Structure, the Balance of Power, and Hierarchy / D.K. Nedon, D.H. Hexon // Journal of Global Security Studies. — 2019. — Vol. 4. — No. 2. — P. 169–189.

279. Nesmashnyi, A.D. International hierarchy and functional differentiation of states : results of an expert survey / A.D. Nesmashnyi, V.M. Zhornist,

I.A. Safranchuk // MGIMO Review of International Relations. — 2022. — Vol. 15. — No. 3. — P. 7–38.

280. O'Hagan, J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy / J. O'Hagan // Australian Journal of International Affairs. — 2016. — Vol. 70. — No. 6. — P. 657–669.
281. Oakman, D. Facing Asia : A history of the Colombo Plan / D. Oakman. — Canberra : ANU Press, 2010. — 323 p.
282. Onuf, N.G. Making Sense, Making World : Constructivism in Social Theory and International Relations / N.G. Onuf. — L. : Routledge, 2013. — 256 p.
283. Onuf, N.G. Recognition and the Constitution of Epochal Change / N.G. Onuf // International Relations. — 2013. — Vol. 27. — No. 2. — P. 121–140.
284. Onuf, N.G. Rule and Rules in International Relations. Lecture at the Cluster of Excellence : The Formation of Normative Orders / N.G. Onuf. — Goethe University Frankfurt/Main, 5 February.
285. Onuf, N.G. World of Our Making : Rules and Rule in Social Theory and International Relations / N.G. Onuf. — L. : Routledge, 1989. — 352 p.
286. Organski, A.F.K. World Politics / A.F.K. Organski. — N. Y. : Alfred A. Knopf, Inc., 1968. — 2nd ed. — 509 p.
287. Owusu, V.A Comparative Analysis of South Korean vs. Indian ODA Strategy in Africa : The Case of South Korean Engagement in Ghana and Rwanda / V.A. Owusu // SNU Journal of International Affairs. — 2019. — Vol. 3. — No. 2. — P. 71–98.
288. Öniş, Z. The Dynamics of Emerging Middle-power Influence in Regional and Global Governance : the Paradoxical Case of Turkey / Z. Öniş, M. Kutlay // Australian Journal of International Affairs. — 2017. — Vol. 71. — No. 2. — P. 164–183.
289. Özkan, M. Does "rising power" mean "rising donor"? Turkey's development aid in Africa / M. Özkan // Africa Review. — 2013. — Vol. 5. — No. 2. — P. 139–147.

290. Parlar Dal, E. Assessing Turkey's middle power foreign policy in MIKTA : Goals, means, and impact / E. Parlar Dal, A.M. Kurşun // International Journal. — 2016. — Vol. 71. — No. 4. — P. 608–629.

291. Parlar Dal, E. Conceptualizing and testing the 'emerging regional power' of Turkey in the shifting international order / E. Parlar Dal // Third Word Quarterly. — 2016. — Vol. 37. — No. 8. — P. 1425–1453.

292. Parlar Dal, E. The Transformation of Turkey's Relations with the Middle East: Illusion or Awakening? / E. Parlar Dal // Turkish Studies. — 2012. — Vol. 13. — No. 2. — P. 245–267.

293. Patience, A. Imagining Middle Powers / A. Patience // Australian Journal of International Affairs. — 2014. — Vol. 68. — No. 2. — P. 210–224.

294. Perbawani, F.C.L. Indonesia's Humanitarian Diplomacy under Jokowi's Era : Non-Megaphone Diplomacy? / F.C.L. Perbawani // Proceedings of Airlangga Conference on International Relations – Volume I. — Surabaya : ACIR, 2018. — P. 250–257.

295. Pennington, L. Partner of Choice : Australian National Interest in Infrastructure Development Programs in Papua New Guinea / L. Pennington // Asia and the Pacific Policy Studies. — 2024. — Vol. 12. — No. 1. — P. 1–9.

296. Ping, J. Middle Power Statecraft : Indonesia, Malaysia, and the Asia Pacific / J. Ping. — Aldershot : Ashgate, 2005. — 270 p.

297. Porter, T. Global benchmarking networks : the cases of disaster risk reduction and supply chains / T. Porter // Review of International Studies. — 2015. — Vol. 41. — No. 5. — P. 865–886.

298. Quadir, F. Rising donors and the new narrative of 'South-South' cooperation : What prospects for changing the landscape of development assistance programmes? / F. Quadir // Third World Quarterly. — 2013. — Vol. 34. — No. 2. — P. 321–338.

299. Regilme, S.S.F.jr. Comparing U.S. and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers / S.S.F. Regilme jr. , O. Hodzi // The International Spectator. — 2021. — Vol. 56. — No. 2. — P. 114–131.

300. Régnier, P. The emerging concept of humanitarian diplomacy : identification of a community practice and prospects for international recognition / P. Régnier // International Review of the Red Cross. — 2011. — Vol. 93. — No. 884. — P. 1211–1237.

301. Renshon, J. Fighting for Status : Hierarchy and Control in World Politics / J. Renshon. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2017. — 304 p.

302. Robertson, J. Middle-power definitions: confusion reigns supreme / J. Robertson // Australian Journal of International Affairs. — 2017. — Vol. 71. — No. 4. — P. 355–370.

303. Roehrig T. South Korea, Foreign Aid, and UN Peacekeeping : Contributing to International Peace and Security as a Middle Power / T. Roehrig // Korea Observer. – 2013. – Vol. 44. – No. 4. – P. 623–645.

304. Rosecrance, R.N. Action and Reaction in World Politics : International Systems in Perspective / R.N. Rosecrance. — Boston : Little, Brown and Company, 1963. — 330 p.

305. Rosser, A. Asia's rise and the politics of Australian aid policy / A. Rosser // The Pacific Review. — 2016. — Vol. 29. — No. 1. — P. 115–136.

306. Rothstein, R.L. Alliances and Small Powers / R.L. Rothstein. — N.Y., L. : Columbia University Press, 1968. — 331 p.

307. Rudincová, K. New player on the scene: Turkish engagement in Africa / K. Rudincová // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. — 2014. — No. 25. — P. 197–213.

308. Sarkar, B.K. Hindu theory of International Relations / B.K. Sarkar // The American Political Science Review. — 1919. — Vol. 13. — No. 3. — P. 400–414.

309. Sato, J. Variety of Muddle-Income Donors : Comparing Foreign Aid Approaches by Thailand and Indonesia. JICA-RI Working Paper, January 2019. No. 180 / J. Sato, A. Santikajaya. — Tokyo : JICA Research Institute, 2019. — 40 p.

310. Scholvin, S. Emerging Non-OECD Countries : Global Shifts in Power and Geopolitical Regionalization / S. Scholvin // German Institute of Global Area Studies. — 2010. — 28 p. — Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/114849/wp128.pdf
311. Schulz C.-A. Hierarchy salience and social action : disentangling class, status, and authority in world politics / C.-A. Schulz // International Relations. — 2018. — Vol. 33. — No. 1. — P. 88–108.
312. Schwarzenberger, G. Power Politics: A Study of International Society / G. Schwarzenberger. — L. : Steven/F. A. Praeger, 1951. — 898 p.
313. Scott, D. Australia as a Middle Power: Ambiguities of Role and Identity / D. Scott // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. — 2013. — Vol. 14. — No. 2. — P. 111–122.
314. Shin, D. A Critical Review of the Concept of Middle Power / D. Shin // E-International Relations. — 2015. — Mode of access: https://www.e-ir.info/2015/12/04/a-critical-review-of-the-concept-of-middle-power/
315. Simpson, G. Great Powers and Outlaw States : Unequal Sovereigns in the International Legal Order / G. Simpson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — 391 p.
316. Siradag, A. Benevolence or Selfishness: Understanding the Increasing Role of Turkish NGOs and Civil Society in Africa / A. Siradag // Insight on Africa. — 2015. — Vol. 7. — No. 1. — P. 1–20.
317. Souter, J. Good International Citizenship and Special Responsibilities to Protect Refugees / J. Souter // The British Journal of Politics and International Relations. — 2016. — Vol. 18. — No. 4. — P. 795–811.
318. South African Foreign Policy Review : Ramaphosa and a New Dawn for South African Foreign Policy / Ed-s. L. Masters, P. Mthembu, J.-A. van Wyk. — Sandton : AISA Press, 2023. — 406 p.
319. Special Responsibilities : Global Problems and American Power / Ed-s. M. Bukovansky, I. Clark, R. Eckersley, R. MacKay Price, C. Reus-Smit, N.J. Wheeler. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — 290 p.

320. Status and the Rise of Brazil : Global Ambitions, Humanitarian Engagement and International Challenges / Ed-s. P. Esteves, M.G. Jumbert, B. de Carvalho. — Cham : Palgrave Macmillan, 2020. — 247 p.
321. Status in World Politics / T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 306 p.
322. Stiles G.R. The G7 and the management of International Order : The Return of the Old School: thesis… PhD. — Leeds, 2023. — 244 p.
323. Subotic, J. Cultural Intimacy in International Relations / J. Subotic, A. Zarakol // European Journal of International Relations. — 2013. — Vol. 19, No. 4. — P. 915–938.
324. Sucuoglu, G. Turkey in Somalia: Shifting Paradigms of aid / G. Sucuogly, J. Strains. — Johannesburg : South African Institute of International Affairs, 2016. — 52 p. — Mode of access: https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2016/11/Turkey-In-Somalia-Shifting-Paradigms-of-Aid.pdf
325. Süsler, B. Turkey: an emerging power in a changing world? / B. Süsler. — L. : LSE Ideas, 2019. — 20 p.
326. Şeyşane, V. States as ‘Humanitarians’: the Turkish Brand of Humanitarian Diplomacy / V. Şeyşane, G. Tanriverdi-Şeyşane // Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi. — Vol. 10. — No. 1. — P. 153–178.
327. Tekir, G. Humanitarian diplomacy as a tool for India’s Middle East strategy / G. Tekir // İletişim ve Diplomasi. — 2023. — No. 10. — P. 3–22.
328. The Depth of Turkish geopolitics in the AKP’s foreign policy : From Europe to an extended neighbourhood / Ed-s. A. Chiratti, E. Diodatom, S. Doğan, F. Donelli, B. Yılmaz. — Perugia : Università per Stranieri di Perugia, 2014. — 97 p.
329. The Expansion of International Society / Ed-s. H. Bull, A. Watson. — Oxford : Oxford University Press, 1984. — 479 p.
330. The Oxford Handbook of Australian Politics / Ed-s. J. M. Lewis, A. Tiernan. —Oxford : Oxford University Press, 2021. — 626 p.

331. The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / Ed-s. A. F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. — Oxford : OUP Oxford, 2013. — 990 p.

332. The Routledge Handbook on Contemporary Turkey / Ed. J. Jondergen. — L. and N.Y. : Routledge, 2022. — 534 p.

333. Thies, C.G. A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia's Place in the International System / C.G. Thies, A.C. Sari // Contemporary Southeast Asia. — 2018. — Vol. 40. — No. 3. — P. 397-421.

334. Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers / Ed. J. G. McGann. — Cham : Palgrave Macmillan Cham, 2019. — 486 p.

335. Towns, A.E. Taking the Pressure: Unpacking the Relation between Norms, Social Hierarchies, and Social Pressures on the States / A.E. Towns, B. Runelili // European Journal of International Relations. — 2017. — Vol. 23. — No. 4. — P. 756–779.

336. Towns, A.E. Women and States : Norms and Hierarchies in International Society / A.E. Towns. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — 249 p.

337. Tucker, R.W. The Inequality of Nations / R.W. Tucker. — N. Y. : Basic Books, 1977. — 224 p.

338. Turhan, Y. Turkey's Foreign Aid to Africa : An Analysis of the Post-July 15 Era / Y. Turhan // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. — 2021. — Vol. 23. — No. 5. — P. 795–812.

339. Turhan, Y. The agency of faith-based NGOs in Turkish humanitarian policy and practice / Y. Turhan, Ş.O. Bahçesik // Turkish Studies. — 2021. — Vol. 22. — No. 1. — P. 141–159.

340. Turunen, S. Humanitarian Diplomatic Practices / S. Turunen // The Hague Journal of Diplomacy. — 2020. — Vol. 15. — No. 4. — P. 459–487.

341. Tüyloğlu, Y. Turkish Development Assistance as a Foreign Policy Tool and Its Discordant Locations / Y. Tüyloğlu. — Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2021. — Mode of access: https://www.swp-

berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/CATS_Working_Paper_Nr_2_2021_Turkish_Development_Assistance_as_a_Foreign_Policy_Tool.pdf

342. Twomey, C. Australian Responses to the Indian Famine, 1876–78: Sympathy, Photography and the British Empire / C. Twomey, A.J. May // Australian Historical Studies. — 2012. — Vol. 43. — No. 2. — P. 233–252.
343. Ungerer, C. The Middle Power Concept in Australian Foreign Policy / C. Ungerer // Australian Journal of Politics and History. — 2007. — Vol. 53. — No. 4. — P. 538–551.
344. Urcan, C. The Changing Nature of Diplomacy: Rising Powers' Humanitarian Diplomacy Practices / C. Urcan // The 13th Edition of the International Conference. European Integration — Realities and Perspectives. Proceedings. — 2018. — Vol. 13. — No. 1. — P. 244–250.
345. Van der Westhuizen, J. Development cooperation, the international-domestic nexus and the graduation dilemma : comparing South Africa and Brazil / J. van der Westhuizen, C.R.S. Milani // Cambridge Review of International Affairs. — 2019. — Vol. 32. — No. 1. — P. 22–42.
346. Vandenbosch, A. The Small States in International Politics and Organization / A. Vandenbosch // The Journal of Politics. — 1964. — Vol. 26. — No. 2. — P. 293–312.
347. Väyrynen, R. On the Definition and Measurement of Small Power Status / R. Väyrynen // Cooperation and Conflict. — 1971. — Vol. 6. — No. 2. — P. 91–102.
348. Vital, D. The inequality of states : a Study of the Small in International Relations / D. Vital. — Oxford : Clarendon Press, 1967. — 208 p.
349. Volgy, T.J. Rising Powers, status competition and global governance : a closer look at three contested concepts for analyzing status dynamics in international politics / T.J. Volgy, K.M. Gordell // Contemporary Politics. — 2019. — Vol. 25. — No. 5. — P. 512–531.

350. Waisbich, L.T. Active Non-Alignment: Brazil and the Measurement of South-South Development Cooperation / L.T. Waisbich // Revista Tempo Do Mundo. — 2023. — No. 31. — P. 55–86.

351. Wallerstein, I. The Modern World-System I : Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century, with a New Prologue / I. Wallerstein. — Berkeley : University of California Press, 2011. — 440 p.

352. Wallerstein, I. The Politics of World Economy : The States, the Movements and the Civilizations / I. Wallerstein. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — 191 p.

353. Wallis, J. Is it time for Australia to Adopt a “Free and Open” Middle-power Foreign Policy? / J. Wallis // Asia Policy. — 2020. — Vol. 15. — No. 4. — P. 7–20.

354. Waltz, K. Theory of International Politics / K. Waltz. — Reading : Addison-Wesley Publishing Company, 1979. — 251 p.

355. Ward, S.M. Lost in Translation : Social Identity Theory and the Study of Status in World Politics / S.M. Ward // International Studies Quarterly. — 2017. — Vol. 64. — No. 4. — P. 821–834.

356. Watson, I. Environmental Security and New Middle Powers : The Case of South Korea / I. Watson, C. L. Pandey // Asian Security. — 2014. — Vol. 10. — No. 1. — P. 70–95.

357. Weber, M. Economy and Society : An Outline of Interpretive Sociology / M. Weber. — N.Y. : Bedminster Press, 1968. — 1469 p.

358. Weber, S. Simulating Sovereignty : Intervention, the State and Symbolic Exchange / S. Weber. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 150 p.

359. White, L. Emerging powers in Africa : Is Brazil any different? / L. White // South African Journal of International Affairs. — 2013. — Vol. 20. — No. 1. — P. 117–136.

360. Wight, M. Power Politics. / M. Wight; ed-s. H. Bull, C. Holbraad. — N. Y. : Holmes & Meier Publishers, 1978. — 317 p.

361. Wilkins, T. Australia and middle power approaches to Asia Pacific regionalism / T. Wilkins // Australian Journal of Political Science. — 2017. — Vol. 52. — No. 1. — P. 110–125.

362. Wohlforth, W.C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War / W.C. Wohlforth // World Politics. — 2009. — Vol. 61. — No. 1. — P. 28–57.

363. Wood B. The Middle Powers and the General Interest / B. Wood. — Ottawa : The North-South Institute, 1988. — 31 p.

364. Yoshimatsu, H. Maintaining influence through economic statecraft: Australia's response to China's presence in the Pacific region / H. Yoshimatsu, R. Maso // Asian Politics & Policy. — 2024. — Vol. 16. — No. 2. — P. 145–164.

365. Youde, J.R. Creating Good International Citizens: Middle Powers and Domestic Political Institutions / J.R. Youde, T.H. Slagter // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. — 2013. — Vol. 36. — No. 52. — P. 123–133.

366. Zhang, D. China–Australia–Papua New Guinea Trilateral Aid Cooperation on Malaria Control / D. Zhang // Australian National University. In Brief. — 2015. — No. 14. — 2 p. — Mode of access: https://openresearch-repository.anu.edu.au/server/api/core/bitstreams/5a1075a3-da1a-4a6c-b802-65d71d47242a/content

367. Zhang, Y. China in International Society since 1949 : Alienation and Beyond / Y. Zhang. — Basingtoke : Macmillan, 1998. — 353 p.

368. Zyla, B. Middle-power internationalism in-between European 'paradise' and American 'power'? Canada's political role in an age of Trumpism and Brexit / B. Zyla // Australian and New Zealand Journal of European Studies. — 2019. — Vol. 11. — No. 3. — P. 63–77.

На других иностранных языках

369. Kusuma, A.J. Strategi Diplomasi Kemanusiaan Pemerintah Indonesia dalam Kasus Krisis Kemanusiaan Yang Dialami Etnis Rohingya di Myanmar Tahun 2017 / A.J. Kusuma, F.E.M. Sitorus // Mandala. Jurnal Ilmu Hubungan Internasional. — 2019. — Vol. 2. — No. 2. — P. 151–168.
370. Uziel, E.O Conselho de Segurança, as operações de manutenção da paz e a inserção do Brasil no mecanismo de segurança coletiva das Nações Unidas / E.O. Uziel. — Brasilia : Funag, 2015. — 326 p.

Интернет-источники

На русском языке

371. В Раде оценили решение Трампа о приостановке помощи другим странам [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 21.01.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250121/pomosch-1994783711.html.
372. Маск раскрыл шокирующие подробности о деятельности USAID [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 02.02.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250202/usaid-1996930948.html.
373. AFAD — 10 лет [Электронный ресурс] // Anadolu Agency: новостное агентство. — 16.12.2019. — Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/info/infografik/16548.
374. USAID перестало учитывать интересы США, заявил Рубио [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 04.02.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250204/usaid-1997213144.html.
375. В Молдавии назвали USAID агентом иностранного влияния [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 03.02.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250203/moldavija-1997138091.html.
376. В Казахстане призвали принять закон об иноагентах [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 12.02.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250212/kazahstan-1998810715.html.

377. В Грузии обвинили USAID во вмешательстве [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 12.02.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250212/gruzija-1998901186.html.
378. Венесуэльская оппозиция получила от USAID боле пяти миллиардов долларов [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 13.02.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250213/usaid-1998997540.html.
379. Агентство США USAID сворачивает программу иностранной помощи [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 01.07.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250701/ssha-2026558905.html.
380. Захарова: USAID было закрыто в РФ из-за продвижения ЛГБТ-повестки [Электронный ресурс] // Вести.ru. — 04.02.2025. — Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/4342777.
381. Национальная внешняя политика в «Век Турции» [Электронный ресурс] // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. — 2022. — Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy-ru.ru.mfa.
382. О признании НПО «Британский совет» нежелательной на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] // ФСБ. — 05.06.2025. — Режим доступа: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440294%40fsbMessage.html.
383. Примаков раскритиковал закрытие Русского дома в Азербайджане [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 16.07.2025. — Режим доступа: https://ria.ru/20250716/primakov-2029461882.html.
384. Примаков сообщил, что ЕС начал блокировку счетов Россотрудничества и культурных центров РФ [Электронный ресурс] // Россия – Исламский мир: группа стратегического видения. — 22.05.2024. — Режим доступа: https://russia-islworld.ru/temy/primakov-soobsil-cto-es-nacal-blokirovku-scetov-rossotrudnicestva-i-kulturnyh-centrov-rf-2024-05-22-41564/?ysclid=mdssmvmk7c15175198.

385. Программа развития Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // ООН. — 2010. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/undp/
386. Табаринцева-Романова К.М. Итоги — рекомендации круглого стола «Гуманитарная дипломатия и права человека : теория и практика» [Электронный ресурс] // Блог Ксении Табаринцевой-Романовой. — 15.12.2021. — Режим доступа: https://russiancouncil.ru/blogs/ksenia-tabarintseva-romanova/itogi-rekomendatsii-kruglogo-stola-gumanitarnaya-diplomatiya-i-prava-ch/

На английском языке

387. 30th anniversary of the FRANZ trilateral cooperation arrangement [Electronic resource] // Department of Foreign Affairs. — 10.07.2023. — Mode of access: https://www.dfat.gov.au/news/media-release/30th-anniversary-franz-trilateral-cooperation-arrangement
388. About the project [Electronic resource] // Türkiye Diyanet Foundation. — 2025. — Mode of access: https://tdv.org/en-EN/zakat/
389. About World Power Index [Electronic resource] // World Power Index. — Mode of access: https://www.worldpowerindex.com/about-world-power-index/
390. AMEXCID – Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo [Electronic resource] // Gobierno de México. — 2022. — Mode of access: https://www.gob.mx/amexcid
391. Australia Assists [Electronic resource] // Department of Foreign Affairs and Trade. — 2024. — Mode of access: https://www.dfat.gov.au/development/topics/development-issues/building-resilience/australia-assists.
392. Brazilian Cooperation Agency [Electronic resource] // Governo Federal. — 18.05.2021. — Mode of access: https://www.gov.br/mre/en/subjects/cooperation/brazilian-cooperation-agency

393. Cooperación Internacional para el Desarrollo otorgada por México en 2019 [Electronic resource] // Gobierno de México. — 2019. — Mode of access: https://infoamexcid.sre.gob.mx/amexcid/ccid2019/index.html
394. Country Partnership Strategy [Electronic resource] // ODA Korea. — 05.06.2024. — Mode of access: https://www.odakorea.go.kr/eng/cont/ContShow?cont_seq=29
395. Cuantificación de la Cooperación Internacional para el Desarrollo de México [Electronic resource] // Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo (AMEXCID). — 2017. — Mode of access: https://infoamexcid.sre.gob.mx/amexcid/ccid2013/home.html
396. Development [Electronic resource] // Organization for Economic Cooperation and Development. — 2024. — Mode of access: https://www.oecd.org/en/topics/development.html
397. Development Co-operation Profiles : Australia [Electronic resource] // OECD. — 11.06.2025. — Mode of access: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/australia_b4d74d53-en.html
398. Development Co-operation Profiles : Mexico [Electronic resource] // OECD. — 11.06.2025. — Mode of access: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/mexico_d55d3494-en.html
399. Development Co-operation Profiles : Türkiye [Electronic resource] // OECD. — 11.06.2025. — Mode of access: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/turkiye_09a14591-en.html
400. Dmitrieva, V.A. Middle Powers as an Element of International Hierarchy : Status Gains [Electronic resource] / V.A. Dmitrieva // SSRN. — 2025. — Mode of access: https://ssrn.com/abstract=5508118

401. Elcano Global Presence Index. Spain [Electronic resource] // Elcano Global Presence Index. — 2021. — Mode of access: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/
402. Grant Recipient Country/Agency [Electronic resource] // Indonesian Agency for International Development (Indonesian AID). — 2025. — Mode of access: https://ldkpi.kemenkeu.go.id/hibah/penerimaHibah
403. Grants & Loans [Electronic resource] // Ministry of External Affairs. Government of India. — 2024. — Mode of access: https://meadashboard.gov.in/indicators/92
404. Guillot, J. India through Western eyes : a different way of managing humanitarian aid? [Electronic resource] / J. Guillot, J. Penan, L. Grandclément // Humanitarian alternatives. — 29.11.2022. — Mode of access: https://www.alternatives-humanitaires.org/en/2022/11/29/india-through-western-eyes-a-different-way-of-managing-humanitarian-aid/
405. IFRC. Humanitarian Diplomacy Policy [Electronic resource] // IFRC. — 20.07.2017. — Mode of access: https://www.ifrc.org/sites/default/files/Humanitarian-Diplomacy-Policy_EN.pdf
406. Indonesia Emas 2045 : Rencana Pembangunan Jangka Panjang Nasional 2025-2045 [Electronic resource] // Indonesia Emas 2045. — 2025. — Mode of access: https://indonesia2045.go.id/
407. Indonesia Seeks to Become OECD Member State by 2027 [Electronic resource] // Cabinet Secretariat of the Republic of Indonesia. — 16.05.2024. — Mode of access: https://setkab.go.id/en/indonesia-seeks-to-become-oecd-member-state-by-2027/
408. Lines of Credit [Electronic resource] // India Exim Bank. — Mode of access: https://www.eximbankindia.in/lines-of-credit
409. Lowy Institute Asia Power Index 2024 Edition [Electronic resource] // Lowy Institute Asia Power Index 2024 Edition. — 2024. — Mode of access: https://power.lowyinstitute.org/countries/

410. Message from Secretary of Foreign Affairs Alicia Bárcena at the 79th UN general Debate [Electronic resource] // Gobierno de Mexico. — 29.09.2024. — Mode of access: https://www.gob.mx/sre/documentos/message-from-secretary-of-foreign-affairs-alicia-barcena-ibarra-at-the-general-debate-of-the-79th-regular-session-of-the-united-nations
411. Mexico's feminist foreign policy, one of three best in the world [Electronic resource] // Secretaría de Relaciones Exteriores. — 09.03.2023. — Mode of access: https://www.gob.mx/sre/prensa/mexico-s-feminist-foreign-policy-one-of-three-best-in-the-world
412. Neack L. Searching for Middle Powers [Electronic resource] // Oxford Research Encyclopedias. — 27.07.2017. — Mode of access: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.330
413. ODA trends and statistics [Electronic resource] // Organization for Economic Cooperation and Development. — 2023. — Mode of access: https://www.oecd.org/en/topics/oda-trends-and-statistics.html
414. Organization [Electronic resource] // ODA Korea. — 25.10.2023. — Mode of access: https://www.odakorea.go.kr/eng/cont/ContShow?cont_seq=33
415. Organization Chart [Electronic resource] // TIKA. — 2024. — Mode of access: https://tika.gov.tr/en/institutional/organization-chart/
416. Overview of India’s Development Partnership [Electronic resource] // Ministry of External Affairs Government of India. — Mode of access: https://www.mea.gov.in/Overview-of-India-Development-Partnership.htm
417. Reference Rate Archive [Electronic resource] // Reserve Bank of India. — 2025. — Mode of access: https://www.rbi.org.in/scripts/ReferenceRateArchive.aspx
418. Relations between Türkiye and South Korea [Electronic resource] // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. — 2022. — Mode of access: https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-the-republic-of-korea.en.mfa
419. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. — 2022. — Mode of access: https://www.mfa.gov.tr/

420. South Korea: Rejuvenating the traditional aid [Electronic resource] // Italian Institute for International Political Studies. — 14.04.2024. — Mode of access: https://www.ispionline.it/en/publication/south-korea-rejuvenating-traditional-aid-10211
421. Statistical Summaries — Australia's International Development Cooperation 1999–2000 to 2023–2024 [Electronic resource] // Department of Foreign Affairs and Trade. — 2025. — Mode of access: https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/statistical-summaries-australias-international-development-cooperation
422. Strurktur Manajemen [Electronic resource] // Indonesian Agency for International Development (Indonesian AID). — 2025. — Mode of access: https://ldkpi.kemenkeu.go.id/profil/strukturManajemen
423. The Business Process of Grant Provision [Electronic resource] // Indonesian Agency for International Development (Indonesian AID). — 2025. — Mode of access: https://ldkpi.kemenkeu.go.id/hibah/prosesBisnis
424. Turkish Emergency Humanitarian Assistance [Electronic resource] // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. — 2022. — Mode of access: https://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkiye.en.mfa
425. Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları [Electronic resource] // TİKA. — 2024. — Mode of access: https://tika.gov.tr/basin-odasi/yayinlar/turkiye-kalkinma-yardimlari-raporlari/
426. Who we work with [Electronic resource] // Department of Foreign Affairs and Trade. — 2025. — Mode of access: https://www.dfat.gov.au/aid/who-we-work-with/Pages/who-we-work-with
427. Zakat [Electronic resource] // Türk Kızılay. — 2025. — Mode of access: https://bagis.kizilay.org.tr/en/bagis/bagisyap/46/zakat

На других иностранных языках

428. Tentang Biro KTLN [Electronic resource] // Kerja Sama Teknik Luar Negeri Sekretariat Negara. — 2025. — Mode of access: https://ktln.setneg.go.id/id/tentang-kami?q=%2Fid%2Ftentang-kami

429. TİKA 1992'den Bu Yana 5 kıtada Yaklaşık 30 bin Proje Gerçekleştirdi [Electronic resource] // TİKA. — 30.01.2020. — Mode of access: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_1992_den_bu_yana_5_kitada_yaklasik_30_bin_proje_gerceklestirdi-55491

430. 주요정책문서 [Electronic resource] // ODA Korea. — 05.06.2024. — Mode of access: https://www.odakorea.go.kr/kor/cont/ContShow?cont_seq=21

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Расчет индекса великодержавности и среднедержавности

Таблица А.1 — Мировой индекс держав в 2015–2022 гг.

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Австралия	0,794	0,786	0,785	0,785	0,786	0,784	0,788	0,789
Австрия	0,703	0,703	0,702	0,705	0,705	0,705	0,709	0,709
Азербайджан	0,503	0,477	0,465	0,464	0,47	0,472	0,479	0,479
Албания	0,381	0,384	0,384	0,384	0,399	0,391	0,402	0,401
Алжир	0,562	0,552	0,542	0,54	0,539	0,531	0,533	0,532
Ангола	0,494	0,472	0,474	0,462	0,462	0,418	0,423	0,423
Антигуа и Барбуда	0,291	0,305	0,286	0,287	0,288	0,278	0,284	0,286
Аргентина	0,675	0,671	0,678	0,662	0,651	0,634	0,641	0,642
Армения	0,39	0,388	0,392	0,394	0,4	0,398	0,404	0,402
Афганистан	0,341	0,338	0,335	0,336	0,339	0,341	0,33	0,324
Багамские острова	0,384	0,401	0,404	0,403	0,407	0,391	0,399	0,401
Бангладеш	0,472	0,48	0,484	0,498	0,508	0,519	0,524	0,526
Барбадос	0,338	0,336	0,332	0,334	0,336	0,335	0,337	0,342
Бахрейн	0,508	0,508	0,502	0,505	0,508	0,499	0,5	0,5
Беларусь	0,515	0,51	0,507	0,508	0,514	0,506	0,509	0,502
Белиз	0,287	0,288	0,286	0,284	0,287	0,277	0,283	0,284
Бельгия	0,713	0,711	0,708	0,711	0,714	0,715	0,72	0,719
Бенин	0,308	0,303	0,31	0,318	0,322	0,325	0,327	0,329
Болгария	0,526	0,528	0,53	0,537	0,544	0,546	0,553	0,553
Боливия	0,444	0,444	0,442	0,437	0,44	0,435	0,439	0,44
Босния и Герцеговина	0,409	0,409	0,408	0,415	0,418	0,418	0,424	0,424
Ботсвана	0,425	0,429	0,426	0,432	0,434	0,425	0,429	0,43
Бразилия	0,738	0,733	0,736	0,731	0,733	0,716	0,715	0,713
Бруней	0,442	0,432	0,425	0,423	0,43	0,431	0,433	0,435
Буркина-Фасо	0,318	0,317	0,328	0,333	0,332	0,337	0,343	0,344
Бурунди	0,201	0,196	0,196	0,194	0,196	0,194	0,198	0,197
Бутан	0,267	0,273	0,272	0,272	0,277	0,278	0,276	0,276
Вануату	0,193	0,195	0,199	0,198	0,202	0,2	0,199	0,199
Великобритания	0,82	0,816	0,81	0,811	0,812	0,811	0,817	0,817
Венгрия	0,599	0,597	0,6	0,606	0,611	0,613	0,619	0,62
Венесуэла	0,551	0,533	0,528	0,506	0,47	0,451	0,463	0,479
Восточный Тимор	0,226	0,237	0,225	0,225	0,235	0,244	0,243	0,243
Вьетнам	0,524	0,529	0,533	0,539	0,55	0,567	0,568	0,57
Габон	0,402	0,393	0,386	0,375	0,38	0,384	0,387	0,387
Гаити	0,291	0,288	0,285	0,286	0,279	0,29	0,303	0,301
Гайана	0,308	0,312	0,315	0,31	0,316	0,343	0,352	0,375
Гамбия	0,169	0,166	0,176	0,188	0,199	0,2	0,21	0,211
Гана	0,427	0,418	0,43	0,427	0,434	0,431	0,44	0,441
Гватемала	0,452	0,459	0,46	0,461	0,467	0,466	0,472	0,473
Гвинея	0,257	0,293	0,297	0,298	0,31	0,306	0,31	0,311
Гвинея-Биссау	0,163	0,166	0,171	0,175	0,185	0,185	0,189	0,189
Германия	0,837	0,835	0,834	0,837	0,838	0,838	0,84	0,84
Гондурас	0,386	0,386	0,389	0,387	0,394	0,388	0,398	0,399
Гренада	0,244	0,256	0,257	0,249	0,255	0,247	0,252	0,252
Греция	0,64	0,636	0,634	0,635	0,636	0,631	0,638	0,639

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Грузия	0,412	0,411	0,411	0,411	0,416	0,404	0,411	0,411
Дания	0,697	0,696	0,695	0,696	0,697	0,7	0,703	0,703
Демократическая республика Конго	0,355	0,345	0,341	0,357	0,363	0,371	0,383	0,385
Джибути	0,248	0,255	0,271	0,272	0,277	0,278	0,28	0,28
Доминика	0,218	0,224	0,215	0,212	0,218	0,206	0,211	0,213
Доминиканская Республика	0,479	0,486	0,489	0,494	0,499	0,488	0,496	0,497
Египет	0,579	0,579	0,563	0,557	0,564	0,575	0,583	0,585
Замбия	0,39	0,383	0,382	0,375	0,377	0,358	0,358	0,358
Запад. Берег и Газа	0,358	0,359	0,36	0,357	0,362	0,359	0,369	0,37
Зимбабве	0,354	0,362	0,368	0,359	0,342	0,343	0,359	0,359
Израиль	0,689	0,691	0,695	0,697	0,701	0,703	0,712	0,713
Индия	0,685	0,689	0,695	0,698	0,704	0,701	0,71	0,713
Индонезия	0,63	0,635	0,637	0,633	0,643	0,637	0,641	0,642
Иордания	0,473	0,467	0,467	0,467	0,469	0,469	0,472	0,472
Ирак	0,539	0,534	0,531	0,536	0,549	0,539	0,539	0,543
Иран	0,639	0,644	0,646	0,628	0,607	0,59	0,591	0,593
Ирландия	0,653	0,664	0,665	0,669	0,673	0,677	0,685	0,687
Исландия	0,519	0,53	0,538	0,54	0,542	0,535	0,54	0,54
Испания	0,759	0,758	0,758	0,76	0,761	0,755	0,759	0,76
Италия	0,784	0,783	0,781	0,783	0,783	0,781	0,785	0,784
Йемен	0,374	0,355	0,341	0,331	0,338	0,334	0,337	0,338
Кабо Верде	0,253	0,251	0,25	0,255	0,258	0,25	0,259	0,26
Казахстан	0,6	0,583	0,58	0,571	0,578	0,581	0,58	0,587
Камбоджа	0,352	0,357	0,361	0,367	0,375	0,374	0,379	0,38
Камерун	0,394	0,397	0,395	0,399	0,402	0,405	0,408	0,408
Канада	0,801	0,797	0,796	0,796	0,797	0,795	0,801	0,802
Катар	0,66	0,649	0,641	0,644	0,649	0,644	0,646	0,646
Кения	0,434	0,437	0,439	0,444	0,45	0,454	0,46	0,461
Кипр	0,496	0,495	0,494	0,499	0,504	0,504	0,509	0,509
Кирибати	0,148	0,145	0,142	0,142	0,151	0,146	0,147	0,145
Китай	0,84	0,84	0,843	0,849	0,855	0,856	0,861	0,862
Колумбия	0,602	0,596	0,595	0,592	0,598	0,594	0,599	0,601
Коморские острова	0,149	0,15	0,163	0,173	0,177	0,175	0,179	0,179
Коста Рика	0,497	0,503	0,501	0,499	0,504	0,498	0,498	0,498
Кот-д'Ивуар	0,407	0,409	0,417	0,427	0,43	0,431	0,436	0,437
Куба	0,527	0,526	0,525	0,528	0,534	0,528	0,526	0,525
Кувейт	0,618	0,612	0,612	0,615	0,622	0,61	0,61	0,616
Кыргызстан	0,333	0,332	0,331	0,333	0,336	0,333	0,336	0,334
Лаос	0,342	0,358	0,357	0,359	0,366	0,366	0,365	0,365
Латвия	0,505	0,503	0,505	0,511	0,514	0,516	0,521	0,52
Лесото	0,263	0,258	0,25	0,248	0,255	0,247	0,25	0,25
Либерия	0,197	0,199	0,216	0,223	0,222	0,227	0,231	0,232
Ливан	0,499	0,5	0,498	0,496	0,493	0,449	0,428	0,421
Ливия	0,48	0,47	0,477	0,496	0,502	0,507	0,485	0,485
Литва	0,526	0,525	0,528	0,534	0,539	0,543	0,549	0,549
Люксембург	0,579	0,577	0,575	0,575	0,579	0,587	0,592	0,591
Маврикий	0,399	0,405	0,415	0,412	0,421	0,394	0,395	0,397
Мавритания	0,289	0,283	0,29	0,29	0,296	0,298	0,299	0,3

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Мадагаскар	0,298	0,294	0,3	0,308	0,312	0,304	0,311	0,311
Малави	0,246	0,238	0,245	0,255	0,264	0,285	0,288	0,287
Малайзия	0,649	0,643	0,643	0,645	0,65	0,644	0,647	0,648
Мали	0,326	0,328	0,33	0,331	0,335	0,338	0,342	0,341
Мальдивы	0,307	0,322	0,334	0,33	0,337	0,314	0,325	0,326
Мальта	0,443	0,446	0,448	0,454	0,461	0,466	0,474	0,475
Марокко	0,5	0,497	0,497	0,504	0,509	0,507	0,513	0,512
Маршалловы острова	0,146	0,153	0,147	0,147	0,148	0,146	0,149	0,148
Мексика	0,7	0,689	0,685	0,688	0,691	0,683	0,689	0,688
Мозамбик	0,35	0,331	0,33	0,334	0,34	0,335	0,341	0,343
Монголия	0,374	0,374	0,365	0,375	0,383	0,376	0,38	0,379
Мьянма	0,428	0,425	0,425	0,428	0,432	0,436	0,422	0,42
Намибия	0,41	0,402	0,401	0,402	0,402	0,392	0,396	0,395
Непал	0,37	0,372	0,379	0,374	0,382	0,389	0,39	0,391
Нигер	0,289	0,293	0,301	0,305	0,306	0,311	0,318	0,32
Нигерия	0,517	0,506	0,494	0,493	0,497	0,502	0,495	0,495
Нидерланды	0,745	0,742	0,742	0,745	0,748	0,748	0,753	0,753
Никарагуа	0,341	0,357	0,356	0,348	0,346	0,345	0,352	0,352
Новая Зеландия	0,653	0,655	0,656	0,654	0,655	0,655	0,659	0,659
Норвегия	0,73	0,724	0,721	0,721	0,72	0,713	0,721	0,722
ОАЭ	0,696	0,695	0,694	0,696	0,703	0,698	0,695	0,696
Оман	0,569	0,569	0,572	0,57	0,576	0,574	0,574	0,576
Острова Самоа	0,208	0,21	0,206	0,204	0,207	0,202	0,198	0,196
Пакистан	0,541	0,543	0,545	0,547	0,541	0,542	0,547	0,547
Палау	0,193	0,194	0,188	0,189	0,196	0,19	0,189	0,19
Панама	0,49	0,492	0,493	0,493	0,498	0,486	0,492	0,495
Папуа-Новая Гвинея	0,345	0,342	0,35	0,352	0,359	0,359	0,36	0,361
Парагвай	0,433	0,436	0,443	0,451	0,452	0,443	0,446	0,444
Перу	0,56	0,561	0,563	0,563	0,576	0,569	0,571	0,571
Польша	0,678	0,674	0,675	0,68	0,685	0,688	0,692	0,693
Португалия	0,642	0,642	0,641	0,645	0,647	0,647	0,651	0,651
Республика Конго	0,357	0,336	0,318	0,329	0,335	0,339	0,336	0,335
Республика Корея	0,765	0,764	0,766	0,771	0,773	0,773	0,775	0,775
Республика Молдова	0,358	0,359	0,369	0,377	0,384	0,385	0,396	0,394
Российская Федерация	0,757	0,746	0,748	0,751	0,756	0,751	0,755	0,747
Руанда	0,285	0,289	0,289	0,291	0,298	0,298	0,304	0,306
Румыния	0,594	0,594	0,602	0,61	0,619	0,62	0,624	0,624
Сальвадор	0,415	0,418	0,411	0,41	0,416	0,409	0,419	0,419
Сан-Томе и Принсипе	0,131	0,13	0,129	0,129	0,13	0,136	0,14	0,139
Саудовская Аравия	0,743	0,736	0,732	0,737	0,739	0,735	0,736	0,739
Северная Македония	0,386	0,386	0,382	0,386	0,392	0,391	0,397	0,397
Сейшельские острова	0,302	0,304	0,299	0,301	0,31	0,277	0,299	0,299
Сенегал	0,366	0,368	0,376	0,379	0,382	0,387	0,393	0,394
Сент-Винсент и Гренадины	0,225	0,231	0,228	0,222	0,221	0,225	0,229	0,23
Сент-Киттс и Невис	0,265	0,27	0,261	0,262	0,266	0,263	0,261	0,266
Сент-Люсия	0,268	0,277	0,277	0,281	0,275	0,264	0,27	0,274
Сербия	0,497	0,492	0,49	0,5	0,509	0,515	0,524	0,524
Сингапур	0,685	0,687	0,688	0,689	0,689	0,685	0,691	0,692
Сирия	0,363	0,329	0,34	0,351	0,351	0,347	0,346	0,344

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Словакия	0,573	0,571	0,57	0,574	0,58	0,582	0,584	0,584
Словения	0,544	0,542	0,543	0,547	0,55	0,552	0,561	0,561
Соломоновы острова	0,212	0,212	0,21	0,211	0,214	0,216	0,216	0,211
Сомали	0,194	0,193	0,195	0,197	0,207	0,215	0,222	0,222
Судан	0,411	0,421	0,412	0,361	0,348	0,338	0,344	0,342
Суринам	0,337	0,313	0,302	0,306	0,312	0,299	0,298	0,297
США	0,945	0,946	0,946	0,948	0,95	0,95	0,952	0,952
Сьерра-Леоне	0,234	0,225	0,226	0,218	0,21	0,213	0,215	0,214
Таджикистан	0,33	0,322	0,318	0,312	0,319	0,321	0,326	0,325
Таиланд	0,642	0,643	0,647	0,652	0,661	0,658	0,657	0,657
Танзания	0,399	0,399	0,399	0,396	0,403	0,405	0,409	0,41
Того	0,264	0,27	0,271	0,282	0,286	0,295	0,3	0,301
Тонга	0,179	0,177	0,179	0,18	0,181	0,19	0,19	0,187
Тринидад и Тобаго	0,465	0,459	0,452	0,459	0,461	0,455	0,451	0,453
Тунис	0,478	0,472	0,465	0,461	0,462	0,466	0,47	0,469
Туркменистан	0,425	0,418	0,416	0,414	0,419	0,418	0,419	0,417
Турция	0,682	0,688	0,686	0,682	0,683	0,679	0,683	0,683
Уганда	0,368	0,357	0,36	0,366	0,373	0,378	0,383	0,384
Узбекистан	0,451	0,452	0,454	0,448	0,452	0,451	0,459	0,459
Украина	0,537	0,53	0,536	0,545	0,558	0,558	0,567	0,535
Уругвай	0,531	0,53	0,532	0,537	0,537	0,534	0,535	0,536
Федеральные штаты Микронезии	0,148	0,155	0,155	0,148	0,149	0,158	0,155	0,153
Фиджи	0,325	0,325	0,33	0,336	0,336	0,32	0,319	0,322
Филиппины	0,569	0,574	0,578	0,575	0,582	0,577	0,58	0,583
Финляндия	0,671	0,67	0,669	0,67	0,672	0,671	0,675	0,674
Франция	0,819	0,816	0,814	0,816	0,816	0,815	0,819	0,819
Хорватия	0,537	0,535	0,52	0,525	0,528	0,53	0,539	0,538
Центральная Африканская Республика	0,164	0,168	0,175	0,184	0,187	0,193	0,195	0,195
Чад	0,284	0,271	0,261	0,258	0,261	0,261	0,265	0,265
Черногория	0,348	0,352	0,353	0,358	0,366	0,355	0,364	0,365
Чешская Республика	0,634	0,633	0,636	0,642	0,647	0,65	0,654	0,654
Чили	0,624	0,618	0,623	0,626	0,628	0,618	0,628	0,627
Швейцария	0,753	0,753	0,75	0,748	0,748	0,75	0,753	0,752
Швеция	0,737	0,736	0,733	0,731	0,729	0,729	0,733	0,733
Шри-Ланка	0,477	0,477	0,479	0,477	0,479	0,472	0,472	0,472
Эквадор	0,525	0,525	0,524	0,522	0,523	0,522	0,525	0,524
Экваториальная Гвинея	0,34	0,354	0,349	0,348	0,327	0,34	0,344	0,346
Эритрея	0,225	0,229	0,232	0,233	0,237	0,241	0,241	0,241
Эсватини	0,31	0,303	0,302	0,304	0,304	0,298	0,303	0,302
Эстония	0,505	0,503	0,505	0,514	0,521	0,523	0,531	0,529
Эфиопия	0,417	0,427	0,431	0,431	0,439	0,446	0,449	0,449
ЮАР	0,624	0,618	0,622	0,622	0,622	0,617	0,624	0,623
Южный Судан	0,297	0,224	0,218	0,22	0,237	0,257	0,243	0,246
Ямайка	0,39	0,391	0,387	0,388	0,393	0,389	0,388	0,388
Япония	0,839	0,841	0,838	0,839	0,84	0,838	0,835	0,835
Критерий великодержавности	0,796	0,789	0,788	0,788	0,789	0,787	0,792	0,793

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Критерий среднедержавности	0,622	0,616	0,618	0,619	0,621	0,616	0,622	0,622

Примечание:

красным выделены великие державы, зеленым выделены державы среднего уровня.

Источник: составлено автором на основе Мирового индекса держав[781]

[781] About World Power Index.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Географические направления гуманитарной дипломатии Турции

Таблица Б.1 — Страновые направления двусторонней ОПР Турции, млн долл. США

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
АЗИЯ							
Азербайджан	10,3	3,7	6,0	6,4	44,2	6,2	19,8
Армения	0,02	—	—	0,01	0,01	0,01	0,01
Афганистан	36,5	32,3	32,9	36,5	30,8	9,2	12,9
Бангладеш	5,6	10,1	15,2	6,6	4,9	3,2	4,0
Бутан	0,00	—	0,02	0,3	—	0,1	—
Восточный Тимор	—	—	—	—	0,002	0,003	0,003
Вьетнам	0,6	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2
Грузия	5,9	2,5	4,7	3,0	2,9	3,8	1,3
Иордания	4,2	4,3	5,4	2,9	2,9	2,5	2,8
Индонезия	3,9	0,3	2,1	2,1	1,5	1,0	1,7
Индия	2,1	0,2	1.0	0,7	0,9	0,3	0,4
Ирак	8,3	4,2	42,2	36,7	33,0	3,4	3,5
Иран	4,2	0,5	2,8	2,2	1,8	1,5	2,2
Йемен	10,0	3,3	6,1	4,4	3,9	2,0	2,1
Казахстан	20,4	50,7	22,3	21,7	24,1	23,6	29,1
Камбоджа	0,5	0,02	0,1	0,2	0,1	0,3	0,6
КНР	3,4	0,5	1,9	1,4	0,7	0,3	0,6
Кыргызстан	18,2	98,8	24,1	21,0	19,3	22,1	20
Лаос	—	0,04	—	—	0,04	0,01	0,4
Ливан	2,0	0,7	1,1	1,9	2,2	6,6	2,5
Малайзия	1,3	0,3	0,9	0,8	0,6	0,5	0,7
Мальдивы	0,1	—	0,03	0,01	0,01	0,01	0,04
Монголия	6,0	2,8	4,9	3,2	2,3	3,2	5,2
Мьянма	4,0	3,6	3,5	0,5	0,3	0,1	0,2
Непал	0,3	0,01	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4
Пакистан	10,9	6,4	3,1	3,1	3,0	7,0	4,1
Палестина	40,6	25,4	38,2	33,0	33,9	18,1	20,5
Сирия	7246,8	6698,5	7202,4	7078,2	6689,8	5772,1	5931,3
Таджикистан	3,0	1,2	1,5	1,4	1,9	1,7	1,2
Таиланд	2,0	0,1	0,9	0,6	0,3	0,2	0,3
Туркменистан	2,3	0,8	1,2	1,2	0,5	0,6	0,9
Узбекистан	5,7	17,4	5,2	2,0	3,8	2,6	2,4
Филиппины	1,5	1,0	2,0	0,6	0,3	0,3	0,3
Шри-Ланка	0,4	0,3	0,2	0,3	0,2	1,1	0,3
Рег. помощь дальневосточным странам	1,0	2,4	0,5	0,3	1,1	1,3	0,1
Рег. помощь ЦА	0,6	18,0	0,4	0,2	1,1	0,8	0,7
Рег. помощь ЮА	0,4	2,1	0,1	0,1	0,1	0,1	1,0
Рег. помощь ЦЮА	0,8	8,5	44,3	—	0,01	0,01	—
Рег. помощь Ближ. Востоку	8,8	7,9	367,9	314,4	26,6	515,3	67,0
Рег. помощь Азии	55,3	174,7	22,3	0,9	0,2	8,8	2,0
ЕВРОПА							

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Албания	6,5	4,8	9,3	59,9	4,0	5,6	10,7
Беларусь	0,1	0,1	0,1	0,04	0,1	0,1	0,1
Босния и Герцеговина	20,4	18,0	59,9	8,0	8,6	8,2	9,4
Молдова	5,3	16,5	6,9	3,8	3,5	4,6	1,9
Северная Македония	13,2	8,1	8,1	5,8	4,5	4,2	3,8
Сербия	6,5	4,4	3,1	2,8	1,0	0,8	1,1
Украина	5,3	1,8	2,6	2,3	1,2	4,7	0,7
Черногория	5,1	1,5	1,8	—	0,9	1,0	1,0
Косово*	10,7	11,7	5,2	4,7	4,9	5,8	3,8
Рег. помощь Европе	154,0	150,7	136,4	10,0	57,1	69,9	60,5
АФРИКА							
Алжир	5,2	1,4	1,9	2,2	1,5	1,0	2,1
Ангола	0,03	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Бенин	2,2	0,5	0,7	0,5	0,4	0,3	0,3
Ботсвана	0,1	—	0,1	0,1	0,1	0,03	0,03
Буркина-Фасо	1,1	0,3	0,9	0,4	0,3	0,3	0,4
Бурунди	1,3	—	0,6	0,4	0,4	0,2	0,2
Габон	0,3	—	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Гамбия	2,1	3,2	1,5	0,7	4	3	0,9
Гана	4,5	0,2	1,3	0,8	0,6	0,3	0,6
Гвинея	1,5	3,0	3,4	2,2	1,7	1,0	1,4
Гвинея-Биссау	1,0	0,4	0,4	0,4	0,6	0,3	6,0
Джибути	3,5	14,7	5,4	0,6	0,7	1,3	0,6
ДРК	2,5	0,02	0,9	0,8	0,4	0,3	-
Египет	-396,5	0,3	2,2	2,1	2,1	2,4	2,3
Замбия	1,3	0,1	0,7	0,4	0,4	0,2	0,3
Зимбабве	1,2	0,1	0,5	0,5	0,5	0,2	0,4
Кабо-Верде	0,00	—	—	–	0,002	—	0,05
Камерун	2,6	0,4	1,5	1,3	0,8	0,6	0,8
Кения	2,0	0,7	1,4	0,8	0,8	0,5	0,7
Коморские острова	1,1	0,4	0,6	0,3	0,2	0,1	0,2
Кот-д’Ивуар	1,4	—	0,7	0,5	0,3	0,2	0,3
Лесото	0,7	0,6	0,2	0,02	0,4	0,1	0,04
Либерия	0,6	—	0,4	0,2	0,2	0,2	0,2
Ливия	2,9	18,8	0,6	1,5	11,7	2,8	6,4
Маврикий	0,3	—	0,1	0,1	0,04	0,02	0,04
Мавритания	1,2	0,5	0,6	0,5	0,4	2,6	0,4
Мадагаскар	1,2	0,1	0,5	0,3	0,2	0,1	0,2
Малави	0,5	—	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2
Мали	1,7	0,3	—	—	0,6	0,5	1,0
Марокко	2,0	0,2	0,9	0,8	0,7	0,5	0,7
Мозамбик	0,7	0,4	1,5	0,2	0,2	0,2	0,7
Намибия	0,6	0,4	0,8	0,4	0,2	0,2	0,1
Нигер	9,6	5,5	5,4	1,6	1,4	1,5	1,3
Нигерия	1,1	0,01	0,7	0,7	0,7	0,5	0,8
Республика Конго	0,7	0,2	0,4	—	0,3	0,2	0,4
Руанда	1,3	0,03	0,8	0,7	0,6	0,3	0,4
Сан-Томе и Принсипи	0,1	—	0,02	0,1	0,01	0,01	0,01
Сейшелы	0,01	—	—	—	—	—	—

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Сенегал	1,2	0,5	0,6	0,9	0,8	0,7	1,8
Сомали	60,6	29,1	28,2	26,0	51,8	26,2	11,0
Судан	7,0	25,1	13,3	4,2	3,4	2,7	7,9
Сьерра-Леоне	0,6	0,1	0,3	0,4	0,3	0,3	0,5
Танзания	1,7	1,1	1,1	1,3	1,2	1,0	0,9
Того	0,8	—	0,3	0,3	0,4	0,1	0,2
Тунис	-47,4	1,1	2,1	7,4	1,5	0,9	1,3
Уганда	2,5	0,3	1,3	1,0	0,7	0,5	0,8
ЦАР	0,8	—	0,3	0,2	0,1	0,1	0,05
Чад	2,5	0,7	3,6	2,8	1,2	1,1	0,7
Экваториальная Гвинея	—	—	—	0,1	0,1	0,1	0,1
Эритрея	0,5	0,1	0,3	0,1	0,1	0,04	0,05
Эсватини	0,3		0,1	0,04	0,1	0,03	0,02
Эфиопия	5,8	0,6	3,1	2,1	1,5	1,0	1,7
ЮАР	0,1	0,9	0,8	0,2	0,4	0,5	0,8
Южный Судан	1,3	0,5	1,2	1,0	0,7	2,0	0,5
Рег. Помощь СА	0,1	1,6	0,03	3,0	0,02	0,01	—
Рег. помощь АЮС	0,5	16,2	5,3	0,1	0,3	0,1	0,4
Рег. помощь Африке	136,2	4,6	0,5	1,0	0,8	0,003	0,2
АМЕРИКА							
Аргентина	—	0,1	0,04	0,1	0,2	0,1	0,1
Белиз	—	—		—	—	0,01	0,01
Боливия	0,1	—	0,02	0,1	0,03	0,04	0,1
Бразилия	0,4	0,1	0,03	0,1	0,03	0,1	0,05
Венесуэла	0,1	0,1	0,1	0,7	0,3	0,3	0,5
Гаити	0,5	—	0,2	0,1	0,5	0,04	0,05
Гайана	—	0,1	—	0,1	0,02	0,02	0,01
Гватемала	0,1	—	0,04	0,1	0,01	0,1	0,2
Гондурас	0,1	—	0,01	0,03	0,01	0,01	0,1
Гренада	—	—	—	—	—	—	0,001
Доминика	—	—	—	—	—	0,002	—
Доминиканская республика	0,1	—	0,04	0,02	0,01	0,002	0,2
Колумбия	2,6	0,6	1,12	1,5	1,3	0,6	0,4
Коста-Рика	0,04	—	0,01	0,04	0,04	0,1	0,1
Куба	0,1	0,02	0,1	0,02	0,01	0,2	0,3
Мексика	0,6	0,9	1,6	0,5	0,6	0,6	0,4
Никарагуа	—	—	—	0,03	—	0,01	0,02
Панама	—	—	—	—	—	0,1	0,1
Парагвай	0,04	0,1	0,2	0,3	0,05	0,1	0,03
Перу	0,3	—	0,03	0,3	0,2	0,2	0,1
Сальвадор	0,02	—	0,01	0,5	0,02	0,2	0,2
Сент-Винсент и Гренадины	—	—	—	—	0,02	—	—
Сент-Люсия	—	—	—	—	0,001	0,002	0,003
Суринам	0,03	—	0,01	—	0,01	0,02	0,01
Уругвай	0,02	—	—	—	—	—	—
Чили	1,0	—	—	—	—	—	—
Эквадор	0,1	0,02	0,12	0,1	0,2	0,1	02
Ямайка	0,02	—	0,01	—	0,01	0,003	0,003
Рег. помощь ЮА	0,6	1,0	0,1	0,2	0,1	0,1	0,06

Страна	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**
Рег. помощь ЦАКБ	3,6	1,3	16,1	16,1	15,2	—	14,8
Рег. помощь Америке	0,1	17,0	1,0	—	0,2	19,9	1,1
ОКЕАНИЯ							
Вануату	0,03	—	0,01	—	—	0,002	0,01
Папуа-Новая Гвинея	0,02	—	0,01	0,01	0,01	0,002	0,01
Самоа	—	—	—	—	0,001	—	—
Тонга	0,02	—	0,01	—	—	—	—
Тувалу	—	—	—	—	—	0,1	—
Фиджи	—	—	—	0,01	0,01	0,002	—
Рег. помощь Океании	0,7	0,1	0,2	0,03	0,6	—	1,5

Примечание:

** - частично признанное государство;*

топ стран выделен желтым

Источник: составлено автором на основе Докладов TİKA[782]

[782] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Географические направления гуманитарной дипломатии Австралии

Таблица В.1 — Страновые направления двусторонней ОПР Австралии, млн долл. Австралии

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
АЗИЯ							
Афганистан	91,5	78,3	75,3	58,5	76,7	50,1	70,8
Бангладеш	114,0	113,9	133,5	139,4	125,4	115,7	111,1
Бутан	7,5	7,3	6,6	6,6	3,6	3,9	10,0
Восточный Тимор	95,8	98,8	120,7	139,5	113,0	137,6	122,0
Вьетнам	86,3	84,7	77,9	98,1	128,1	95,3	96,6
Индонезия	352,2	334,3	322,3	377,8	323,8	306,8	329,1
Камбоджа	91,0	86,3	70,6	99,8	91,5	95,4	82,2
Лаос	45,6	47,4	45,3	54,7	56,7	51,0	60,9
Мальдивы	3,3	2,3	1,9	2,6	2,1	2,5	4,0
Монголия	9,7	11,3	10,3	8,0	7,5	8,6	12,9
Мьянма	90,0	103,3	104,8	104,3	90,7	142,7	110,4
Непал	31,2	34,7	22,0	38,4	26,2	24,1	35,6
Пакистан	53,3	55,3	29,1	14,8	18,3	19,1	11,1
Филиппины	85,6	86,8	83,9	86,6	130,7	100,8	88,4
Шри-Ланка	30,9	29,9	28,1	29,7	47,4	54,1	24,7
Рег. помощь ВА	19,9	23,9	25,4	162,5	204,7	209,0	
Рег. помощь ЦЮА							37,1
Рег. помощь ЮВА							259,7
Рег. помощь ЮЗА	29,7	21,6	16,2	84,2	47,3	46,5	
Рег. помощь другим странам	189,8	213,0	233,0	75,8	90,5	55,0	63,0
ОКЕАНИЯ							
Вануату	72,2	74,0	91,7	119,5	91,4	112.5	3,7
Кирибати	29,9	31,8	32,4	39,5	39,4	42,6	0,5
Маршалловы острова	—	—	—	—	—	—	0,02
Микронезия	—	—	—	—	—	—	0,5
Науру	24,7	28,0	28,6	24,0	28,0	32,0	8,8
Новая Зеландия (о-ва)	6,7	10,3	9,5	4,9	3,6	2,7	0,4
Палау	—	—	—	—	—	—	0,1
Папуа-Новая Гвинея	539,4	616,5	618,9	745,8	706,1	643,9	98,0
Самоа	36,5	39,4	41,0	42,8	56,9	60,3	2,0
Соломоновы острова	141,8	198,2	161,7	171,5	144,8	175,1	11,5
Тонга	37,2	31,0	32,7	48,0	72,0	74,8	0,3
Тувалу	9,0	12,4	14,9	13,3	14,9	21,4	0,1
Фиджи	69,4	68,1	80,9	187,6	168,4	149,3	9,3
Рег. помощь Океании	140,4	142,8	186,3	323,8	336,2	524,9	185,3
Страны АЮС	174,5	158,0	136,6	110,7	88,8	148,2	137,8
Страны БВСА	164,9	189,4	146,9	125,2	80,9	89,3	125,0
Страны ЛАКБ	8,9	7,1	3,6	3,4	1,7	1,5	1,2

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Другие страны	1199,4	1339,2	1077,6	964,0	1000,9	1182,5	1157,9

Источник: составлено автором на основе отчетных документов МИД[783]

[783] Statistical Summaries — Australia's International Development Cooperation 1999–2000 to 2023–2024.